

Александр Филиппов

**Не верь,
не бойся,
не проси...**

Записки надзирателя

Александр Филиппов

Не верь, не бойся, не проси...
Записки надзирателя (сборник)

«Издательские решения»

2015

Филиппов А.

Не верь, не бойся, не проси... Записки надзирателя (сборник) /
А. Филиппов — «Издательские решения», 2015

В книгу вошли рассказы и повести объединённые одним героем — майором Самохиным, человеком малоизвестной профессии. Он — оперуполномоченный в колонии строгого режима. А ещё — это современная, остросюжетная, яростная проза, уже завоевавшая признание многих читателей.

Содержание

Колобок для кума	6
Побег на рывок	25
Мразь тюремная	42
Изолятор	54
1	54
2	65
3	77
4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Не верь, не бойся, не проси...
Записки надзирателя
Александр Филиппов

© Александр Филиппов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Колобок для кума

Рассказ

Прием заключенных майор Самохин проводил в тесном кабинете на первом этаже колонийской школы. Стояла сумрачная, промозглая осень. Ветхое двухэтажное здание с полутемными классными комнатами, скрипучими полами и расшатанными партами, исцарапанными матерными надписями, будто пропиталось сыростью, было холодным и неудобным.

Пока наломавшиеся за день на производственных объектах зэки подремывали под монотонное бормотание равнодушных учителей, давно отчаявшихся посеять в их душах «разумное, доброе, вечное», старший оперуполномоченный – на зонавском жаргоне «кум» – Самохин собирал от своих стукачей информацию о прожитом колонией дне. Один за другим входили в кабинет заключенные, плотно прикрывали за собой обитую войлоком и облупившимся коричневым дерматином дверь, которая глушила не предназначенные для чужих ушей разговоры.

Майор терпеливо выслушивал сообщения агентуры, в большинстве своем пустяковые, не представлявшие оперативной ценности, – отголоски всяческих внутризонавских разборок, сплетен, – которые тем не менее заносил в толстый, засаленный, похожий на подгоревший пирожок блокнот. Наиболее важные сведения Самохин держал в голове, не записывал, ибо давно уже не доверял ни папкам со строгими грифами «совсекретно», ни приказам и распоряжениям за номером «с двумя нулями», ни стальным сейфам. Даже подшитая и спрятанная за хитроумными запорами, опечатанная в несгораемых шкафах конфиденциальная информация все-таки имела свойство непостижимым образом просачиваться в зону, и сообщивший ее «источник» за откровения с «кумом» мог поплатиться головой.

Вызывая осужденных, поставлявших сведения для оперчасти, Самохин перемежал их зонавскими блатными, «отрицаловкой» и в чем-то проштрафившимися «пахарями-мужиками», так что вычислить, кто и по какому делу побывал на приеме у «кума», было практически невозможно. Выходя, каждый зэк непременно ругал дотошного опера, при этом некоторые бережно придерживали припрятанные за пазухой пачки сигарет, чая – награду за ценное сообщение.

По молодости лет знание чужих секретов будило в Самохине эдакий охотничий азарт, служебное рвение. Сведения об ином, внешне добропорядочном человеке, товарище по работе, обескураживали порой, но со временем это чувство притупилось, и майор уже как должное воспринимал тот факт, что каждого, с кем доводилось ему встречаться в жизни, сопровождает невидимая стороннему глазу тень тайных слабостей, пороков или дурных поступков.

В кабинет бочком, осторожно протиснулся Денисов – пожилой толстый зэк с отечным бабьим лицом, по кличке Фекла, – и примостился на обшарпанном, крепко привинченном к полу табурете.

Когда-то, в другой жизни, Фекла был высоким партийным начальником, но погорел на взятках и схлопотал большой срок. Не выдержав тягот тюремного бытия, опускался все ниже и, наконец, превратился в заурядного зонавского «петуха». Этому, кстати, невольно поспособствовал генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев. Оказалось, что Фекла в свое время работал с ним в Ставропольском крайкоме партии и при случае любил щегольнуть перед зэками прошлым знакомством. Как-то, в очередной раз услышав восторженные рассказы Феклы о земляке-генсеке, местный «авторитет» по кличке Губа презрительно скривился и веско заклеил хвастуна:

– Генсек, генсек... А ты, сука, гомосек! – и заржал своей шутке, определив тем самым Фекле нижайшее место в зонавской иерархии.

– Нашего петушиного полку, гражданин майор, как говорится, прибыло! – сообщил с тяжким вздохом Фекла. – Вчера вечером в третьем отряде лаврушник Батона опустил. И куда только администрация смотрит?

Самохин сразу вспомнил Батона – шустрого, встревавшего во всякие дела заключенного по фамилии Булкин. Последняя встреча майора с ним произошла дня три назад, в штрафном изоляторе, куда Булкин угодил за какую-то мелкую провинность. Тогда Самохин остановил дежурного прапорщика-контролера, который намеревался передать в камеру номер колонийской газеты – многотиражки «За честный труд», прозванной зэками «Сучий вестник».

– Заколебал меня этот Батон, товарищ майор! – пояснил прапорщик. – Передай, говорит, из бура газету, там, говорит, материалы пленума обкома партии напечатаны, изучать буду!

В отличие от помещений камерного типа – «бура» – в штрафном изоляторе газет не полагалось. Но у кого поднимется рука отказать осужденному в просьбе разрешить ознакомиться с партийным постановлением?!

– Из какой камеры бура газету передали? – поинтересовался Самохин.

– Из пятой...

– Ага... Мы сегодня туда Бобыря, кента его посадили. Дай-ка мне про этот пленум почитать...

Самохин подошел к окну, внимательно просмотрел газету и вернул прапорщику:

– Можешь отдать, пусть просвещается...

Вечером, незадолго до отбоя, майор опять заявился в ШИЗО.

– Батона когда освобождать будешь? – поинтересовался он у прапорщика.

– Срок его водворения через час заканчивается. Переодену, и пусть чешет в отряд.

– Ну-ка, приведи его ко мне, – приказал Самохин. Через минуту толстенький Батон, плутовато улыбаясь, стоял, заложив руки за спину, перед оперативником.

– Ну что, материалы пленума изучил? – будто между прочим спросил майор.

– А как же, гражданин начальник! – честно, выкатив глаза, вроде даже обиделся на нелепый вопрос Батон. – Очень интересуюсь политикой родной коммунистической партии!

– Тогда расскажи мне, какие решения приняты по организации зимовки скота в нашем районе?

– Э... мнэ-э... – замялся Батон, – я, гражданин майор, в натуре, как собака: все понимаю, а сказать не могу...

– Та-а-к... – подытожил потуги Батона Самохин и крикнул, обращаясь к дежурному контролеру: – Забирай его, отведи в камеру и не выпускай. Я ему еще десять суток добавлю!

– За что, гражданин начальник... – заныл Батон.

– За плохую политподготовку! – отрезал Самохин и ушел, сопровождаемый удивленным взглядом прапорщика. Ибо уж за что, за что, а за незнание материалов какого-то пленума зэков отродясь не наказывали.

Майор не стал тогда пояснять прапорщику, что лично пять минут назад при въезде в жилую зону остановил машину-«хлебовозку» и зашмонал у водителя литр водки. А информацию о готовящемся завозе спиртного вычитал в том самом номере «Сучьего вестника». Бобырь, приятель Батона, договорился с вольнонаемным водителем, передал деньги, но водку получить не смог – неожиданно угодил в «бур». Зная, что Батон освобождается, Бобырь попросил его забрать водку. О том, как это сделать, он подробно написал на странице газеты, наколов буквы иглой.

Рассмотрев бумагу на свет, Самохин без труда прочел указания, изъял водку и теперь в какой-то мере чувствовал свою причастность к тому, что случилось в дальнейшем с шустряком-Батоном. В том, что водка попала в руки оперативника, зэки могли обвинить ни в чем не повинного Булкина. Тем более, что в последний момент, как на грех, Самохин пожалел бедо-

лагу и не стал наказывать дополнительным сроком заключения в штрафной изолятор, невольно тем самым еще более подставив под подозрение зонавской братвы.

– Парню, понимаете, через месяц освободиться, пятерик уже отсидел, – канючил между тем Фекла, – а этот черт нерусский на зону только поднялся, а уже беспредельничает...

– Да ты толком скажи, что случилось! А то распустил нюни, бормочешь тут... – досадливо поморщился Самохин, злясь не столько на Феклу – что с него, в конце концов, взять, – сколько на свой промах.

– Есть у нас лаврушник в отряде, Джаброев, его откуда-то с Кавказа недавно перегнали. Он вообще непонятно кто по этой жизни, но под бластного шарит, – успокоившись, начал рассказывать Фекла. – Завхоз у нас в отряде, сами знаете, слабак, не может зверье это на место поставить. Зря вы Беса в бур засадили, он бы чучмеку этому хвост быстро прищемил. А теперь без него всякая шваль головы поднимает...

– А с Батоном, тьфу ты, Булкиным этим, что случилось? – нетерпеливо прервал его майор.

– Да я вроде не при делах, знаю только, что этот Джаброев его опустил, ну, в «петухи» перевел. Батон-то против лаврушника не поперет. Джаброев здоровый бычара, карате знает. На работу не выезжает, в отряде все время отирается, «балной», говорит. Ну, вы понимаете, они все такие, эти черножопые. А отрядник и завхоз беспонтовые – ни украсть, ни покараулить...

Самохин вздохнул, закурил сигарету. Действительно, дела в третьем отряде шли все хуже. Начальник отряда, капитан Ахметов, опять запил, на службе появляется по утрам помятый и, покрутившись возле штаба часок-другой, исчезает, не заходя в жилзону. Есть сведения, что деньги на водку берет у заключенных или у их родственников...

– А скажи-ка, Денисов, правда, что начальник отряда у заключенных деньги требует – вроде как займы? – поинтересовался майор.

– Ага... займы без отдачи! Каждый день с бодуна. Я точно знаю, что вчера у завхоза столыжник взял.

– А у того деньги откуда?

– Мамлеев со свидания вынес. Прапора шмонали, да не нашли. Он их в задницу засунул. Так и отдали отряднику говенные... – хихикнул Фекла.

Самохин сделал пометку в блокноте.

– Есть еще что новенького?

– Да вроде все тихо... Эх, гражданин майор. Если подумать, то Ахметова, отрядного нашего, даже жалко! Разве пойдет нормальный человек за те деньги, что вашему брату тюремщику платят, в зону работать? Вы уж извините, что я так откровенно... Но мы с вами вроде одно дело делаем. Вы кум, я стукач, так и боремся с преступностью... хе-хе... Я ведь тоже в свое время едва тюремщиком не стал...

– Ага, тебя нам как раз и не хватало – замполитом, – усмехнулся Самохин.

– А что? Очень даже могло быть! Мне, между прочим, в восьмидесятом году в Ставрополе управление исправительно-трудовых учреждений предлагали возглавить! Я ж тогда вторым секретарем горкома работал. Подумал, подумал – и отказался. Пошел в общепит. На нем и спалился. Теперь вот сижу ни за что...

– Ну да?! – удивился майор. – Я ж твое уголовное дело читал. Хлопнули тебя красиво – с поличным, по последним достижениям криминальной науки, денежки, что ты хапнул, поместили.

– Денежки... Вот именно, что денежки! Через мои руки, гражданин начальник, такие бабки прошли! А эти, с которыми взяли... так, на сигареты, баловство разное...

Самохин вспомнил одну деталь, вычитанную из обвинительного заключения ставропольскому взяточнику. При обыске в кладовой дома оперативники ОБХСС нашли доверху зава-

ленный золотыми изделиями... таз! Обыкновенный таз, в котором хозяйки дома замачивают белье или варят варенье, был наполнен кольцами, серьгами, цепочками... «А куда мне еще это барахло складывать? – пояснил подследственный милиционеру. – Я ж на себя это все не надену! Сплошная безвкусица...»

– Если б не андроповщина, – вздохнул Фекла, – хрен бы меня достали. Ну ничего. Вот посмотрите, гражданин майор, мы еще взлетим... Такие люди, как я, государству скоро понадобятся...

– Ишь, летучий какой... Голландец! – изумился Самохин безмятежной уверенности зэка. – Кому ж ты через десять лет после освобождения нужен?

– Ой, не скажите... Жена приезжала на свиданку, рассказывала... Кое-какие связи остались, я ж никого из своих на следствии не вложил! Так вот, многие в Москве нынче. Перестройка! Говорят, большая амнистия грядет. А потом такие перемены в политике, во всем государстве последуют, что вам и не снилось. Так-то вот... Сигарет подкиньте пачечку, а то до ларька еще неделя, а курево кончилось... – попросил Фекла и старательно запрятал кумовской презент где-то в глубинах своих широченных застиранных штанов.

Заклученный ушел, а Самохин еще какое-то время смотрел ему вслед, видя в окно, как, торопливо переваливаясь с боку на бок, удаляется жалкая и нелепая здесь, в зоне, фигура некогда уважаемого и вальяжного партбосса... Неужто и впрямь взлетит?

Скрипнула дверь, и в кабинет заглянул дневальный при школе – франтоватый даже в эковской робе любимец здешних престарелых учительниц, их бывший коллега, осужденный за растление малолетних, заключенный Захаров.

– Извините, гражданин майор... – вежливо покашляв, спросил он. – Еще принимать будете? А то там полный коридор педерасни набежало...

– Гони их в шею, – буркнул Самохин. – А мне пришли сюда завхоза третьего отряда. Быстро!

– Одну минуточку, – пообещал шнырь и торопливо скользнул за дверь...

Самохин с привычной обреченностью подумал о том, что сейчас заставит-таки завхоза написать докладную на своего начальника отряда, который, по сути, совершил уголовное преступление, взяв деньги у осужденного. Ему, как взяточнику, светит немалый срок, но... случается подобное сплошь и рядом, сотрудников, пойманных на таких делах, увольняют со службы и даже судят, однако неумолимая житейская практика подсказывала Самохину, что на место уволенных приходят другие, ничем не лучше. Так стоит ли суетиться особо, разоблачая замордованных нервотрепкой и нищенской зарплатой отрядников, когда майор точно знал, какие деньги и за что берут почти поголовно там, наверху...

Размышления Самохина прервал подозрительно быстро обернувшийся дневальный.

– Вас, гражданин начальник, на вахту требуют! – выпалил он, запыхавшись.

– Это тебя, козел, требуют, а меня просят... – вконец разозлился, будто предчувствуя неприятность, Самохин.

Шнырь, сконфузившись и подобострастно хихикая, ретировался, а Самохин, заперев ящики стола на легкий мебельный замочек все равно из вредного любопытства зэки откроют, посмотрят, пощупают пачки чая и сигарет, но ничего из «кумовских» припасов не возьмут, – зашагал на вахту.

Смеркалось. Окрестности колонии затянуло холодной осенней дымкой, а по периметру забора, щедро опутанного блестящей в тумане «егозой» и колючей проволокой, зажглись фонари, бросающие яркие монетки света на свежевскопанную контрольно-следовую полосу запретной зоны. По усыпанной шлаком от местной котельной и оттого по-зимнему скрипящей дорожке торопливо шныряли припоздавшие с ужина в столовой зэки. Ловко прихватив за рукав одного из них, Самохин равнодушно, больше для порядка, чем из служебного рвения, обыскал обреченно застывшего с поднятыми руками заключенного. Проверил карманы, сдер-

нул с коротко остриженной головы кепку, ощупал подкладку. Не найдя ничего, добродушно шлепнул осужденного по плечу:

– Кончай болтаться по территории, марш в отряд! Еще раз увижу – будешь ночевать в ШИЗО!

Нахлобучив кепку, зэк помчался дальше, а Самохин, вдыхая туманный осенний воздух, постоял, следя за тем, как заключенный торопливо нырнул в калитку локального сектора своего отряда. Зябко поведя плечами, майор запахнул форменный плащ и, пожалев, что не надел шинели – похолодало уже ощутимо, того и гляди, ляжет снег, – зашагал к освещенному огнями кирпичному, отродясь не штукатуренному зданию вахты. Подавив на сигнальную кнопку и услышав ответное жужжание и щелчок электрозамка, потянул на себя тяжелую, обшитую листовым металлом дверь, шагнул внутрь. В узком коридорчике едва не столкнулся с торопившимся на выход дежурным по колонии майором Алексеевым.

– А, вот и кумотдел пожаловал, – поприветствовал дежурный, – пойдём, Андреич, в цех. Там зэк затарился где-то, на съём не вышел. Вторая смена до сих пор – на объекте торчит. Комбат звонил, матерился, щас, кричит, конвой в казармы отправлю, часовых с вышек сниму, и сторожите, мол, своих жуликов сами хоть до утра!

– Да ладно тебе... В первый раз, что ли? – успокоил его Самохин, – подполковник Крымский потому психует, что боится, как бы зэк через основные заграждения не ушел. Тогда на конвой побег повесят. И комбату соответственно втык сделают. А ему это ни к чему. Я слышал, его вроде как на повышение забирают.

– В полк, что ли?

– В дивизию имени Дзержинского! Слыхал про такую? В Подмоскowie служить будет. Там внутренних войск много... На случай массовых выступлений трудящихся...

Алексеев нетерпеливо пнул решетчатую дверь, перекрывавшую путь к выходу из жилой зоны.

– Эй, чекист! Уснул, что ли? Открывай, свои...

Часовой КПП, невидимый из-за полумрака в застекленной клетушке, с грохотом выдернул запирающий штырь, и Алексеев первым устремился на выход, бормоча:

– Вот черти нерусские! Я все думаю, чего их, тупых таких, во внутренние войска призывают? А потому что они, в случае чего, нашего брата не пожалеют!

– Ну да... Латышских-то стрелков на всех русаков теперь не хватит... – хмыкнул Самохин, разделяя извечную неприязнь колонийских офицеров к внутренним конвойным войскам.

– Щас я этих прапоров раздолбаю! – широко шагая в своей развевающейся шинели, пригрозил Алексеев. – Совсем контролеры мышей не ловят! Всю смену в каптерках сидят, чай дуют да ландорики хрупают. Вот зэки и разбегаются, как тараканы по щелям!

– А кто... пропал-то? – едва поспевая за дежурным, стремясь сбить отдышку, поинтересовался Самохин.

– При пересчете на съеме проверка не сошлась. Одного зэка не хватило. Ну, ты знаешь, как эти прапора считают! У них же образование три класса на двоих, пока пересчитывали, стемнело уже. Теперь по углам ищут. Спит где-нибудь, зэчья морда! Так и не нашли. Подняли тревогу, проверили следовую полосу, периметр – все чисто. Сигнализация тоже не срабатывала. Часовые на вышках ничего не заметили... Да они и не видят ни хрена, чурки эти! Но уйти все равно не должен. На территории он где-то. Найду – убью падлу! Будут знать, суки, как в мою смену прятаться!

– Как фамилия зэка?

– Да забыл я... На языке крутится, съедобная такая... Сухарев... Горбушкин...

– Булкин! – подсказал Самохин, догадываясь.

– Точно! Батон, сука... Найду – урою пидора!

«А вот это уже плохо...» – подумал про себя Самохин. Вряд ли заключенный, которого «опустили» под конец срока, отправится после случившегося беззаботно спать в потаенном местечке...

– Дрянь дело! – подытожил Самохин. – У меня на этого Булкина информация есть. Он сейчас что угодно натворить может.

– Вот блин! – выругался дежурный. – И обязательно в мою смену! А мне завтра с утра корову на прививку вести... Если побег – все дела побоку. Уйду на пенсию к чертовой матери!

– Если побег – тебя на пенсию и так выпрут! Не спрашивая желаний! – съехидничал Самохин.

– Тебя тоже. Ты у нас кто? Кум! А кум должен все знать и предотвратить побег еще в стадии замысла! – парировал Алексеев.

– Это точно! – подтвердил Самохин, который уже давно не боялся ни выговоров, ни увольнения. – Уйдем, будем на пару с тобой коров разводить... Я доить научусь, молоко продавать начнем. А зэки пусть хоть перережутся здесь, хоть разбегутся к чертям собачьим! Хватит, навоевались с преступностью! Пушай другие попробуют. А то что-то больно много умников развелось. Все советуют, как этих, оступившихся, правильно перевоспитывать надо...

– Ну да... Все перестраиваются... Мне знакомый рассказывал. Он в пятой колонии, на строгом режиме, служил. Освободился у них один урка – блатной, из ШИЗО не вылезал. А недавно заявляется в составе какой-то комиссии. Депутатом что ли, или хрен их там разберет кем, заделался. И давай зону шерстить! Ну, мой знакомый, он режимником был, не выдержал и говорит козлу этому: жаль, мол, что я тебя, гниду, здесь не сгноил! И что ты думаешь? Вызвали в управление и уволили из органов на хрен. Даже до пенсии год доработать не дали! Ну не суки, а?

Рослый, длинноногий Алексеев, похожий в расстегнутой шинели на памятник Дзержинскому, еще ускорил шаг, вконец загнав Самохина, и весь путь от вахты до производственного объекта, проходивший по гаревой дорожке, окруженной по сторонам густыми рядами ржавой колючей проволоки, майоры промахали за десяток минут. Зэки, которых гоняли по этому проволочному туннелю под конвоем на работу и обратно, тащились обыкновенно не менее полчаса.

Добравшись до КПП, отгораживающего цех по изготовлению стройматериалов, Алексеев раздраженно бухнул сапогом в сварную железную дверь. Видимо, издавлека приметивший их часовой открыл сразу, и майоры без промедления вошли на территорию промзоны. Цех представлял из себя грязное, закопченное до черноты двухэтажное кирпичное здание, где за высокими, кое-где разбитыми и заделанными фанерой и полиэтиленом окнами визжали станки, тяжело ахали механические молоты. Видимо, воспользовавшись задержкой со съемом, производственники решили продлить рабочий день, наверстывая, как всегда, заваленный план по выпуску продукции.

Чуть дальше от здания цеха, освещенного прожекторами, было совсем темно. Угадывались подсобные постройки – гараж, складские помещения, в отдалении тянулись ряды железнодорожных вагонов, а еще дальше тьма вновь отступала, обрезанная залитой огнями полоской запретной зоны и высоким, черным от сырости, но по-прежнему крепким дощатым забором с вышками и часовыми по углам периметра.

Откуда-то из мрака, посвечивая себе под ноги фонариком, выкатился маленький расторопный прапорщик.

– Товарисч майор! – окликнул он Алексеева и представился: – Прапорщик Тарасэнко! Значит, так. Докладываю. Осужденный Булкин обнаружен мною в бытовке гаража...

А потом, склонившись к дежурному, добавил свистящим шепотом так, что Самохин едва расслышал:

– Вздернулся он, товарищ майор. Висит, то есть...

– Твою мать! – ругнулся сквозь зубы Алексеев. – Вот твари! Повеситься другого времени не найдут – обязательно в мою смену! Веди, показывай...

В бытовку пробирались впотьмах, вслед за прапорщиком, едва различая в прыгающем пятачке света фонарика разъезженную автомобилями и тракторами ухабистую дорогу с подернутыми тонким ледком лужами в колеях. У входа в бытовку пришлось осторожно переступить через поломанные ящики, мотки проволоки, драные эковские ватники.

– Развели бардак на объекте! Тут, если не повесишься, так ноги переломашь! – ругался Алексеев.

Прапорщик остановился у распахнутой, держащейся на одной петле двери и сквозь проем осветил дальний угол бытовки.

– Вин вон там...

Заклоченный висел, неловко повернув голову. Шея обмотана телефонным кабелем, один конец которого уходил куда-то под потолок. Самохин удивился непропорционально длинной фигуре висевшего, совсем не похожей на толстячка-Булкина. Однако, присмотревшись, понял, что тяжелые, раздолбанные кирзачи почти сползли с ног трупа, будто пытаясь хоть так, независимо от владельца, опереться о землю.

– Вот, значит, как... – неопределенно пробормотал Алексеев и добавил с некоторым облегчением: – Хорошо, что хоть не сбежал...

– Ты его щупал? Может, живой еще? – поинтересовался Самохин у прапорщика.

– На кой хрен он мне сдался! – испуганно отшатнулся Тарасенко. – Начкар лекаря вызвал, нехай он его лапает!

– Ладно, кончай трепаться, – оборвал его Алексеев. – Пойди приведи сюда бригадира... Пусть еще пару человек возьмет. Надо снимать, не до утра ж ему тут висеть...

– Та нехай висит, раз це ему в кайф! – оживился прапорщик, обрадованный тем, что возиться с покойником предстоит другим. – Чем больше их копыта откинет, тем нам охранять меньше!

– Тебя ж, дурака, тогда со службы погонят, если охранять некого станет. А работать ты не умеешь... – не удержавшись, ехидно заметил Самохин.

Прапорщик шмыгнул во тьму, и было видно, как шустро перекатывается по черной стылой земле свет его электрического фонарика.

– Дай закурить! – попросил Алексеев Самохина.

– Ты ж не куришь? – удивился тот, вытаскивая из кармана пачку «Примы».

– Закуришь тут, когда Жучка сдохла... Знаешь такой анекдот?

– Знаю, знаю... – прервал его Самохин. – Ты лучше подумай, куда труп до утра положить.

– А че тут думать? Дело привычное. Отгарабаним на пожарку, там сарай есть.

– А крысы не обглодают?

– Поставлю бесконвойника, пусть гоняет... – Алексеев неумело затянулся сигаретой, кашлянул. – Вот навоз! И как ты их куришь?

– В область-то что докладывать будешь? – поинтересовался Самохин.

– Понятно, что, этот, как его... суицид налицо. Без внешних признаков насилия. А ты расследование начи-най проводить – объяснительные собери, заключение составь... Да сам знаешь, не мне тебя вашим кумовским штучкам учить...

Послышались голоса, подошли несколько заключенных.

– Здравсте, граждане начальники! – поприветствовал рослый, здоровенный бригадир, осужденный Сергеев. – Где жмурик-то? Я носильщиков привел.

– Идите, снимайте... Там провод перерезать надо. Нож есть? – обратился к нему Алексеев.

– Откуда? – весело возмутился зэк. – Ножей не держим, гражданин майор, не положено!

– Ты мне тут не баклань, срезай давай! – прикрикнул на него дежурный.

– Сей момент...

Протиснувшись в дверной проем, бригадир подошел к повешенному.

– Гражданин прапорщик, сюда посветите!

Луч фонаря уперся в тело. Сергеев решительно повернул голову трупа к себе, заглянул в глаза, выпученные от мертвого ужаса.

– Готов, крикнул... Холодный уже!

Потом, пошарив в кармане своего ватника, достал нож, щелкнул выкидным лезвием, полоснул по натянутому проводу и, матюкнувшись, подхватил падающее тело.

– Выноси! – скомандовал Алексеев.

– Эй, быки, чего уставились! – заорал на эков бригадир. – Я, что ли, в натуре, его тащить буду?! А ну, налетай!

Заклученные подхватили мертвое тело, спотыкаясь и давясь в узком проходе, вынесли наружу.

– Сергеев! – окликнул бригадира Самохин. – Дайка сюда ножичек. Сам же говоришь – не положено.

– Вот так всегда... – вздохнул эк, – сделаешь доброе дело, а после еще и виноватым окажешься. Чем же я сало резать буду?

– Откусишь... – пренебрежительно махнул рукой, пряча в карман изъятый нож, Самохин. – Вон у тебя пасть-то какая! Прямо людоед, а не советский заключенный...

– Ну вы скажете... Га-га-га! – заржал польщенный шуткой майора бригадир. – Вот вставлю фиксы рандолевые – все девки на воле мои будут!

– Красавец! – одобрительно поддакнул Самохин.

– Куда тащить-то? – нетерпеливо спросил кто-то из нянчивших покойника эков. – В санчасть?

– На КПП пока, санчасть ему ни к чему. А вот тебе, если базарить много будешь, точно понадобится! – пригрозил Алексеев.

– Ишь, тяжелый какой! – не успокаивался разговорчивый эк. – Говорят, что в тюрьме кормят плохо. А как нарежет хвоста – так не донесешь... Хоть бы чаю замутку, гражданин оперативник, за труды выдали!

– Во-во, – подхватил шутку Алексеев, – живете здесь, как в пионерском лагере. Жратвы от пуза, дрыхнете, не работаете ни хрена. Шайбы такие наели, что с места не сдвинешь... Тарасенко, дашь им потом пачку чая!

– Откель взять-то его, товарищ майор? Немае... Сам вторяки завариваю... – отозвался шагавший рядом прижимистый прапорщик.

– Давай, не куркулись! – прикрикнул веселый эк. – А то расскажем гражданину майору, как вы с прапорщиком Чубом нашу дачку зашмонали. С бутылкой водки, чаем и салом! Водку выжрали, салом закусили, а чай в дежурке запарили.

– От врут, от врут, гады бесстыжие! – засуетился прапорщик, от которого, как почувял Самохин, явственно пахивало спиртным. – Ладно, найду я вам, оглодам, трошки чая на замутку, а врать-то зачем?

Спотыкаясь на колдобинах, с хрустом проваливаясь в примороженные лужи, балагурия и матерясь, эки, наконец, донесли тело до вахты. Положили у порога на землю. Кто-то заботливо одернул на трупе задравшуюся телогрейку. Сапоги вместе с портянками свалились где-то в пути, и мертвый Булкин бесстрастно светил в зябкой темноте босыми ногами.

Грохнула железная дверь, в промзону вошел колонийский врач, капитан Фролов. Наспех осмотрев труп, махнул рукой:

– Мертв, отправляйте.

Начальник караула, молодой лейтенант, затянутый в португеею, при пистолете, все же вышел из дежурки, чтобы удостовериться лично. В руке он зачем-то сжимал длинный метал-

лический щуп, которым часовые на КПП обыскивают кузова машин с сыпучими грузами – не затаился ли в глубине беглец-заключенный? Опасливо вытянув шею, начкар принялся старательно разглядывать мертвеца.

– Да ты его щупом проткни для верности! – хихикнув, посоветовал прапорщик Тарасенко. – Тада точно не убежит...

– Я вот сейчас тебе, хохол, этот щуп в пузо воткну! – озлился лейтенант и кивнул скопившимся у входа на вахту заключенным-бесконвойникам: – Забирайте!

Тело переложили на обтянутые брезентом носилки и вынесли с территории промзоны.

– Когда заключение о смерти будет? – поинтересовался Самохин у доктора.

– Завтра утречком отправим труп на вскрытие, а там черт знает, сколько протянут. Судмедэксперт один на два района, послезавтра суббота, так что... Петля, strangulationная борозда на шее – типичное самоповешение. Неожиданностей на вскрытии быть не должно.

– Ты мне пока хоть справочку черкни, – попросил Самохин, – от чего смерть наступила, есть ли на теле синяки, признаки насилия...

– Сделаю! Раз уж поспать не дали – пойду в санчасть, поработаю...

Самохин знал, что предстоящая «работа» будет, скорее всего, заключаться в том, что доктор откроет в процедурном кабинете сейф, достанет вместительный флакон с медицинским спиртом и приложится как следует, закусив для пользы здоровья и смягчения запаха витаминами.

Колонийский врач был ровесником Самохина, засиделся в капитанах, выглядел сонным и равнодушным, но специалистом оставался хорошим, и не раз, только глянув мельком на эковскую болячку, безошибочно распознавал «мастырку» – членовредительство. Оперативникам приходилось расследовать каждый такой случай, определяя, что за ним стоит – банальная и широко распространенная в зоне попытка, симулируя болезнь, уклониться от работы или более серьезные причины. Например, стремление попасть в «вольную» больницу и совершить оттуда побег...

Оставив майора Алексеева распоряжаться дальнейшей судьбой Батона, Самохин вернулся в жилую зону. Поднявшись на второй этаж вахты, майор застал в кабинете дежурного по колонии инспектора режимной части лейтенанта Николая Смолинского. Склонившись, Колька увлеченно тыкал резиновой дубинкой под стол, откуда приглушенно доносилось:

– Ой, ой, гражданин начальник... Я всю правду написал, ой-ой...

– Это что за гимнастика, Николай? – устало поинтересовался Самохин, усаживаясь на кожаный диван.

– Да вот, Андреич, я, когда узнал, что случилось, решил твоему кумотделу подсобить, – выпрямился, пообернув покрасневшее лицо и поправляя сбившуюся набок фуражку, Смолинский, – попросил дневального третьего отряда объяснительную по поводу самоубийства осужденного Булкина написать. Я ж тебя, козел, попросил? – крикнул, обращаясь под стол, лейтенант.

– Написал? – усмехнулся Самохин.

– Да куда он, падла, денется! – Колька наугад ткнул дубинкой под стол. – Оказывается, Булкина этого в отряде вчера «опустили». Он и вздернулся от огорчения. А кто конкретно «опускал» – дневальный не видел. Спал, говорит! Вылазь, сука, я щас тебя разбужу!

Из-под стола на четвереньках, озираясь опасливо, выполз худой, длинный ээк. Изловчившись, Смолинский ловко, с оттяжкой шлепнул его по спине дубинкой.

– Ой-ой, гражданин начальник... – опять заныл дневальный и шустро, по-собачьи, побежал к Самохину. – Я, гражданин майор, хоть убейте, не видал ничего, а что знал – сразу написал.

– Кончай, Коля, не нервничай зря, – обратился Самохин к режимнику. – Так и до пенсии не доживешь – кондрашка хватит! А ты, шнырь, встань. Руки назад... Вот и стой, пока я почитаю, что ты в объяснительной нацарапал.

Смолинский подал майору криво оторванный тетрадный листок, и Самохин стал читать вслух, с трудом разбирая почерк:

– «Начальнику ИТУ... от дневального третьего отряда осужденного Манькина...» Так, здесь все правильно... «Довожу до вашего сведения, что вчера в отряде... неизвестный осужденный перевел символически осужденного Булкина в петухи...» Символически – это как? – удивился Самохин.

– Ну, это значит, символически, я букву «в» пропустил, – смутился зэк.

– Грамотей... – укоризненно покачал головой Самохин и принялся читать дальше: – «После чего ставший пидором... гм... осужденный Булкин сильно переживал и пообещал сделать над собой суецыд...» Все? Нет, так не пойдет, гражданин Манькин. Ты для чего в отряде шнырем поставлен? Чтобы, кроме прочего, за порядком следить. А при тебе осужденного обидели...

– Да не видел я, как дело было, гражданин майор! Так, краем уха слышал...

– А должен был видеть и слышать! – назидательно поднял палец Самохин. – Иначе на кой хрен ты там нужен? И потому налицо факт неисполнения тобою должностных обязанностей, приведший, между прочим, к тяжким последствиям. И в наказание за это я сейчас отправлю тебя в штрафной изолятор суток эдак на десять. А лейтенант Смолинский по забывчивости... ну, вроде как по невнимательности, сунет тебя, активиста, в камеру отрицаловки. Что они с тобой сделают – сам понимаешь!

– Э-э... – заныл зэк, – это ж, в натуре, не по закону...

– Какой закон? – удивился майор. – Ты проспал конфликт между осужденными, не принял мер, не доложил на вахту или в оперчасть. Оплотшал? Что ж, бывает! Вот и старший лейтенант, водворяя тебя в ШИЗО, малость ошибется и не в ту хату кинет...

– Сейчас он у меня все напишет! – замахнулся дубинкой на дневального Смолинский.

– Не спеши, Николай. Выйди, попей с прапорами чайку, – И, дождавшись, пока за режимником захлопнулась дверь, майор обернулся к заключенному, вздохнул устало: – Ну, Манькин, теперь колись...

– Да я, гражданин майор, гадом буду, как на духу... Но и вы меня тоже поймите...

– Да понимаю я, – досадливо поморщился Самохин. – Естественно, все между нами останется.

– В общем, дело так было. Лаврушник это, Джаброев, по кличке Жаба, недавно в зоне. Ну и вроде как к блатным примазывается – Купарю, Бесу, Татарину. А те его особо близко в свою семью не пускают, видать, сомневаются. Может, он там, на Кавказе, красным был, а то и вообще петухом... Жаба пообещал, что малява братве от кавказских воров придет с подтверждением, что в авторитете, мол, он. А пока начал здесь понтоваться. Попросил Бобыря водки достать. Тот с водилой вольным перетер, но дачку получить не успел – его в бур закрыли. Тогда Бобырь Батону, который в этот день освобожден, маляву кинул, где и у кого водку забрать... Вот. А водилу на вахте тормознули и водку зашмонали. Батон из ШИЗО вышел – делов, говорит, не знаю, как менты водилу закнокали. Ну, Джаброев на него и наехал – мол, ты кумовьям сдал! Батон его «зверем» обозвал, а Жаба в ответ Булкина выстегнул одним ударом, и пока тот без сознания валялся, еще и обоссал. А наши тоже, в натуре, овцы, ни одна падла за пацана не впряглась! А я один что сделаю?

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнул Самохин, – все ты, оказывается, знаешь, что у вас в отряде творится. Молодец! Только объяснительная твоя не пойдет. Переписать надо. Садись вот сюда, за стол, я тебе продиктую.

Дневальный, неуютно чувствуя себя за столом дежурного по колонии, присел, напряженно глядя на клочок чистой бумаги. Самохин подал ему обгрызанный, чиненый-перечиненый карандаш.

– Пиши как в прошлый раз: начальнику ИТУ, от осужденного... объяснительная... Теперь стоп. Рисуй, как я скажу. Довожу до вашего сведения, что осужденный Булкин в последние дни выглядел э-э... задумчивым, грустным... Правильно?

– Еще какой задумчивый! – горячо подхватил шнырь. – Задумаешься тут, когда пидором сделают...

– Вот... Дальше пиши. Причину своего плохого настроения Булкин не объяснял, но были слухи, что у него какие-то неприятности дома, на воле. Усек? Да это слово не пиши, болван, это я тебя спрашиваю: усек, в чем его задумчивость заключалась? Теперь так рисуй: от осужденных в отряде, не помню, от кого конкретно, я слышал, что Булкин высказывал мысли о самоубийстве. О его настроении я доложил начальнику отряда капитану Ахметову, но никаких мер принято не было. Ты ж докладывал?

– Конечно! – встрепенулся зэк и преданно посмотрел в глаза Самохину. – Отрядник наш, гражданин майор, квасит по-черному, ему что ни скажи – ни хрена не вспомнит!

– Подписывайся. Дату сегодняшнюю поставь. Ну вот и отлично! Ты там посматривай, что в отряде делается. Завхоз ваш освобождается скоро. Потянешь, если я вместо него тебя порекомендую?

– Все ништяк будет, гражданин майор!

– Значит, договорились. О нашей с тобой беседе, естественно, никому.

– Да что я, в натуре, бык, что ли? – негодуяще развел руками шнырь и, уже собравшись было уходить, остановился, шепнул: – Да, кстати, забыл совсем. В сушилке отряда, справа, под топчаном, два старых валенка лежат. Вроде просто так, возле батареи отопительной брошены. В каждом из них – брага в полиэтиленовых пакетах заквашена, литра по три. Это вместо водки, которую на вахте изъяли...

– Джаброев об этом знает? – поинтересовался, будто невзначай, майор.

– А как же? Он сахар доставал в столовой...

– Ладно, свободен... – отпустил его Самохин и, старательно пряча в карман обе объяснительных, крикнул в коридор: – Коля! Смолинский! Выпусти его...

И увидел в распахнутую дверь, как лейтенант шлепнул суетливо убегающего зэка палкой ниже спины.

– Ох и любишь ты, Коля, дубинкой махать! – укоризненно покачал головой майор.

– Да я ж, Андреич, шуткую, – миролюбиво пожал плечами режимник, пристраивая палку на манер сабли в специальную петельку на портуpee.

– Ты же не прапорщик, а тюремный офицер, – назидательно продолжил Самохин. – А потому должен головой, а не дубинкой работать. Ну что за объяснительную ты с этого шныря выколотил? Это ж нам с тобой готовый выговорешник с занесением в личное дело! За упущения в работе. Ты очередное звание вовремя получить хочешь? Значит, должен понимать, что если зэк повесился в результате притеснений со стороны других осужденных, то это наша с тобой персональная недоработка. Я, опер, должен был вовремя выявить конфликт в отряде. А ты, режимник, виноват в том, что у тебя зэки, вместо того чтобы на досуге книжки умные читать, политинформации слушать, дерутся и обсыкают друг друга. А потом вешаются!

– Это ж, Андреич, зэчня подлючая! – в сердцах воскликнул Смолинский. – Их тут полторы тысячи харь, а нас в данный момент в зоне с ними двое! Не считая часовых на вышках и трех прапоров-контролеров!

– Так-то оно так, – кивнул согласно Самохин. – Но зря нам подставляться тоже ни к чему. Совсем другое дело, если заключенный от тоски по дому руки на себя наложил. Жена изме-

нила, мать прихворнула, дети голодные, а он, подлец, в тюрьме сидит... Всяко бывает! Совесть, наконец, заела...

– Ну это уж ты, Андреич, загнул, насчет совести-то!

– Да предположим, говорю! Нынче все к зэкам добрые, в том числе и прокурор по надзору. Ему насчет больной совести на уши наехать – в самый раз. Такая история у него слезу вышибет. И между прочим, вина за самоубийство ложится уже на начальника отряда. Не поговорил вовремя по душам, не успокоил. Вот пусть Ахметов и выгребает...

– Как-то это... не очень, товарищ майор. Ахметова-то за что подставлять? – смутился Смолинский.

– Есть за что, Коля! – жестко сказал Самохин. – У меня железная информация – повязан он с зэками по самые уши. Но если я эти дела предъявлю, тогда Ахметова сажать надо. Так что пусть лучше за Булкина пострадает...

– Век живи – век учись, товарищ майор! – угрюмо согласился Смолинский.

– Научишься... Ты сколько в органах? Год... Ну, значит, гнилью нашей пока не пропах, еще нос от таких дел воротить... Всему свое время. Я, брат, двадцать пять годков в этой системе. Недавно вычитал, как называется штука, которая с такими старыми служаками происходит. Профессиональная деформация психики! Во как! И между прочим, неизлечима. Так и помру теперь... деформированным. Ну ладно, это, Коля, все лирика. А палку повесь вон на тот гвоздик. С ней только срок заработаешь и с зэками рядом сядешь. Мы с тобой, если захотим, безо всякой дубины любого урку так уделаем, что он вслед за покойным Булкиным сам, теряя тапочки, побежит... Пойдем-ка в третий отряд, мне там кое с кем потолковать надо.

Была глубокая, по-осеннему темная и беззвездная ночь. По пути к общежитию третьего отряда – самого дальнего в жилой зоне – Самохин поинтересовался вдруг:

– Ты, Николай, в художественной самодеятельности участвовал когда-нибудь?

– В какой самодеятельности? – удивился лейтенант.

– Ну, в драмкружке, например. Постановки разные, сценки перед публикой разыгрывать не приходилось?

– А-а... Было дело, – смущенно признался Смолинский. – В школе, то ли в первом, то ли во втором классе. К новогоднему утреннику сказку «Колобок» ставили. Я Волка изображал...

– Здорово! – восхитился Самохин. – Ты, значит, профессионал! Мы с тобой в отряде сейчас тоже сценку разыграем. Ты опять волком будешь. Только вместо Колобка возьмем Джаброева. И ты на него натурально так наедешь, мол, Джаброев, я тебя съем! Зачем, гад, притеснял осужденного Булкина? Парень из-за этого повесился! А потому, Джаброев, зэчья твоя душа, схавая я тебя без остатка, сгною в буре, растопчу, проглочу, ну и так далее...

– А ты, Андреич, кого представлять будешь?

– Кумушку-Лису, естественно. Знать мою роль тебе не обязательно. Ты меня слушай, выполняй все, что скажу, и ничему не удивляйся. Договорились?

– Ладно... – с сомнением протянул Смолинский и, вытащив из-за пояса дубинку, показал Самохину: – Вот и пригодилась для роли-то. Какой же тюремный волчара без хорошей палки? – и постучал ею по прутьям калитки локального сектора: – Дежурный! Открывай, мать твою...

Из пристроенной здесь же будочки выскочил ошарашенный, всполошившийся со сна зэк-локальщик и, с перепугу не попадая сразу ключом, принялся отпирать замок калитки. Наконец, справившись, распахнул визгливую дверь, склонился подобострастно:

– Здравия желаю, гражданин начальник.

– Спишь на посту, сучья морда! – набросился на него Смолинский.

– Никак нет, гражданин лейтенант! – отрапортовал вытянувшийся по стойке смирно зэк.

Смолинский поднял палку и, слегка постукивая ее концом по бритой голове заключенного, медленно, с расстановкой произнес:

– Последний раз повторяю, а ты запоминай, долбогреб! Если еще раз проспичь и за полсотни шагов до моего подхода дверь не откроешь, я тебя, суку, велю цепью приковать к тачке, будешь пырять на карьере, пока не загнешься! Ты понял меня, козел?

– Так точно, гражданин начальник, – потупился экз. – Намек понял, исправлюсь...

– То-то! – уже добродушнее воскликнул Смолинский. – Давай дежурь. И чтоб ни одна крыса за локалку не проскочила!

– Какой базар! – притворно возмущившись, развел руками локальщик. – В моем секторе братва как за Кремлевской стеной – муха не пролетит!

– Ну ты и артист, Коля! – восхитился Самохин, когда они направились к зданию общежития, где размещался отряд. – Свирип! Не переигрывай только, а то на пустяки талант свой растратишь.

– А я и не играл, – простодушно признался Смолинский. – Дали бы мне волю – я бы половину наших экзов перестрелял, а половину заковал в кандалы и отправил в карьер, щебенку дробить. А еще лучше – дорогу железную к Северному полюсу тянуть. А то его уже сто лет покоряют – то на лыжах, то на собаках... А мы дорогу проложим! Совсем другое дело. Сел в теплый вагон, пару суток поспал – и на месте. Приехали, вот он, Северный полюс! Покорили...

– Ага, а тебя, пока экзи будут дорогу строить, начальником конвоя туда. Рядом с ними стоять, сопли морозить... – добавил Самохин.

– Нет, Андреич, ну, ты сам посуди. Начнешь приговоры читать – это ж нелюди какие-то! Чего они только на воле не вытворяли... А как сюда попадут – сразу морды скукожат, овцами прикинутся, несчастные такие, узники... мать их... И все вокруг прыгают – администрация, прокурор по надзору, депутаты разные, комиссии наблюдательные: ах, как вас, ребята, кормят? Вошки не беспокоят?.. Не-е-т... В кандалы, кайло в руки – и в шахту!

– Эх, Коля, – вздохнул Самохин, – наши пацаны, все эти убийцы, насильники и воры, в основном заурядные придурки. А самые большие мерзавцы у нас не сидят...

– А где? На особом режиме?

– Бери выше...

– На крытой, что ли?

– Да брось ты! – раздраженно отмахнулся Самохин. – В креслах они сидят. По кабинетам разным... Усек?

– Ну ты, Андреич, и скажешь... – удивился Смолинский.

– Ладно, это я так, к слову. Замнем для ясности... Сейчас, как зайдем в отряд, вызывай в каптерку Джаброева и начинай мелодраму. А я в сторонке посижу послушаю.

У входа в общежитие отряда офицеров приветствовал, стоя навытяжку, давешний дневальный.

Гражданин начальник! – выпучив глаза на Смолинского, зачистил экз. – В помещении отряда находятся сто двадцать один человек. Пятьдесят на производственном объекте, трое в ШИЗО, один в ПКТ, двое в санчасти...

– Ишь как ты его зашугал, – обращаясь к режимнику, усмехнулся Самохин. – Докладывает, как космонавт после орбитального полета!

Войдя в помещение отряда и чертыхаясь в темноте, офицеры, пробираясь по тесному коридору, натолкнулись на мучимого бессонницей и вышедшего перекурить экза.

– Дневальный! – прикрикнул Смолинский. – Вот этого куряку заставь утром бычки с территории убирать. Приду – проверю...

– Будет сделано, гражданин лейтенант! – с готовностью отозвался шнырь.

– И лампочку вкрути. Ни хрена не видно...

– Так вчера только вкрутил, гражданин начальник! Стырили, крысы... Ну на кой черт им, козлам, лампочка, – ума не приложу... – пожаловался дневальный. – Куда ее вставлять собираются? В задницу, что ли...

Заскрипела, распахиваясь, дверь в широкий, ярко освещенный коридор, который заканчивался огромным, рассчитанным на двести душ, спальным помещением. Там на двухъярусных койках беспокойно метались во сне заключенные. Тускло горели две дежурные лампы – возле тумбочки дневального и в дальнем конце, где жила «семья» местной «отрицаловки».

Из коридора, устланного вылинявшим, с крупными разноцветными заплатами линолеумом, четыре двери вели в подсобные помещения. Три из них – каптерка, бытовка и сушилка – были распахнуты, четвертая, в «красный уголок», плотно закрыта и даже опечатана с помощью нитки и пластилиновой лепешки с неразборчивым оттиском.

Покосившись на эту дверь, Самохин решил для себя непременно пошарить на досуге в «красном уголке», ибо в таких местах эки особенно любили прятать не предназначенные для глаз администрации вещи.

– Здравия желаю, товарищ майор! – услышал Самохин. Обернувшись, он увидел завхоза отряда, который, выскочив из каптерки и заправляя на ходу в спортивные штаны черную рубаху, спешил навстречу начальству.

– Ну ты совсем обнаглел, Ананьев, – укоризненно покачал головой Самохин. – Где это ты тут своих товарищей разглядел? Разве мы с лейтенантом на волков тамбовских похожи?

– Никак нет, товарищи офицеры, – по-военному четко и в то же время нахально улыбаясь, показывая рандолевые фиксы, возразил завхоз – бывший армейский прапорщик, дослуживающий пятнадцатилетний срок за изнасилование с убийством. – В ноль-ноль часов истек срок моего заключения! Утром освобождаюсь и – адью, товарищи. Как говорится, счастливо оставаться...

Эк внезапно поперхнулся, покраснел, схватился за низ живота и начал оседать медленно, по-рыбьи хватая ртом воздух. Оказалось, Смолинский ткнул его концом дубинки в пах и, видать, попал точно.

– Я тебе, тварь, товарищем никогда не буду, – яростно зашипел лейтенант.

– Да я... Я ж пошутил, гражданин начальник... Вроде как вольный уже... фактически, то есть... в двенадцать нуль-нуль... – всхлипывая от боли, цедил сквозь зубы завхоз.

– До утра я еще успею кастрировать тебя, чтоб на воле соблазна кидаться на девок не было.

– Да ладно, – вступился за эка Самохин. – Все-таки, действительно, почти свободный гражданин, а ты его, лейтенант, притесняешь...

– Извините, – сдавленно, держась руками за ушибленное место, пробормотал завхоз. – В натуре, от радости башку переклинило. Пятнашку от звонка до звонка отсидел! Какие там девки! Столько лет никого, кроме пидоров, не видел...

– Бывает, – миролюбиво согласился Самохин. – Тащи сюда за жабры Джаброева вашего...

В каптерке, предназначенной изначально для хранения личных вещей осужденных, было по зоновским меркам уютно. От полов, застланных вязанными неведомым умельцем из цветных лоскутков половичками, до чисто выбеленного потолка, вдоль стен тянулись ряды деревянных, покрытых веселой голубенькой краской стеллажей. На них аккуратно стояли черные вещмешки – «сидоры» с фанерными бирками, на которых фиолетовыми чернилами были написаны фамилии владельцев. В левом углу каптерки помещался топчан, застланный темно-синим байковым одеялом. Стена над ним густо усыпана наклеенными фотографиями полуобнаженных девиц, старательно вырезанных из каких-то журналов. В верхнем углу комнаты с фривольными фотографиями соседствовала иконка в самодельном, расписанном цветными шариковыми ручками окладе. На столе рубиново светилась раскаленными спиралями электроплитка,

выточенная из огнеупорного кирпича, на которой булькала кипятком литровая эмалированная кружка с обмотанной шпагатом, чтоб не обжигало пальцы, ручкой.

Смолинский уселся на топчан, брезгливо отодвинув подушку с несвежей наволочкой. Самохин, оглядевшись, выбрал для себя деревянное, покрытое резьбой кресло с высокой спинкой и подлокотниками, выполненными в виде скалящих клыкастые пасти львов.

– Прямо царское! – удовлетворенно опустившись на сиденье, вздохнул майор.

В каптерку ввалился заспанный, здоровенный зэк, одетый с зоновским шиком – спортивные штаны с лампасами, на черной майке кроваво-красными буквами красовалась поперек груди надпись: «СЛОН».

– Смерть легавым от ножа! – расшифровал аббревиатуру Самохин и цокнул языком с одобрением: – Ну, прямо горный орел залетел к нам! Глянь-ка на него, Коля!

Привыкая к свету, осужденный тер здоровенным кулачищем глаза, зевал, недоуменно тарашась на офицеров.

– Билат! Я вашу маму играл! – гортанно выкрикнул он, вскидывая горбоносое лицо. – Зачем чилавека будишь?!

Смолинского аж подбросило с топчана.

– Ты что, вконец оборзел, урюк?!

Зэк, наконец, протер глаза, глянул искоса, ухмыльнулся криво.

– А, началник... А я, в натуре, нэ понял. Думаю, какой бидарас мне спать не дал!

– Ну, извини, дарагой, – подражая кавказцу, мягко сказал Самохин, – сам понимаешь – служба у нас такая. Будь любезен, представься, пожалуйста!

– Ну, Джаброев мой фамилия. Ты, в натуре, нэ знаешь, каково будишь, да-а?

– Статью назови, срок. Как положено отвечать советскому осужденному? – напомнил майор.

– Статья, билат, сто второй, срок дэсять лэт, я иво маму!..

– Ну ты и охамел, чурбан! – не выдержал Смолинский. Он подскочил к Джаброеву, оказавшись едва ли не на голову ниже, но и так – снизу вверх – смотрел на зэка яростно, поигрывая дубинкой. – Руки за голову, мордой к стене, быстро!

– Ты чо, в натуре, началник... начал было Джаброев, но Смолинский рванул его за плечо, развернул, заломил руку и ткнул лицом в стеллаж. Пнул походя сапогом по щиколотке:

– Расставь ноги! Шире! Так стоять, ишак!

Ошарашенный напором и ловкостью лейтенанта, заключенный застыл с вывернутой за спину рукой. Бугры мышц перекатывались под черной пропотевшей майкой. Обернувшись, Джаброев процедил сквозь зубы:

– Мэнт паганый! Падажды, скоро мы таких, как ты, на куски рэзат будэм. Секим башка дэлат, русский собака!

– Я польская собака, и пока ты меня резать начнешь, я тебе, быдло, рога поотшибаю! – пообещал лейтенант.

Смолинский слегка пошевелил зажатой в крепкий захват рукой зэка.

– Б-би-лат... зашипел тот, едва сдерживаясь от боли.

– Ох и любит это зверье понтоваться! – оскалился в хищной улыбке Смолинский. – А мой отец рассказывал, что, когда он в энкавэдэ служил, они их за ночь, как баранов, в теплушки загнали... У тебя родители в ссылке были, Джаброев? – поинтересовался, слегка ослабляя захват, лейтенант.

– Дэд, атэц был, в Казахстане, – посверкивая глазами, ответил заключенный.

– Тоже, значит, из репрессированных, – обрадовался Смолинский. – Вон какую ты там ряху наел, в ссылке-то...

– Пока мы, дураки, корячились, социализм развитой строили, реки плотинами перегородивали, тоннели в горах пробивали, эта братва на базаре торговала да в своих кишлаках размножалась... – заметил Самохин.

– Зачем вызывал, началник? Аскарблат, да-а? – возмущенно спросил Джаброев. Было видно, что он уже смирился, нет, не сломался окончательно, но взял себя в руки, притих до поры.

– Что, понял теперь, куда попал? В русской тюрьме сидеть – не то, что у вас на Кавказе мандарины кушать! – удовлетворенно отметил Смолинский. – Сперва в ШИЗО пойдешь. Потом я тебя, суку, в бур загоню месяцев на шесть. Потом еще шесть добавлю. Будешь до конца срока в камере гнить.

– За что, камандир? Я, в натуре, тиха сыжу, нэ трогаю нэ-каво...

– Ты Булкина опустил, а он, дурак, повесился из-за этого. Мне на Булкина, конечно, плевать, но тебя, ишака, я достану!

Пристально наблюдавший за сценой Самохин тихо кашлянул, привлекая внимание лейтенанта. Все вышло так, как задумано. Теперь наступило время вмешаться майору.

Громкий разговор разбудил заключенных, и уже несколько человек скучковались возле каптерки, прислушивались. Среди них Самохин заметил местную «отрицаловку» – Татаринцева по кличке Татарин, Купцова – Купаря.

– Товарищ лейтенант, – подчеркнуто официально, противным скрипучим голосом обратился Самохин к Смолинскому. – Я попрошу вас оставить нас один на один с осужденным Джаброевым. Закройте за собой дверь, пожалуйста.

Недоуменно взглянув на майора, разгоряченный Смолинский отпустил, наконец, руку Джаброева.

– Слушаюсь, товарищ майор! А ты, каратист хренов, плечевой сустав помассируй, пусть в санчасти растирание какое дадут... – И вышел, громко хлопнул дверью. Самохин услышал, как в коридоре лейтенант принялся распекать любопытных:

– А вы чего тут собрались? Не спится? Сейчас пойдем на кухню, будете до утра картошку чистить...

– Садитесь, Джаброев, – указал майор на топчан. Заключенный сел, независимо скрестив на груди руки и положив ногу на ногу.

Покосившись в темное окно, за которым, как показалось, мелькнула чья-то любопытная физиономия, майор достал из внутреннего кармана кителя блокнот, авторучку. Перелистав страницы и найдя чистый листок, принялся рисовать маленький самолетик. Заключенный глядел в потолок, старался своим равнодушным видом выказать как можно больше презрения тюремщику и в то же время ожидал, что все-таки скажет ему пожилой сонный майор, но Самохин продолжал рисовать. Прошло несколько минут. Закончив один самолетик, майор изобразил рядом второй. Затем, подумав немного, начертил на крыльях первого пятиконечные звездочки, другому пририсовал фашистскую свастику. Потом старательно протянул от звездокрылого самолета пунктирную линию – получилось вроде как пулеметная очередь, которая уперлась в хвост со свастикой. Самохин изобразил, как за фашистским истребителем клубится черный дым, а чуть ниже – раскрытый парашют и под ним человечка с растопыренными конечностями.

– Чиво нада, началник? – не выдержал тягостного молчания Джаброев.

Самохин, собравшись было закрыть блокнот, передумал. И нарисовал еще одного человечка, будто бы стоявшего на земле. В руках у него был то ли автомат, то ли винтовка. От ствола оружия штрихи, изображавшие пули, перечеркнули фигурку спасшегося было на парашюте фашиста.

– Готов! – удовлетворенно подвел итог своему творчеству Самохин и захлопнул блокнот. После чего удивленно глянул на Джаброева: – А ты чего тут расселся? Иди спать.

– Нэ понэмаю! То, билат, поговоры, то иды... – возмутился заключенный, вскакивая.

– Ладно, гуляй отсюда! – прикрикнул на него майор. – Потом поймешь... – И, покидая каптерку следом за Джабровым, указал на него Смолинскому, который неуклюже топтался в коридоре: – Не трогайте этого осужденного, товарищ лейтенант.

– А я уже команду завхозу дал в ШИЗО его собирать! – изумился Смолинский.

– Эх, молодость... – снисходительно покачал головой Самохин. – Все торопитесь, спешите... Нет, чтобы внимательно во всем разобраться. Так и норовите сгоряча невинного наказать!

Обернувшись к столпившейся здесь же отрядной «отрицаловке», майор шутливо обратился к одному из местных «авторитетов», Купцову:

– Что-то давненько ты, Купарь, ко мне не захаживал! Пошептались бы...

– А сала шмат за сотрудничество дадите? – притворно обрадовался Купцов. – Или чем там у вас в кумотделе стукачей угощают?

– Да ты ж, поди, сало теперь не ешь... – сокрушенно вздохнул майор.

– Это почему же? На халяву кило без хлеба сожрать могу! – похвастался Купцов, и дружки его загоготали, заискивающе глядя на своего лидера.

– Так ведь небось вера не позволяет...

– Какая вера? – изумился заключенный. – Была у меня одна Вера – заочница, письма жалостливые писала, аж слезу вышибало! Прямо как в «Калине красной»! Но чтоб сала не есть – про то мы с ней не договаривались...

Эки опять захохотали, радуясь сообразительности приятеля, не упавшего лицом в грязь перед кумовскими приколами.

– А я думал, Джабров вас уже всех в свою веру перекрестил, – вздохнул Самохин. – Ну, извиняй, коли ошибся... – Майор тронул за плечо Смолинского: – Пойдемте, товарищ лейтенант, – и, обернувшись, бросил на прощанье Купцову: – А за салом забегай. Продукт-то казенный, сам понимаешь. Вдруг пропадет без надобности? Мне ж за него перед начальством отчитываться...

Под хохот эков покинув отряд, Самохин и Смолинский отправились на вахту, где их ждал дежурный по колонии майор Алексеев.

– Ну как, Андреич, разобрался? Что в область докладывать будем? – с порога поинтересовался он.

Самохин снял фуражку, пригладил седые, растрепавшиеся волосы.

– В общем, дело так обстоит. Криминала никакого нет. Чистый суицид на почве душевных переживаний. Кто там по управлению сегодня дежурит? Подполковник Кокорин? Ну, это наш парень, старый тюремщик, докапываться шибко не будет. Доложи ему пока так, как я сказал. Мол, оперативники занимаются, проводят расследование по факту самоубийства, если что-то появится – сообщим дополнительно.

– Ну и порядок! – радостно согласился Алексеев. – А то давеча начальнику колонии домой позвонил, а он меня как понес! Надзора, грит, ни хрена нет, вот у вас эки то вешаются, то через забор прыгают. Опять дежурный наряд виноват! А это, как ты сказал... душевное волнение, дело тонкое. Мы за мыслями эков следить не обязаны! Так что спасибо тебе, Андреич, отдыхай пока, чайку выпей, а я сейчас на просчет пойду, да столовую проверю – пора завтрак готовить. По коням! – крикнул Алексеев в караульное помещение, и прапорщики-контролеры поднялись, шумно отодвигая деревянные табуретки, загрохотали коваными сапогами по лестнице – начиналась ночная проверка заключенных в жилой зоне.

– Нет, Андреич, зря ты мне этого лаврушника трогать запретил, – подосадовал Смолинский. – Я бы ему в ШИЗО хребет вправил. Не люблю наглых эков.

– Горячий ты, Коля, – покачал головой Самохин, – службу тянешь со рвением... Из поляков, что ли? Я думал, хохол...

– Да вроде поляк, – смутясь, пожал плечами Смолинский. – По деду фамилия идет... Да какой я, к черту, поляк! Я их, поляков-то, в кино только и видел. Эти, как их... «Четыре танкиста и собака»!

– А в органы как попал?

– Отец в войсках энкаведе служил. Но я-то не собирался, про колонии знал, что они есть, но интереса не проявлял. А в армию пошел – попал в конвойные части. Перед самым дембелем к замполиту полка вызвали. Он и спрашивает: хочешь, мол, разведчиком стать? Я тоже дурак тот еще, решил, что меня в шпионы вербуют. Встал по стойке смирно и гаркнул – готов служить там, куда Родина пошлет! Так и попал в спецшколу для подготовки начсостава МВД. Потом сюда, в колонию. Хотели начальником отряда поставить, но я сам инспектором режимной части напросился. Не люблю со сволочью этой по душам шоркать! Другое дело в режиме: встать, сесть, руки назад, вот и весь разговор!

– Я даже удивился, как тебе удалось быка Джаброева скрутить. Здесь ты, конечно, молодец. Но таким, как Джаброев, дубинка твоя за пряник сойдет. Ты ж из него этим героя делаешь! А вообще-то все нормально получилось. Наехали мы на него, зашугали, а потом он с опером пошептался о чем-то, и его отпустили... Что после этого братва подумает?

– Что? – заинтересовался Смолинский.

– А братва его спросит: о чем это ты, Жаба, с кумом базарил?

– А он?

– А он – ничего. Потому что мы с ним ни о чем не разговаривали!

– Как это? – не понял лейтенант.

– Да вот так. Я молчал, а он в потолок смотрел. И когда кореша с вопросами подкатятся, Джаброев им честно ответит, что ни о чем с опером не говорил. И братва сразу засомневается: как это так? Десять минут сидеть с кумом и молчать? Что, старому майору делать больше не хрен? Уже вся зона знает, почему Батон вздернулся. И будет странно, что мы виновного в этом зэка даже в ШИЗО не закрыли.

Порывистый Смолинский прошел наискось по скрипучим, белесым от частого мытья половицам дежурки:

– А по-моему, что-то перемудриваешь ты, Андреич. Посмеются зэки над нами да спать завалятся. Не буду врать, что мне Булкина жалко... Нет у меня к зэкам жалости! Но справедливость-то должна быть! Нельзя, чтобы эти падали и здесь сухими из воды выходили...

– А вот потому, Коля, – успокоил его Самохин, – ты утром, с подъема, возьмешь двух прапоров из наряда. Пойдете в третий отряд, и в помещении сушилки, под топчаном, из двух старых валенок изымете полиэтиленовые пакеты с брагой. Брагу выльете в унитаз. После этого заберете Купцова и приведете его на вахту. Я к этому времени подготовлю постановление о водворении его в штрафной изолятор. А братва пусть думает. Когда в первый раз водку спалили, на Батона перекосили. А в этот раз кто про брагу настучал? И между прочим, в обоих случаях Джаброев замешан...

Смолинский внимательно посмотрел на Самохина.

– Ну и гнилая же у вас, кумовьев, служба... – удрученно пробормотал лейтенант.

– Обыкновенная служба, тюремная, – пожал плечами Самохин. – Ты тоже со временем таким штукам обучишься. Это тебе не дубинкой размахивать. А уж если замахнулся – так бей. Да так шибани, чтоб и дух вон. Был блатняк приворованный по фамилии Джаброев, и нет его. Вот тебе и торжество справедливости!

– Как-то это... Не по правилам... – мотнул головой Смолинский.

– А мы, Коля, зэков сюда, в зону, не звали. Они сами, причем за дело, к нам попадают. Ну а если преступник такую дорожку выбрал, пусть протопадет ее по полной программе. И по правилам, которые мы здесь для него устанавливаем. Иначе нам, тюремщикам, грош цена!

Самохин одернул плащ, нахлобучил фуражку, подойдя к мутноватому зеркальцу на стене, поправил лакированный козырек.

– Ладно, пора закругляться. Пойдем, там у контролеров чай должен быть. Я тебя ландориком угощу мятным. Потом вздремнем часок – того и гляди рассветет уже. А утром опять на службу...

Побег на рывок

Рассказ

Рейсовый автобус, припоздавший из-за ненастья, подкатил к дощатой будочке автостанции и остановился посреди огромной маслянистой лужи. Майор Самохин не сразу разглядел ее в сумерках, только почувствовал, как ледяная вода мгновенно просочилась в ботинки. Чертыхнувшись, он побрел наугад, горбясь под пронзительным октябрьским ветром с мелкими брызгами дождя.

Кажется, единственная в этом степном поселке улица была по-деревенски широкая, застроенная одноэтажными особнячками, окна которых тускло светились сквозь ветви сырых, облетевших деревьев.

Во дворах, почуяв чужого, забрехали в разноголосицу псы. Дождь перешел в туманную, колючую мглу, пропитал сыростью поношенный форменный плащ Самохина с покоробившимися погонами, тяжелую фуражку. Дождинки сбегались на пластмассовом козырьке в тоненький ручеек, капали на лицо, холодили подбородок и шею.

Майор с благодарностью вспомнил жену, которая в последнюю минуту его торопливых сборов уговорила надеть под форму теплое байковое белье.

– Не лето красное, – бурчала она, неодобрительно глядя, как привычно снаряжается по тревоге Самохин. – Снеговой ветер, северный, а ты фуражечку примеряешь, форсишь все. Сапоги одень яловые, а не ботиночки. Прихватит мороз – напляшешься. Знаю я эти ваши розыски. Кинут в степи, и торчи там неделю не жрамши... Ох-хо-хошеньки... Прямо и не знаю, что тебе из еды с собой захватить...

– У меня в кабинете сухой паек есть, да денег двадцать рублей, не пропаду, – успокоил ее Самохин, на что Валентина, делившая с мужем службу в колонии вот уже третий десяток лет, заметила:

– Вот и будешь где-нибудь посреди поля в засаде свои деньги жевать...

За долгие года и она, и Самохин привыкли к таким внезапным тревогам, ночным подъемам, собираясь без суеты, обреченно, тем более что повод на этот раз был самый серьезный – побег. Из короткого телефонного разговора с дежурным по колонии старший оперуполномоченный майор Самохин узнал кое-какие подробности и легко вспомнил беглеца – осужденного Золотарева. Майор формально был в отпуске, но по сложившейся традиции в таких случаях поднимали всех работников колонии, и Самохин, безропотно подчиняясь звонку, сразу включился в операцию по задержанию побегушника.

Бежал Золотарев дерзко, как серьезные заключенные не уходят, – без подготовки, на рывок. На зонавском жаргоне – «заломил рога». Конвой чуть замешкался при разгрузке фуры с вернувшимися с работы заключенными дневной смены, и Золотарев, пользуясь ранними осенними сумерками, шарахнулся перед самым предзонником в сторону от своей пятерки, нырнул в темноту. Солдаты растерялись, бестолково заклацали затворами автоматов, зэки засвистели, заулюлюкали, и молоденький лейтенант-начкар, вместо того чтобы скомандовать спустить с поводков собак и начать преследование, выхватил пистолет и принялся бабахать вверх, бестолково орать на конвойных солдат, загонять зэков за колючую проволоку предзонника. И упустил время.

Узнав о случившемся, командир отдельного охранного батальона подполковник Крымский, понимая, что этот побег целиком на совести конвоя, вначале поднял по тревоге своих «чекистов», которые до полуночи шерстили колонийский поселок, окрестные огороды и близлежащий райцентр, и только после того, как беглец пропал без следа, доложил о ЧП в область, уведомил о происшедшем прокурора и местное отделение милиции.

Самохин вспомнил, что Золотарев был осужден, кажется, за грабеж. Из семи лет, определенных ему судом, отбыл года три-четыре. По зоновской жизни – не из блатных, но крутился возле «отрицаловки», да и кто из молодых эков не мечтает на первых порах о карьере воровского авторитета?

При побеге, если не удалось задержать заключенного сразу, по горячим следам, создается оперативный штаб розыска. Специальные группы сотрудников колонии действуют одновременно по нескольким направлениям: выезжают по известным, зафиксированным в личном деле осужденного адресам родственников и близких друзей, работают в зоне, опрашивая приятелей, «колют» их, пытаются выяснить намерения и место, где предполагал скрываться бежавший. Конвойные войска выставляют блокпосты на железнодорожных вокзалах, автобусных станциях, перекрывают автотрассы, останавливая и досматривая все проезжающие машины. А поскольку дорог в степных краях не считано, таких постов приходится организовывать множество, нередко посреди чистого поля, в глуши, и о том, чтобы регулярно объезжать их, подвозить продовольствие, не может быть и речи. В итоге попавшие на такой блокпост, состоящий, как правило, из прапорщика и двух-трех конвойных солдат, могут, забытые всеми, проторчать на развилке дорог степной глухомани неделю и больше. Дичают без еды, бритья и умывания, в грязных плащ-палатках, с автоматами, сами становятся похожими на разбойников и до смерти пугают невзначай свернувшего на эту проселочную дорогу путника.

По причине отпуска Самохина не стали включать в штаб розыска, а использовали как подвернувшуюся кстати дополнительную силу. Адресок ему достался дохленький, какой-то тетке Золотарева, которую вычислили в оперчасти по единственному письму, полученному беглецом еще год назад и завалившемуся с тех пор на дне ящика прикроватной тумбочки в отряде.

Накануне у Самохина прихватило сердце, а еще раньше, при прохождении диспансеризации, доктор обнаружил повышенное кровяное давление. И то, сколько было бессонных ночей, нервотрепки да дерганий за время его беспокойной службы! Но жаловаться майор не привык, да и поездка эта в село, где жила золотаревская тетка, расположенное километрах в семидесяти от райцентра, не предвещала особых хлопот. Самохин со счета сбился, сколько раз приходилось бывать ему в таких вот «засадах» по адресам, где могли появиться бежавшие заключенные. В городе-то еще смотря какие родственнички у эка подвернутся, другие тюремщиков и на порог не пустят, а силой войти в квартиру и дожидаться там, не заявится ли беглец, прав у сотрудников колонии, работавших по розыску, не было. Другое дело в деревне! Там и в дом пригласят, и за стол посадят, и чарку поднесут, посетовав на непутового, сбившегося с панталыку земляка, которого служилому люду приходится теперь ловить, мотаясь по бездорожью...

А потому Самохин после короткого раздумья оставил в кабинете приготовленный для таких внезапных отъездов «тревожный чемодан», бывший на самом деле раздутым, потерявшим форму портфелем, и, получив в ружейной комнате батальона закрепленный за ним табельный «Макаров», двинулся налегке. Даже запасной магазин к пистолету спрятал в сейф от греха подальше – не ровен час, затеряется где-нибудь, а стрельбу открывать из-за какого-то сопливого, «быковатого» эка Самохин вовсе не собирался.

И вот теперь он брел впотьмах, шлепая по раскисшей грязи дурацкими ботинками, обутыми, как он боялся себе признаться, только из упрямства, наперекор жене, вместо тяжелых, но удобных в распутицу яловых сапог. А улица тянулась бесконечно, домики на ней измельчали, пошли все больше кособокие, в два оконца мазанки, штакетник сменили плетни, а кое-где просто выбеленные временем жерди. Собаки тоже поутихли, отстали, видимо, на этом конце села охранять им было особенно нечего.

Самохин подошел наугад к светящемуся одиноко окошечку какой-то халупки, не огороженной даже плетнем, и осторожно постучал костяшками озябших пальцев по мутноватому стеклу.

– И хтой-то? – спросил встревоженный голос невидимой из-за пестрой оконной занавески старушки.

– Из милиции! – не вдаваясь в тонкости структуры органов внутренних дел, чтоб не путать бабушку, представился майор. – Мне дом участкового найти надо. Не подскажете?

– Да рядышком он живет, напротив! – Занавеска откинулась, и показалось морщинистое лицо древней старушки, которая щурилась, пытаясь рассмотреть в темноте за окном неведомого собеседника. – А только нет его. В район давеча увезли. Бают, пендицит ему вырезают.

– Давно? – сердито, досадуя на себя, поинтересовался Самохин.

– Ась?

– Вырезают аппендицит давно? – переспросил майор.

– Да вчерась увезли, должно, вырезали уже, слава те Господи...

Самохин крикнул, сдвинув на лоб фуражку, почесал в затылке. Прокोल! Днем позвонил в райотдел милиции, спросил, есть ли в этом селе участковый. Ответили, что есть. Но есть он, оказывается, по штату, а фактически находится в больнице, о чем начальство участкового то ли не знало, то ли запомнило.

– Дуроломы хреновы! – ругнулся Самохин, но от бабушки не отстал: – А... – майор запнулся, вспоминая, как зовут родственницу Золотарева, – Клавдия Петровна Аникушина далеко живет?

– Клавдия-то? В конце улицы, там еще тополь высокий растет. Ишь, зачастили к ней гости-то! Племянник вот давеча пожаловал. Конечно, она поросенка своєю зарезала, вот и потянулась родня из городу, за свининкой-то...

Самохин отошел от окна, достал волглую сигарету, раскурил, затянулся глубоко горьким от сырости дымком. «Вот тебе и дохлый адресок!» – подумал он обреченно, зная уже, что не кто иной, как Золотарев, пожаловал навестить престарелую тетушку, и майору предстоит сейчас решать: лезть самому и вязать беглого или метаться по ночному селу, разыскивая телефон, и вызывать из райцентра подмогу.

На мгновение ветер порвал невидимые тучи, выглянула щербатая луна, похожая на сверкнувшую фиксу в черном провале рта, блеснула жирно и склизко, осветив мокрые, око-стеневшие горбыли забора, улицу, мертво-серебристую от луж, с траурной бахромой невытопанной за лето пожухлой и примороженной травы у обочины.

Самохин пошарил за пазухой, достал пистолет, передернул затвор, вгоняя патрон в ствол, щелкнул предохранителем и опустил в правый карман плаща, пожалев мимоходом, что забыл вытряхнуть оттуда вечные табачные крошки, которые непременно налипнут на оружие. Взглянул на часы – двадцать три тридцать. По деревенским меркам – глубокая ночь. Швырнул окурок и, дождавшись, когда рубиновая точка, пшикнув, погасла на мокрой земле, зашагал решительно по чавкающей раскисшей тропинке к приметному, с высоким деревом в палисаднике, бревенчатому домику, в котором светились оба глядящие на улицу окошка. Осторожно ступая, майор стал обходить дом, огороженный ветхим, кое-где поваленным заборчиком, стараясь рассмотреть, что находится в глубине двора. Вот чернеет сарай с копной сена на крыше. Дальше, кажется, садик с несколькими деревцами, огород, прибранный к зиме и угадывающийся по темным квадратам вскопанной земли...

Убедившись, что во дворе нет собаки, Самохин решил для начала заглянуть в сарайчик, чтобы держать под контролем входную дверь дома. Тогда можно будет спокойно, в относительно тепле и уж без ветра и дождя, во всяком случае, дожидаться утра и взять Золотарева тепленьким, в постели. Такие дела спозаранку проворачивать надо. Повязать парня, народ кликнуть... Ч-черт! Не взял наручники! «А, ладно, обойдемся подручными средствами...» – решил майор.

Правда, в таком исходе, как связывание, Самохин все-таки сомневался. Золотарев парень рослый, метр восемьдесят, вступать с ним в близкий контакт, крутить руки, рискованно. Здо-

ровые нынче ребята пошли, чай, не на лебеде, не на жмыхе росли... Так что придется давить на психику, деморализовывать, чтобы и мыслей о сопротивлении не возникало...

«А вот он изловчится да и завалит меня!» – подумал вдруг майор, и странно было то, что испугался при этом не за жизнь свою, а за пистолет этот дурацкий, который может попасть в руки зэка. Утрата боевого оружия сама по себе, как говорится, чревата... Но потом, успокоившись, посетовал на излишнюю мнительность и действовать решил так, как задумал: забраться в сарайчик, посидеть, отдышавшись, а там... утро вечера мудреней.

Самохин вернулся к дому, осторожно открыл калитку, вошел во двор. В этот момент где-то поблизости звякнул металл. Майор мгновенно присел, слившись с непроглядной тенью забора. Дверь домика открылась, кто-то, нырнув под притолоку, вышел из сеней – высокий, сильный, заставивший скрипнуть под собой низкое крылечко.

«Вот тебе и адресок... – подумал Самохин. – Точно, Золотарев! Ишь, отъел морду в тюрьме – не свернешь... Сейчас как махнет огородами – не тот у меня возраст, чтобы через плетни скакать! А... шмальну вслед, а там как получится!» – решил Самохин, вынимая из кармана пистолет.

– Вовка! Чтоб не курил у меня на сеновале! – окликнул из дома встревоженный старушечий голос. – Тулуп-то взял? Ишь, что удумал – в сарае спать. Говорю, лягай в горнице!

– Я, баб Клав, по горницам наспался уже на всю жизнь. Не могу – стены давят. Да не волнуйся ты, все нормалек будет! – пообещал Золотарев и зашагал к сараю, волоча под мышкой что-то большое, темное – наверное, тулуп.

Самохин выждал, пока беглый заключенный скроется в ветхом строении, поднялся осторожно, распрямляя затекшие ноги. И как зэки умудряются так-то вот, на корточках, часами сидеть? Сердце опять ощутимо шевельнулось, лягушонком скакнуло под самое горло и шлепнулось, болезненно сжавшись.

«Ну-ну... – успокоил его майор и потер грудь сквозь плащ стиснутым в руке пистолетом, – не шали у меня. Вишь, оружие на боевом взводе!»

Потом, поразмыслив немного, Самохин решил, что с промокшими насквозь ботинками, на пронизывающем, ледянистом к ночи ветру, да еще со скачущим невпопад сердцем до утра в сарайчике, а уж тем более здесь, в тени плетня, ему ни за что не высидеть. Нашупав предохранитель пистолета, опустил его вниз, мягко придерживая большим пальцем, чтоб не щелкнул в тиши, взвел курок и шагнул решительно к дверце сарая. Войдя внутрь и оказавшись в непроглядной тьме, наткнулся вытянутыми руками на приставную лестницу. Посмотрел вверх. Где-то над головой шуршал сеном, устраиваясь на ночь, Золотарев. Сквозь кривые горбыли потолка было видно, как там вспыхнул и погас огонек. Племянник явно пренебрег добрым советом бабки и закурил...

Зная, что очень короткое время Золотарев будет ослеплен пламенем спички, Самохин, не давая ни себе, ни ему передышку, стал подниматься по скрипучей лесенке. «Черт, надо было хоть фуражку снять! – подсадовал на себя запоздало. – Сияю кокардой на весь чердак! Вот он меня сейчас тукнет по кумполу чем-нибудь, и правильно сделает. Так мне, дураку, и надо...»

– Ты, баб Клав? – окликнул Золотарев сверху и хохотнул примирительно: – Все, не переживай, не курю больше...

Самохин, нащупав край лаза, рывком подтянулся, встал на колени и сразу прямо перед собой увидел ярко озаренное последней жадной затяжкой лицо заключенного. Сказал, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и властно:

– Привет, братан! Я майор Самохин. Если дернешься – пристрелю. Руки за голову, не вставай, повернись спиной ко мне.

Едва различимый во тьме, Золотарев зашуршал, забыл вытащить папиросу изо рта, повернулся неловко. Ориентируясь на огонек сигарки, майор, ступая по мягкому селу, шагнул к заключенному, ткнул его пистолетом в затылок, левой рукой ловко ощупал карманы тело-

грейки, брюк, выдернул из-за голенища правого сапога длинный тяжелый нож, не разглядывая, швырнул в сторону, приказал:

– Спускайся по лестнице, только без фокусов. Я с тобой в жмурки играть не собираюсь. Прострелю башку, если что не так, понял? – и, чтобы сбить с толку, крикнул: – Лейтенант! Принимай задержанного. Побегит – стреляй без предупреждения!

Схватив Золотарева за воротник телогрейки, толкнул к провалу лаза:

– Давай спускайся. Руки на затылке держи!

– Да как же я, – возмутился, приходя в себя от неожиданности, Золотарев, – обезьяна, что ли, в натуре, без рук по лестницам лазить!

– Будешь бакланить – кубарем полетишь с чердака этого... Вперед! – скомандовал Самохин и опять крикнул воображаемому помощнику, в котором так нуждался сейчас: – Емельянов! Принимай клиента!

Не дожидаясь, пока Золотарев заподозрит неладное в странной молчаливости подручных майора, Самохин почти силой впахнул заключенного в лаз и, придерживая за шиворот, понукал:

– Давай, давай, быстро! – и, не тратя времени, сразу начал спускаться следом, едва не наступая зэку на голову.

Золотарев, видимо, окончательно опомнился, матерился сквозь зубы, но шел послушно, держа руки над головой и на шаривая ногами ступеньки лестницы. Самохин, цепляясь каблучками, торопливо сползал за ним, а когда заключенный замешкался было, почувствовав твердый пол сарая, майор уперся стволом пистолета ему и спину:

– Живее шагай!

Оказавшись во дворе, где было заметно светлее, Самохин прикрикнул, повеселев:

– Ну а теперь веди меня к бабе Клавде чай пить!

После пережитой встряски сердце Самохина колотилось, трепыхалось так, что перехватывало дыхание, и майор открытым ртом хватал туманный воздух, стараясь не хрипеть громко.

Золотарев перед самым крыльцом притормозил вдруг, оглянулся растерянно:

– А где... Ну, бля, наколол, мент!

Самохин изо всех сил ткнул его пистолетом промеж лопаток, просипел, свирепея:

– Ты, сучонок, если жить хочешь, делай, что говорят. Пошел в дом!

Ощущение удачи, недолгая воля, вскружившие голову молодому зэку, с появлением властного майора-тюремщика оставили беглеца, и Золотарев сник. Ствол пистолета давил в спину с железной уверенностью, и заключенному хватило гонору лишь на то, чтобы остервенело пнуть сапогом дверь.

– Господи! – почти мгновенно отозвался старушечий голос. – Тихо ты, оглашенный! С петель сорвешь! Аль поморозил соплю да в хату надумал вернуться?

Звякнула щеколда, дверь распахнулась. Из-за плеча Золотарева Самохин разглядел бабку – низенькую, в старой, неопределенно-серого цвета шерстяной кофте, длинной, колоколом юбке, в накинутом на плечи платке-«паутинке». Заметив постороннего в форме, старушка осеклась, попятилась:

– Проходите...

Самохин быстро сунул руку с пистолетом в карман, постарался растянуть сведенные холодом губы в улыбку и вроде шутливо толкнул плечом Золотарева:

– Чо руки-то задрал? Чать, не пленный! Входи, да не балуй. А вам, баб Клавд, здрассьте... Извиняйте, что припозднились с гостеваньем-то. Ежели не возражаете, мы в горницу пройдем, потолкуем...

– Вам возразишь... – неприязненно сверкнула глазами старушка и, буркнув: – Ноги вытирайте, грязь-то какая на улице! – ушла, не оглядываясь, в дом.

За ней забухал сапогами племянник. Майор, едва не зацепившись рукавом за висящее в сенцах на стене большое цинковое корыто, замешкался было, пытаясь нащупать ногами половую тряпку, но не нашел и, постучав ботинками о половицы, заторопился следом.

Прошли и расселись в чисто прибранной, пустоватой по извечной деревенской бедности комнатке с беленой печкой в переднем углу, квадратным, накрытым скатеркой с вышивкой столом, массивным, старинной работы буфетом, перекочевавшим, возможно, в крестьянский дом из помещичьей усадьбы. За мутноватыми стеклянными створками угадывались стопки чистых тарелок и разнокалиберные граненые рюмки. Возле печки – высокая кровать с неизменными никелированными шарами на металлических спинках, в правом углу – икона с лампадкой и множество неразличимых в тусклом свете единственной лампы под матерчатым абажуром фотографий в большой коричневой рамке.

«Черт знает, как так выходит, – подумалось вдруг нехстати Самохину, – вроде работает народ, надрывается, а всю жизнь в одной телогрейке ходит, и накоплений – узелок на смерть в сундуке да сто рублей на сберкнижке, только похоронить и поминки справить...»

Золотарев сел на деревянный табурет у окна, Самохин пристроился за столом, осторожно положив на скатерку набухшую от дождя фуражку и с сожалением покосившись на мокрые пятна четких следов, оставленных им на светлом половичке у порога горницы.

– Присаживайтесь, мамаша, – предложил он, но бабка неожиданно встрепенулась и встала перед ним, подбоченясь:

– А ты кто такой, чтоб в моем доме командовать? Может, вначале документ предъявишь? По обличью видать – из лагеря...

– Лагерей, бабуля, у нас давно нет, – миролюбиво возразил ей Самохин. – Теперь колонии, исправительно-трудовые. Исправляем таких, как Вовка ваш, трудом и перевоспитываем...

– Ага... Я, значит, в колхозе всю жизнь, с малолетства, перевоспитываюсь... – ехидно прищурившись, подметила старушка, – так перевоспиталась, что разогнуться не могу. Теперь, значит, этого мальчика очередь...

– Ну, малец-то ваш пока не шибко уработался, – решил окоротить оказавшуюся не в меру языкастой бабку майор. – Вон, с каргалинскую версту вымахал, а на хлеб себе зарабатывать честно так и не научился...

– За нечестное он сполна отсидел, – вступилась за племянника бабка. – По молодости с кем не бывает. У нас-то в колхозе мужики, что из судимых, самые грамотные. Их за спасибо вкалывать не заставишь. Все знают – и как наряд закрыть, и какие расценки...

– В том-то и дело, что Вовка ваш положенного не отсидел. Сбежал он.

– А мне сказал – отпустили досрочно... – подозрительно прищурилась на майора старушка.

– Отпустят они! – буркнул угрюмо Золотарев, глядя под ноги на расплывшийся развод грязи из-под тяжелых эковских кирзачей.

– Конечно отпустим! – пообещал с воодушевлением Самохин. – Вот досидишь чуток, и по концу срока – мотай на все четыре стороны.

– Мне чуток ваш – семь лет. Да три за побег. Начать да кончить! – вскинулся Золотарев.

– Не горячись, – показал глазами на правую руку в кармане плаща майор. – Как у нас говорят, раньше сядешь – раньше выйдешь!

– Не знаю, как там у вас, – вступилась бабка, – а я Вовку вот с таких годков знаю. Считаю, до школы нянчила. Если бы мамаша его беспутная не забрала тогда был бы при мне. Работал, женился б, как все нормальные люди. Изба есть – вон, живи не хочу...

– Да ладно, баб Клав, – отмахнулся Золотарев, – у вас в колхозе тоже как в зоне. Хошь – сей, хошь – куй, получишь известно что. В тюрьме хоть кормят бесплатно.

– Они же, баб Клав, работать-то не привычные, – подражая Золотареву, в тон ему, брюзжа, заметил Самохин. – Другое дело – на халяву попить да пожрать всласть. Я вам по сек-

рету скажу – они и в зоне не слишком-то урабатываются. Кто ящички из реечек сколачивает, кто тапочки, рукавицы шьет. Вашему механизатору или доярке такая сачковая работа и не приснится! Опять же, режим, сон, кормежка трехразовая. У вас, к примеру, в деревне врач есть?

– Откудова... Была фершал, да померла, старенькая совсем. А больше никто не едет...

– Вот! А там на тыщу эков – пять врачей и медсестер десятков. Чуть кольнет – в санчасть бегут, лечатся... Так что и впрямь, лагерь пионерский...

– Тебе б, гражданин майор, там посидеть, – криво усмехнулся Золотарев.

– Я, парень, в нем уже четвертак отбыл. Вся жизнь в зоне прошла, за решеткой. Домой только спать хожу, и то не во всякую ночь... А уж ты, Золотарев, свой срок железно заслужил, тут ошибками правосудия не отмажешься...

Самохин удовлетворенно вздохнул, торжествуяще оглядел все еще растерянного, не решившего до конца, что следует предпринять, Золотарева и смущенную неожиданным оборотом дела, появлением незнакомого майора, спором вот этим бабку. Радуюсь, что все проходит пока относительно мирно, Самохин как мог тянул время, забалтывал собеседников, не давая им сосредоточиться, но до утра было еще так далеко!

– Шас вон сколько по радио да по телевизору говорят про ошибки-то, – не согласилась бабка, – я и сама видела, как людей при культуре личности Сталина ни за что хватали! У нас в колхозе перед войной один мужик зашел в сельпо водки купить, а ее не завезли. Он в сердцах и ляпнул, мол, эти, в Кремле которые, всю выжрали! Так спрятали мужика – до сих пор нет!

– А вы, Клавдия Петровна, с другой стороны рассудите, – веско поддержал разговор Самохин, – война приближалась, страна, напрягая все силы, готовилась к схватке с фашизмом. И правильно делала! Ведь еле-еле одолели, такая мощь на нас навалилась! Естественно, что в этот период от народа требовалось сплочение. А у вас в селе вдруг находится, уже простите за выражение, какой-то мудозвон, который из-за того, что ему похмелиться не дали, поносит советскую власть и правительство!

– Но не расстреливать же за это!

– А может, его не расстреливали. Таких-то болтунов, насколько мне известно, потом из лагерей пачками на фронт отправляли, – предположил майор.

– Или в побег ушел, и его чекисты кокнули... – заметил Золотарев, глядя на оттопыренный карман самохинского плаща.

– А ты не бегай! – сварливо парировал майор. – Отпустят – тогда топай, куда душе угодно. А конвой – он и есть конвой. Им, чекистам-то, за побег твой тоже достанется. Так что моли Бога, что я тебя взял. Если бы конвойные задержали – намяли бы ребра, чтоб другим неповадно было.

– Неужто бить будут? – всплеснула руками бабка.

– Не по-человечески... – угрюмо подтвердил Золотарев.

– Вот ведь что творят, а?! – изумилась старушка. – Покалечат парня ни за что ни про что...

Самохин пожал плечами:

– Ну... Вовка ваш тоже... тот еще, фрукт. Людей грабил, одного в живот пырнул. Тяжкие телесные повреждения. Хорошо, доктора спасли потерпевшего. Еще чуток – и стал бы Вовка убийцей. Так что семь лет он не за пустяки получил.

Бабка с укором глянула на племянника:

– Мне-то по-другому писал. Мол, напали хулиганы какие-то, защищался...

– Ага, – подтвердил ехидно Самохин, – студент консерватории на него напал, скрипкой по голове дербалызнул, а Вовка его – ножом в живот... Небось что-то в этом роде бабушке наплел? А, Золотарев? А может, это хорошо? Значит, осталась еще у тебя совесть, стыдно признаться, что со студента шапку снял и портфель вырвал. И пырнул его просто так, чтоб сопротивления не оказал.

– Так вышло, – не глядя на бабу, процедил сквозь зубы Золотарев, – не я его, так он бы меня, в натуре, положил. Он, может, карате знал! Они, говорят, одним ударом убивать могут!

– Если б он каратистом был, то, глядишь, вправил бы тебе мозги, чтоб ты за ум взялся, – уточнил Самохин.

– А на хрена мне ваш ум? – оцетинился Золотарев, – что вы все, умные такие, хорошего придумали? Бери больше – кидай дальше? Таскать – не перетаскать? А сами, значит, по консерваториям на скрипочках пиликать, да еще и нас, дураков, хаять – мол, рылом не вышли искусство понимать, пашите да сейте, в дерьме возитесь, пока мы тут на радость всему миру пиликаем...

– Кто ж тебе, дураку, мешал? Взял бы да тоже на скрипочке выучился играть. Или на виолончели...

– Я, кроме баяна да балалайки, ни одного инструмента живьем не видел, только в кино да по телевизору.

– Какие уж нам... виолончели! – вставила, поджав обиженно губы, бабу. – Я его в школу-то еле-еле собрала, чтоб все как у людей – и брючки новые, и рубашечка белая, и книжки с портфелем.

– А родители что ж? Вроде, не сирота, – поинтересовался майор.

Бабу, видно было, успокоилась окончательно, присела на низенькую скамейку возле печи, открыла дверцу, пошерудила там кочергой.

– Никак не прогорит, окаянная. Уж пора заслонку-то закрыть, весь жар в трубу, а она дымит и дымит... Видать, уголь такой. Так и угореть можно... Родители... Знамо, какие сейчас родители пошли. Нас-то у папы с мамой восьмеро было, так всех подняли. И революция, и голодуха, а все как-то перебивались. На скрипочках, конечно, не играли, а на балалайке даже я научилась. Частушки, «Светит месяц»... А эти, нынешние, вроде сыты – а все не в радость. Мать его, Верка, самая младшая из нас. Мы-то – кто на скотный двор, кто в кузню, а она уж при советской власти росла, в техникум. Выучилась на свою голову. Соплюхой еще была – целину покорять кинулась. А че ее покорять-то, в соседнем районе степь распахивали, так мало ей, в Казахстан умотала. Потом на какую-то стройку комсомольскую – то ли реку перегораживать, то ли дорогу железную строить. Допрыгалась, что ни мужа, ни семьи к тридцати годам. Родила неведомо от кого. Так нет, чтоб хвост прижать – мне дите подбросила. Мои-то выросли, трое сынов, разъехались кто куда, но все при деле. Дед, муж то есть, погиб, трактор перевернулся на горюшке, так его и придавило. А тут Вовка – да пушай, думаю, растет, все веселей, к старости-то. Разве ж я тебя плохому-то учила? – обернулась бабу к понурившемуся племяннику.

Самохин достал из кармана пачку «Примы»:

– Курить-то можно у вас?

– Дымите, чего уж там.

– Вот, передайте сигаретку Вовке. А то я его «Беломор», когда карман проверял, кажись, выкинул...

Курили молча, пуская дым в потолок. Самохин морщился и украдкой потирал давящее нудно сердце, Золотарев затягивался жадно, так что слышно было, как потрескивала тлеющая сигарета в повисшей вдруг тишине.

– И все Верка шалопутная! – продолжила бабу задевшую ее больно тему. – Сама в городе пристроилась, на легких хлебах, и сына туда же. Думала, там манна с небес сыплется! С Петькой-то живут они, аль другого хахалю нашла?

– Да живут вроде... Весной на свиданку приезжали, – неохотно буркнул Золотарев.

– Во-о... Тоже тот еще захребетник! Здоровый мужчина, лет на десять младше Верки-то будет! Грузчиком в магазине работает, получает чуть больше, чем пенсия моя, да еще пьет на что-то! Разбаловала жизнь легкая народ, нет, чтоб как раньше – как потопаешь, так и полопаешь. Помню, в двадцать первом годе такая голодуха была – цельными деревнями вымиралаи.

А ведь работали, хлеб сеяли, не то что нонче – баламутство одно. Теперь еще перестройку какую-то затеяли, все уши прожужжали. Одно недостроили, а уж перестраивать взялись! Тоже небось голодухой закончат!

– Я с голоду помирать не собираюсь! – упрямо шмыгнул носом Золотарев. – Возьму топор и добуду пропитание!

– Ох, Господи! – перекрестилась старушка. – Разве ж я тебя этому учила?

– А что, лучше, когда вы, как овцы, деревнями подыхали и даже не блеяли? Эти-то вон, – он кивнул на майора, – свою пайку всегда имеют...

– Если бы ты знал, какая у нас зарплата, – не болтал бы языком, – покачал головой Самохин.

Золотарев привстал, аккуратно прицелившись, бросил окурочек в порожнее ведро из-под угля, покосился на вмиг насторожившегося майора, усмехнулся.

– Не бойсь, сижу пока, не хочу бабу Клаву расстраивать. Умеете вы, менты, на уши наезжать. Меня вот тоже все стыдили – красть, мол, грешно, и так далее... А сами сейчас кооперативов разных понаоткрывали, денежки лопатой гребут. И те, что нам по душе шаркали, воспитывали, первыми хапать кинулись. Так что нечего тут... заливать! Поймали, посадили – власть ваша, а насчет честности да совести – помолчали бы...

– Так это гласность да демократизация называется! – радостно поддакнул ему Самохин, – а в зонах – гуманизация...

– Вот-вот... – ухмыльнулся Золотарев, – еще немного, и демократы вас, коммунык, скинут, придут к власти – так мы, майор, с тобой местами-то поменяемся!

– Хрен тебе! – весело возразил Самохин. – Такие, как ты, при любых властях сидеть будут. Ну а мы, естественно, охранять. Съезд-то по телевизору видел? Демократы эти – они ж интеллигенция, чистоплюи. А с вами, дураками, опять нам возиться придется...

В комнате вновь повисла тягостная тишина. Самохин взглянул на часы. Половина первого ночи, самое воровское время. До рассвета бесконечно далеко. Напряжение, вылившееся в балагурство майора, спало, чувство опасности притупилось, сменилось головной болью, пугающим трепетанием сердца, безмерной усталостью и сонливостью.

Баба Клава всхлипнула, утерла глаза кончиком «паутинки»:

– Ну наворотил ты, Вовка, делов. Что ж делать-то будем?

– А че делать? – отозвался Золотарев и кивнул на Самохина: – Сидеть буду, а гражданин майор меня охранять да перевоспитывать...

– Не расстраивайтесь, Клавдия Петровна, – грустно произнес Самохин, – не такие исправлялись. Ты, Вовка, хоть здесь-то не выпендривайся. Я ведь знаю, чего ты в побег ушел. Сам виноват. Намутил в зоне, с корешами поцапался, вот тебе и предъявили... претензии. Все в авторитеты лез! А какой ты, к черту, авторитет? Ни поддержки у тебя от блатных, ни подогрева с воли. Как был колхозником, так им и остался. Вот и отсидел бы свое мужиком, не рыпался никуда, глядишь – через годик на химию вышел или в колонию-поселение перевелся. Какая-никакая, а воля!

– И ты, майор, про колхозника заговорил, – криво усмехнулся Золотарев. – Погоди, узнаете вы у меня, суки, какой я колхозник!

– Не лайся при женщине, пацан! – вспылал Самохин. – За побег тебе срок добавят, пойдешь на строгий режим. А там волчары те еще, так что слушай меня и сопи носом. Если не будешь дурить, я тебе явку с повинной оформлю. Сделаем так: в побег ты ушел после того, как узнал, что тетушка любимая, которая тебя с детства воспитывала, заболела тяжело. С корешами перетрешь, пусть кто-нибудь подтвердит, – мол, земляк какой-то по этапу эту весточку передал. Вот ты в горячах и рванул. Так и на суде скажешь, там нынче к вашему брату подобрили, поверят. Надавишь на слезу... ну, в общем, не мне тебя учить. А я от себя добавлю, что ты сам сдался. Прибежал, увидел, что тетушка оклемалась вроде, и назад собрался, с повин-

ной. Тут я подъехал, и ты меня встретил как родного. Простите, мол, гражданин начальник, нервишки не выдержали, очень уж бабу Клаву люблю, а теперь добровольно сдаюсь и желаю дальше честно досиживать. Усек?

Самохин тяжело встал, подошел к печи и бросил в поддувало давно потухший окурок, покосился на молчащего угрюмо Золотарева, поинтересовался, будто невзначай:

– А что, Клавдия Петровна, телефон-то в селе есть? Ну, «Скорую помощь» вызвать или машину пожарную...

– Да какая нам «Скорая помощь»! Не ездят они сюда, как хошь, так и добирайся. Телефон-то есть, на том краю села, в конторе. Только закрыта она, если Михальча, бригадира с нашего отделения, разбудить...

– Надо бы разбудить, – стараясь говорить убедительно, предложил майор. – Дело у нас таким образом обстоит. Рассиживаться особо некогда, надо возвращаться. Времени с момента побега пока немного прошло. Я ж говорил, что за это не только эков, но и нас, сотрудников, наказывают! Так что, если получится, попробуем вообще дело до суда не доводить и факт побега скроем. Бывает такое – спрячется ээк где-нибудь на производственном объекте, его и день ищут, и два. За это, конечно, по головке не погладят, но и не судят. Так что попытаюсь и Вовку таким образом отмазать. Но больно не надежный он у вас парень! И если я его сейчас поведу до конторы по темной улице, боюсь, что он опять от меня рванет. А я, сами понимаете, человек служилый и обязан буду его подстрелить. А потому, Клавдия Петровна, у меня к вам просьба. Вы, как женщина сознательная и Вовке своему зла не желающая, должны сейчас в контору сходить и позвонить в районное отделение милиции. Так, мол, и так, в доме у меня племянник и майор из колонии, приезжайте немедленно, и объясните, как сюда добраться. Они в курсе дела, поймут, что к чему...

– Дак... как же? – засуетилась бабка. – Может, поужинаете сперва? У меня в чугушке картошка горячая, сальца порежу...

– Иди, баб Клав, – неожиданно поддакнул майору Золотарев, – чего тянуть-то? Перед смертью не надышишься...

– Ну, до смерти тебе еще далеко, – подбодрил его Самохин, доставая «Приму», но тут же, охнув, схватился за грудь: – Ч-черт!

– Да ты никак хворый? – забеспокоилась старушка, углядев, как передернула лицо майора гримаса боли и невольного испуга из-за вмиг навалившейся слабости и беспомощности.

Пытаясь справиться с непослушным, игривым лягушонком, в которого опять превратилось его сердце, Самохин выдал из себя, оправдываясь и бодрясь:

– Да уж... поистрепал нервы с такими вот... как Вовка твой... Моторчик-то и прихватывает...

– Счас я тебе капель дам, от сердца. Хорошие капли, мне давеча доктор прописал, – как рукой сымет!

Старушка шустро полезла в стоящий у кровати шкафчик, достала темный пузырек.

– Вовка, – распорядилась она, – зачерпни кружку воды в сенцах! Счас... двадцать пять капель... как рукой сымет!

Золотарев вскочил, метнулся к выходу.

– К-куда? Сидеть... – выдохнул майор, но боль не отпускала, сдавила, перехватив горло, и оттого его никто не услышал.

Золотарев вернулся через минуту, не глядя на Самохина, поставил перед ним эмалированную кружку с водой.

– Ну, в натуре, везет! – ухмыльнулся он, усаживаясь на прежнее место. – Еще и мент припадочный попался! Смотри, майор, не отбрось копыта, а то мне за тебя – вышка!

– Прикуси язык, Вовка! – строго оборвала его баба Клава, внимательно следя за тем, как падают на дно граненой рюмки мутные капельки лекарства, потом плеснула туда из кружки воды, подала стопку майору: – Вот, глотни и водичкой запей, враз полегчает.

Стукнув зубами о край рюмки, Самохин выцедил настойку с противным больничным привкусом, отхлебнул из кружки ледяной воды, утер губы ладонью, пробормотал, смущаясь:

– Идите, Клавдия Петровна, пора нам. А то пришли, перебаламутили, грязи в дом натащили, теперь вот еще и лазарет устроили...

Неожиданно с улицы послышался нарастающий шум автомобиля. Чувствовалось, что машина мчится на всех газах, подвывая двигателем, елозя колесами по раскисшей дороге, вспарывая зеркала луж и разбрызгивая грязь. По окнам хлестнул свет фар. Автомобиль взревел у дома и встал. Хлопнули дверцы – одна, вторая...

– Кажись, за мной, – всматриваясь в темное окно, усмехнулся грустно Золотарев, никак на подмогу тебе, майор, чекисты пожаловали!

И действительно, скрипнула калитка, потом затопали на крыльце, чем-то в дверь бухнули так, что щеколда звякнула.

– Открывай!

– Господи... – перекрестилась бабка и бросилась в сенцы.

– Точно, чека! Ваши-то менты повежливее будут, все простите да извините... А в итоге один хрен! – ехидно глянул на майора Золотарев.

– Сядь-ка поближе ко мне, парень... – начал было Самохин, но договорить не успел.

В комнату, нагнувшись и едва не сбив с головы фуражку о дверной косяк, ввалился командир конвойного батальона подполковник Крымский. Следом, выставив перед собой ствол автомата, протиснулся солдат внутренних войск.

– А мы вовремя! – забасил Крымский, распахивая бушлат и отряхивая с него дождевые капли. – Молодец, майор! В одиночку такого быка повязал! Как этот пидор, не шибко ерепенился?

– Фильтруй базар, начальник, – бросил в ответ Золотарев, и Самохин видел, что зэк изо всех сил пытается храбриться, выглядеть наглым и независимым, но по лицу его уже расплылась мертвящая бледность, а губы предательски подрагивают.

Комбат, будто только сейчас заметив заключенного, повернулся к нему, шагнул, нависнув над уменьшившимся вдруг, застывшим в своей как бы вольной позе – нога на ногу – Золотаревым.

– Это кто тут у нас обидчивый такой? – вполголоса, вкрадчиво изумился комбат. – А, это ты, сучья морда? – И рявкнул неожиданно так, что вздрогнул даже Самохин: – Встать!

Золотарев попробовал опять усмехнуться, скривил губы, но одновременно втянул голову в плечи, заостенев в своей нелепой в окружении вооруженных людей позе.

– Расчувствовался на воле, – будто извиняясь за него, пояснил Самохину комбат, – придется напомнить, кто в этом доме хозяин...

Крымский коротким, но мощным ударом кулака сшиб заключенного с табурета и, отступив чуть назад, еще на лету, с размаху подцепил сапогом – под дых. Золотарев глухо ударился о стену, обмяк, сполз на пол, безвольно свесив голову. Из разбитых губ побежала алая струйка крови.

– Ой, ой! Что вы делаете! – заголосила, кинувшись к племяннику откуда-то из-за солдатской спины, бабка.

Крымский, оскалившись, скомандовал:

– Хасанов! Выкинь ее на хрен отсюда! – и обернулся к растерявшемуся от стремительности всего происходящего Самохину, сказал уже по-иному, почти весело: – Заждался, поди? А мы вот они! – и указал на Золотарева: – Ты его хорошо прошмонал?

– Да так, по верхам... – пробормотал Самохин, видя, как теснит, выталкивает автоматом всхлипывающую старушку в сени солдат.

Комбат присел перед заключенным, похлопал его ладонью по щеке:

– С ходу вырубился, слабак. Ну-ка, глянем, чем он тут затарился...

Подполковник принялся деловито выворачивать карманы зэка, балагурия при этом весело:

– Ты, майор, только уехал, как ваши опера кентов этого пса раскололи и нам наколку на адресок дали. Ну, я двух чекистов прихватил, и сюда. Пока дом нашли – полдеревни на уши поставил!

Самохин тяжело встал, подошел, склонился над Золотаревым, пощупал пульс.

– Здорово ты его приложил, комбат. Он в общем-то не дергался, так что можно... без этого...

– Да ни хрена ему не сделается, очухается. Это у вас тут мода с побегушниками возиться. А вот когда я в лесах служил – там их мы вообще живьем не брали. И любой зэк знал: ушел в побег – значит, считай себя уже на том свете... Хасанов, дай-ка наручники!

– Бабка! Тута стоять! – прикрикнул солдат на замершую с прижатыми в ужасе к лицу ладонями хозяйку и достал из кармана бушлата стальные наручники: – Пажалста, таварыщ палковник!

Комбат перевернул Золотарева, уложив на пол лицом вниз, задрал рукава стеганки и, заведя руки заключенного за спину, защелкнул браслеты не на запястьях, а высоко, у самых предплечий. Сталь глубоко впилась в кожу.

– Во, порядок! Теперь не вылезет. Давай закурим, майор. Хасанов! Позови Панасенко, – и пояснил Самохину: – Водитель мой, сержантюга! Я его под окнами оставил. Вдруг, думаю, этот козел сквозь стекло ломанется!

Вошел сержант – крепкий, расторопный, с армейским форсом низко сдвинутой пряжкой ремня, перетягивающего новенький бушлат.

– Тащите этого козла в машину! – распорядился комбат.

Солдаты, закинув автоматы за спину, подхватили Золотарева под руки, подняли, повели.

– Не пуцу! – бросилась на грудь племянника бабка.

– А вы, гражданка, не противодействуйте! – обхватив за плечи тщедушную старушку, отстранил ее комбат. – За укрывательство беглого преступника мы и привлечь можем... Счас вот прикажу бойцам наручники на вас надеть, и в «воронок», – шутливо пригрозил Крымский.

– Вы... Вы нелюди... – всхлинула старушка.

– Ага! А вы, значит, люди! – оскалился в улыбке комбат. – Понарожаете всяких уголовников, тварей, а потом про человечность визжите?! Хасанов! Прысни ей «черемухи» в нос, чтоб не мельтешила тут!

– Да ладно вам, – удрученно махнул рукой Самохин, – что вы в самом деле... сцепились... – и, не глядя в глаза, пообещал старушке: – Вы, баб Клав, через денек-другой, если хотите, приезжайте. Или напишите, я прослежу, чтобы Вовка вам ответил. Все нормально будет, не волнуйтесь. А то, что помяли чуток, – без этого не бывает. Сами ж говорили, что пороть его в детстве некому было. Теперь вот... наверстывает.

– Ладно, поехали! – приказал комбат, швыряя на пол окурок и вдавливая его каблуком сапога в светлый половичок. Золотарев уже очнулся и водил по сторонам снулыми, равнодушными ко всему глазами.

Самохина покорила жестокость, с которой обошелся с Золотаревым конвой. Но одновременно майор испытывал невероятное облегчение. Теперь, когда все так разрешилось, с него спала ответственность за происходящее. Ну а конвой... «Чекисты» во все времена не жаловали побегушников, и Золотарев отделался еще относительно легко. Самохин знал немало случаев, когда при задержании беглых зэков били так, что оставляли калеками на всю жизнь, вымещая на них злобу за грозящие по службе неприятности, нервотрепку, бессонные ночи, долгие

поиски, засады... Майора смущало то, что в этот раз такое произошло на глазах у родственницы заключенного. «Чекисты» бесцеремонно и бесстыдно приоткрыли на мгновение для старой колхозницы затемненное доселе окошко в тот мир, в который неискушенному человеку заглядывать не следует. «Так бывает в морге, – думал Самохин, – когда врач производит вскрытие умершего. Все буднично, законно и необходимо, но видеть это родственникам покойного нельзя...»

Заляпанный грязью по самую брезентовую крышу «уазик» комбата приткнулся возле калитки.

– Панасенко, заводи! – приказал Крымский. – Ты, майор, и Хасанов – на заднее сиденье. Жулика – в середину. Грузи!

Неуклюже, с закованными за спиной руками, Золотарев протиснулся в машину. Зажатый с двух сторон Самохиным и «чекистом», он застыл, низко опустив голову. Водитель, пристроив автомат где-то у дверцы, завел двигатель.

– Оружие на предохранитель поставили? – ворчливо осведомился комбат.

– А мы и не снимали! – весело отозвался Панасенко.

– Во, бойцы хреновы! – беззлобно укорил Крымский. – А если б жулик в окно сиганул?

– Та я б его, товарищ подполковник, на штык принял! – не растерялся сержант.

Пошарив рукой под светящейся в полумраке приборной доской, водитель включил радиоприемник. Однообразные, назойливые эстрадные ритмы, которые Самохин терпеть не мог, заколотили, зазвенели, кажется, прямо в мозг.

– Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал! – игриво, стараясь перекрыть шум, продекламировал комбат. – Слышь, Золотарев? Ты как там, живой? Глянь, с каким торжеством в тюрьму возвращаешься! И почетный караул тебе, и оркестр! Дави железку, Панасенко! Поехали!

Подвывая натужно, «уазик» помчался по улице, ухая с размаху в глубокие лужи, кренясь, как корабль в штормовом море, и мутные брызги били в лобовое стекло, размазывались грязно мечущимися суетливо «дворниками», а зачистивший вдруг дождь торопливо смывал мазню, делая стекло прозрачным, но тут подворачивалась очередная лужа, окатывала машину по самую крышу, и все повторялось.

– А я, слышь, майор, до тебя еще успел в райцентр вскочить! – сквозь грохот музыки и вой двигателя кричал Крымский. – Там вечером мои орлы всех ментов местных перебаламутили. Представляешь? Я трех прапоров на развилке дороги у села Тыждысай поставил. Думаю, надо эту глухую трассу блокпостом перекрыть, а то уйдет жулик в Казахстан – ищи его потом по кошарам... Ну, полый день простояли – ни одной машины. А уж как вечереть стало – прет какой-то колхозник на ЗИЛе. Прапора – балбесы этакие, на дорогу выскочили и давай руками махать – стой, мол! А оделись как бичи: кто в бушлате драном, кто в тулупе, холодно же! Водитель с перепугу – объехал их, да по газам. А прапорщик Туровец – мутила тот еще – пистолет достал и давай вслед палить. Я, говорит, по колесам стрелял. Какой хрен по колесам, когда в одном стекле кабины две пулевые пробоины! Ну, водила примчался в деревню ни жив ни мертв. Позвонил в район, в милицию. Так мол и так, банда какая-то на дороге напала. Менты переполошились, стали группу захвата снаряжать, бронежилеты напялили, автоматы похватили. Насобирали войско и уж совсем было настроились прапоров моих мочить, да тут кто-то сообразил, наконец. Вспомнили, что зэк убежал и что внутренние войска дороги блокируют. Вышли на меня, разобрались...

– И что? – поддерживая разговор, вяло поинтересовался Самохин.

– Да что?! Морду набил Туровцу, пистолет отобрал. И блокпост их снимать не буду. Пусть всю ночь на дороге колотятся, если мозгов нет! Чекисты, мать их! Ни украсть, ни покараулить...

Самохин, не слишком прислушиваясь к словам комбата, сонно и равнодушно смотрел в темное боковое окно, то и дело тычась правым плечом в сидящего рядом Золотарева. По тому, как захрустел, защелкал по днищу автомобиля гравий, майор угадал, что выехали за околицу, на грейдер. «Уазик» прибавил скорость, тонко засвистел у самого уха пробившийся в теплое нутро машины сквозь щель в дверце ветерок, и Самохин подставил под эту ледянистую струйку разгоряченный лоб, омыл ею тяжелые, слипшиеся в навалившейся дреме веки. И удивился вдруг про себя, как мало порой нужно человеку, чтобы, ощутив уют и покой, подремывать расслабленно в темноте и тепле рядом с только что повязанным заключенным, с автоматчиками, оружие которых хоть и поставлено на предохранитель, но в тускло блестящем, щедро промасленном казеннике ствола покоится до поры тяжелый золотистый патрон...

– Майор! Подъем! Кончай ночевать, – услышал вдруг Самохин и открыл глаза. Он, видимо, задремал все-таки и теперь чувствовал себя немного ошарашенным, но посвежевшим и отдохнувшим. Да и головная боль отпустила наконец, сердце притихло, и майор, как всякий нормальный человек, не ощущал его вовсе.

– Ну и любите вы, «кумовья», поспать! – веселился комбат. – Если бы не мои «чекисты», у вас бы все жулики давно разбежались. Панасенко! Притормози у тех вон кустиков. Не видишь, что ли? Радиатор кипит!

За окном приметно светало. Небо над горизонтом побелело и напоминало сырую, плохо выжатую гигантскую простыню, накинутую на кроны виднеющейся впереди лесопосадки.

– Километров шестьдесят по такой дороге отмахали, – объяснил обстановку комбат, – все кишки вытрясло, спину не могу разогнуть... Выходи, разомнемся чуток. Торопиться некуда, через час дома будем.

Крымский первым ловко, несмотря на свой высокий рост, выбрался из машины и, отойдя на несколько шагов, отвернувшись, застыл у придорожных кустов.

– Товарищ подполковник, а жулика выводить? – поинтересовался сержант.

– Тащи сюда, пусть оправится. Небось натерпелся со страху, – добродушно разрешил комбат.

– А штаны ему кто снимать будет, я, что ли? – обиженно спросил водитель.

– Нет, я, сержант Панасенко! – рявкнул, не оборачиваясь, Крымский.

– А как же... Придется наручники расстегнуть, – канючил сержант.

– Хасанов, вытащи эка, сними с него наручники и пристегни одной рукой вон к той скобе, – комбат указал куда-то на заляпанный грязью задок «уазика», – пусть дует под колесо!

– Ну да... а мне потом это колесо менять, руками за него браться! – возмутился водитель.

– Тогда снимай с его штаны! – усмехнулся, застегивая ширинку, комбат.

– Ладно, вылазь из машины, – приказал Панасенко Золотареву. – Хасанов, где у тебя ключи от наручников?

– Стой, твою мать! – вмешался комбат. – Ну куда ты, Хасанов, черт нерусский, с оружием к эку лезешь! Отдай автомат Панасенко! Во... Теперь прищелкни его вот сюда... Ну-ка? – Подойдя к Золотареву, Крымский проверил надежность наручников и скобы, за которую был пристегнут стальной браслет. – Нормально... Теперь, если побежит, так вместе с машиной, – удовлетворенно заявил он Самохину. – Давай, майор, перекусим, а то жрать хочется – спасу нет! Панасенко! Тащи сюда свою заначку.

Расторопный водитель откинул переднее сиденье, вытащил из углубления под ним объемистый сверток.

– Куда класть-то, товарищ подполковник?

– Давай сюда, на капот. стакан есть?

Сержант развернул промасленную бумагу, в которой оказались уже напластанные шматки густо посоленного, розоватого на разрезе сала, очищенная крупная луковица, буханка серого солдатского хлеба и бутылка пшеничной водки.

– А тушенку притырил? Ну до чего ты прижимистый хохол! Не жмись, тащи сюда. Дай-ка штык-нож, хлеба нарежу. Да стакан-то протри, он же у тебя в пыли весь! Ну, бестолочь...

Крымский указал Самохину на импровизированный стол, сооруженный на горячем еще, с подсохшей грязью капоте «уазика».

– Присоединяйся, майор. Бойцы, налетай! Ты, Хасанов, сало-то ешь? Правильно, молодец, солдата Аллах простит. Ты ж не для удовольствия, как Панасенко, свинину трескаешь, а для поддержания боеспособности! Водки вам, салабонам, не положено, ну а мы с майором врежем по стаканчику!

Комбат ловко сорвал зубами пробку из серебристой фольги, сплюнул ее в сторону, недогнувшей рукой налил тяжелой, как ртуть, водки в стакан.

– Давай, майор, заслужил. Я тебя за ликвидацию побега к нагрудному знаку представлю! «За отличную службу в МВД» называется. Красивый такой, там щит и меч изображены.

Самохин взял стакан, кивнул подполковнику, солдатам, – мол, за ваше здоровье, и выпил одним глотком, зажмурившись и суетливо нашаривая хлеб на закуску. Потом, прихватив сала и толстое кольцо луковицы, принялся жевать, морщась от водочной горечи.

– Хорошая водочка, из Москвы! – похвалился комбат, наливая себе. – Экспортный вариант! У меня боец один из столицы родом, хороший чекист. Я ему отпуск дал, так он этой водки приволок – ящик, не меньше. Ешь, Хасанов, ешь, не стесняйся, глянь, какой ты дохлый! Вот, Панасенко, хохол, такой здоровенный, на сала вырос. А дома у тебя свинину едят? – поинтересовался вдруг Крымский. За разговором он как-то незаметно выпил свою порцию водки и теперь одной рукой отправлял кусок хлеба с салом себе в рот, другой заботливо подсовывал бутерброд вконец смутившемуся солдату.

– У нас в Чечне, товарищ полковник, свиней не держат.

– А чего ж вы едите? – весело изумился Крымский.

– Барана едим, этот... козу едим, птица разный... гусь, индюшка... Курица еще, тоже едим...

– А ты чего молчаливый такой, майор? – перекинулся подполковник на Самохина. – Побег ликвидировали, жулика стреножили, так что нормально все будет! Давай еще по одной! Чего грустить-то?

– Да так... Сердце прихватило в самый неподходящий момент. Видать, отслужил свое...

– Сколько выслуги-то намотал?

– Четвертак разменял. У эков теперь и сроков таких нет...

– А я пятнашку, если с училищем считать. Из них десять лет в лесах. Печора, Мордовия... Не приходилось в лесных колониях служить? Здесь, у вас, конечно, тоже не курорт, а там... Зона и тайга – на сотни верст ни души. Одна железная дорога узкоколейная. И у каждого сотрудника вместо личного автомобиля – дрезина. Поставил на рельсы – и чешешь километров за двести, чтобы пару бутылок водки купить. Во жизнь! Ну, правда, грибы там, ягоды разные, охота... Жить можно! Я сам-то с юга, у меня и фамилия подходящая – Крымский. А там, где тепло, климат хороший, люди кучкуются друг на друге, толпой живут. А в тайге, да и здесь, в степи, – простор!

– Есть где за каждым беглым эком гоняться, – чтобы поддержать разговор, поддакнул Самохин.

– Я ж говорю, эки там – звери, строгий да особый режим, тигры полосатые, не то, что эти овцы, – подполковник пренебрежительно махнул рукой в сторону прикованного к машине Золотарева, – работают в лесу, охрана слабая, потому и закон – побегушников живьем не брать. У меня, между прочим, две души на боевом счету. Обоих за раз завалил. Они, козлы, на лесоповале конвоира грохнули, забрали автомат и в лес ушли. Целый месяц мы их в тайге отлавливали. Сутками не спамши, не жрамши, пообморозились. А потом прищучили их километров за триста от зоны возле одной деревушки, куда они подхарчиться забрели. Обложили, как

волков. Они было перестрелку затеяли, да где там! В армии-то не служили, урки, палили, как в белый свет, патроны все с перепугу расшмаляли. Ну я и кричу: «Выходи, братва, руки в гору, жизнь гарантирую!». Они вылезли, бредут по пояс в снегу. А я навстречу – с «калашом». Как дал с пятидесяти шагов – не поверишь, жуликов пулями в воздухе подбросило! Насчет гарантии жизней я пошутил, конечно. Закон есть закон... Давай еще по одной!

Совсем рассвело. Степная дорога оставалась пустынной, только холодный ветер гнал низко над землей тяжелые дымные тучи, шевелил пучки соломы на распаханном, начинавшемся сразу за обочиной, поле, шумел верхушками деревьев отдаленной, голой уже почти, лесополосы.

Самохин поежился зябко в непросохшем плаще, поднял воротник, нахлобучил покрепче фуражку. Солдаты, застыв на ветру в кургузых бушлатах, забрались в машину, ковыряли штык-ножом банку с тушеной говядиной. Пристегнутый наручниками Золотарев присел на корточки у заднего колеса, безучастно смотрел в небо, возможно слушая краем уха рассказ комбата. Только Крымский, казалось, вовсе не обращал внимания на промозглый ветер, балагурил, хмельно размахивал руками и ногами расстегнутого бушлата, разгорячась, даже рванул верхнюю пуговицу полевого кителя, обнажив мощную жилистую шею.

– Р-романтичная погодка! – повел он рукой вокруг, обращаясь к Самохину. – Люблю, когда буря, шквал какой-нибудь. Здесь, в ваших краях, бураны обожаю! Заносит все к чертовой матери, живешь, как на острове... Эй, Панасенко! Быстро ко мне! – позвал вдруг подполковник и протянул сержанту хлеб, сало. – На, отдай жулику. Эй, ты, как там тебя... Золотарев! Жрать будешь?

Заключенный помотал отрицательно головой.

– Ты что, в натуре, как пленный партизан? Дают – бери, бьют – беги. Мне на твою гордость начхать, просто задержанных кормить положено. Правильно, товарищ майор? – обернулся к Самохину комбат.

– Давай, Золотарев, – поддакнул продрогший Самохин, – жуй быстрее, да поедем. В камере и то теплее, чем здесь, хоть ветра нет.

Сержант подошел к заключенному, протянул еду:

– На, лопай...

Золотарев вдруг резко вскочил, ударил обеими руками «чекиста» в лицо, сбил с ног и, перепрыгнув через обалдевшего от неожиданности бойца, скатился с дороги, помчался на пашню, в сторону лесопосадки.

– Отстегнулся, гад... – пробормотал Панасенко, изумленно таращась вслед, потом шустро поднялся, бросился к сиротливо болтающимся браслетам наручников. – Открыл, товарищ подполковник! Вот, проволока в замке застряла. Ну, зэчья морда! Шцас, шцас я его поймаю! Хасанов, за мной! – И сержант скакнул с обочины.

– Стоять! – оскалился комбат. – Хасанов, автомат!

– Да подожди ты, – попытался урезонить Крымского Самохин, – чекисты его вмиг догонят! Куда он в открытом поле денется?

– Здесь я командую, майор! Не путайся под ногами. Комбат передернул затвор, вскинул автомат, прижал к плечу.

– Ну, держи, сучонок... От меня два раза не бегают... – свистящим шепотом сказал подполковник, ища в прорезь прицела фигуру беглеца.

Золотарев, рванувший изо всех сил, через два десятка шагов увяз в раскисшей от многодневных дождей пашне. Он почти брел уже, тяжело, как в замедленной киносъемке, представляя ноги с налипшими на сапоги пудовыми комьями грязи. Земля, черная, жирная, будто притягивала его невидимыми магнитными полюсами вдесятеро сильнее обычного, не отпускала, засасывая. Золотарев, упрямо склонившись вперед, шагал, с чавканьем выдирая кирзачи из этой земли, к чахлым деревьям лесопосадки. Облетевшие, лишь кое-где окрапленные баг-

ряно-желтыми листьями, деревья эти не могли укрыть, спрятать его, и оттого отчаянный побег был особенно нелеп в своей безнадежности.

Звонко, оглушая, стрекотнул автомат. Горячая гильза больно ужалила в щеку Самохина. До беглеца было метров тридцать, и майор ясно увидел, как незримые пули стегнули Золотарева по спине, выбив из телогрейки белые комки ваты, толкнули, словно подгоняя, вперед, но увязшие в пашне ноги не смогли сделать последнего шага. Золотарев, надломившись, упал, став невидимым вдруг и слившись с раздавшейся под ним податливо мягкой землей.

– Готов! – процедил сквозь зубы комбат, забрасывая привычным движением автомат за спину. – Видит Бог – не хотел я... Напрасно старушка ждет сына домой... – затаил он вдруг.

– Шлюха у него мать, а не старушка, – зачем-то уточнил Самохин.

– Эх, бойцы, раззявы, – обрушился на солдат Крымский, – следующий раз я, Панасенко, зэка наручниками за яйца твои пристегну! Вперед на пашню! Тащите жмурика сюда. У меня раненых не бывает... – И, обернувшись к Самохину, сказал: – Все, майор, управились. Разлей, там в бутылке, кажись, еще осталось чуток...

Мразь тюремная Рассказ

В конце мая старшего оперуполномоченного Самохина телефонограммой вызвали в областное УВД. Майор всю жизнь прослужил в отдаленных колониях, без постоянного пригляда высокого тюремного начальства привык к некоторой вольности и не любил бывать в управлении. Даже в отутюженной по такому случаю форме, подстриженный ээком-парикмахером, Самохин все равно чувствовал себя замшелым провинциалом на фоне щеголеватых, презрительно-вежливых офицеров, снующих по ковровым дорожкам «центрального аппарата».

Переслужив уже все установленные сроки, майор в последнее время все чаще подумывал о пенсии, но тянул с рапортом, страхась остаться не у дел, без этой опостылевшей, но такой привычной работы. С трудом представлял он, как, проснувшись однажды утром, не пойдет больше знакомой тропинкой по дощатому мостику через овраг, мимо часовых на вышках, злющей, хрипящей от ярости на крепкой цепи конвойной овчарки в предзоннике, не услышит знакомого лязга электрозамка на металлической двери вахты, отгораживающей колонию от остального мира, а останется дома, сможет сколько угодно валяться в постели, читать какие-то книжки, болтать с женой Валентиной о разных пустяках... А может быть, уподобившись своим отставным сослуживцам, примется за огородничество, заведет живность – кур, поросенка...

Но книг майор давно не читал – не попадались как-то интересные, берущие за душу, с женой за долгую совместную жизнь, не даровавшую им детей, переговори, кажется, обо всем, а при встречах с приятелями-пенсионерами, хваставшими необыкновенными сортами огурцов или клубники, на Самохина нападала неудержимая зевота.

«Мичуринцы хреновы...» – раздраженно думал он о бывших сослуживцах, удивляясь их безмятежному счастью. А ведь они лучше других знали про мир, который затаился покуда, но поднимает уже голову совсем рядом, за надежным до поры колонийским забором. Надежным потому, что тянут лямку старые служаки вроде Самохина. И стоит им отправиться разом на пенсию, как заворочается, забурлит, набирая силу, загнанный в зоны преступный мир, выплеснется за колючую проволоку и стремительно, не сдерживаемый больше никем, зальет улицы городов и поселков...

Так думал Самохин, и мысли эти, тщательно скрываемые от окружающих, позволяли ему чувствовать некий высокий смысл в своей не слишком удачно сложившейся в общем-то жизни.

Причина вызова Самохина в управление вскоре прояснилась и оказалась не связанной с осторожными мечтами майора о пенсии. Собирали очередное совещание колонийских оперов, и требовалось быть готовым представить краткий отчет о количестве совершенных в зоне и раскрытых местными «кумовьями» преступлений, указать число изъятых у ээков запрещенных предметов – колюще-режущих заточек, спиртного, наркотиков, денег...

Все эти сведения Самохин, – изрядно, впрочем, приврав, – записал для памяти в толстый засаленный блокнот и ехать решил налегке, тем более что поезд до областного центра шел всего несколько часов, и если отправиться вечером, то рано утром окажешься на месте, еще и останется время перекусить в станционной забегаловке, а уж потом – в управление, «на сходняк», как пренебрежительно окрестили такие совещания у руководства зоновские опера.

Нужно было позаботиться о билете, и майор пришел на железнодорожный вокзал задолго до прибытия поезда. В этот предвечерний час на перроне было пустынно и тихо, лишь на давно не крашенных лавочках подремывали в окружении чемоданов и узлов жители отдаленных от райцентра поселков, дожидаясь то ли поезда, то ли случайной попутки до дому.

Солнышко пригревало совсем по-летнему. Чахлые, не слишком прижившиеся в засушливом степном климате березки бросали на серый растрескавшийся асфальт длинные ажурные тени, в которых сутились, склевывая только им видимые крошки, вездесущие воробьи.

Когда-то, в молодости, Самохин любил малолюдные станции в захолустных городках российской окраины, с их неторопливым, прерывающимся на мгновение лишь с приходом поезда укладом, с грязными вагонами товарного состава, будто навечно забытого на старых, проржавевших и заросших травой запасных путях, разговорчивыми кассиршами в окошечках билетных касс, тихими ресторанчиками, где за столами, застланными несвежими скатертями, скучают, думая о своей женской доле, вокзальные официантки, а залы ожидания гулки и торжественно пусты.

Позже, когда всякая поездка стала означать беспокойство, сложные, а порой и опасные задания, майор перестал испытывать удовольствие от таких путешествий, ибо связаны они были прежде всего либо с розыском бежавших эков, либо, как сейчас, с вызовом «на ковер» к начальству, от которого добра тоже ждать не приходится...

В этот раз отчего-то Самохин почувствовал вдруг, что к нему вернулось забытое уже ощущение покоя и непонятной радости – то ли при виде неказистого, но чистенького райцентровского вокзальчика, а может, от волнующего ожидания поезда, который примчится, как всегда, внезапно, раскаленный от степного зноя и скорости, наполнит сонную станцию своим жарким дыханием и людским гомоном, и Самохин, оказавшись в вагоне, помчится вместе с торопящимся составом в синеющую от сумерек, остывающую к ночи степь, отрываясь хотя бы на пару дней от забот и привычного, устоявшегося быта...

«Подам рапорт на пенсию. Вот прямо завтра. Зайду в отдел кадров и подам!» – неожиданно для себя решил Самохин. Потом он уедет с Валюшей куда-нибудь далеко, на таком же скором поезде, выберет городок в центре России, чтобы там, упаси Боже, не было никакой тюрьмы, зоны, на побереженные к старости деньги купит домик, непременно с садиком, яблонями да вишнями, с палисадником и березками под окнами... Не такими чахлыми, изломанными пыльными бурями да зимними метелями, как здесь, на границе с Азией, а настоящими русскими березками, с призрачно светящимися по вечерам стволами и косматыми, нежно стучащими в стекла окон прядями зеленых ветвей...

Купив билет, Самохин оставшиеся полчаса отправился побродить в окрестностях вокзала. На примыкавшей к перрону площади с единственным монументальным строением – зданием райкома партии и неперменным памятником Ленину – было пустынно и тихо. Лишь в отдалении, у скверика с реденькими корявыми деревцами, куда назидательно указывал железобетонный Ильич, виднелась квасная бочка и толпящийся возле нее народ. Майор направился туда, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что торгуют не квасом, а пивом, о чем извещала написанная от руки и криво приляпанная на толстый бочковой бок бумажка.

Очередь состояла из десятка мужиков, нянчивших нетерпеливо пустые трехлитровые банки и полиэтиленовые канистры. Со стороны скверика доносились голоса, раскатистый хохот – там, на пожухлой уже от солнцепека травке, расположились отоварившиеся пивом счастливицы.

Самохин, никогда особо не любивший спиртного, тем более если за ним предстояло выстоять длинную очередь, собрался было уйти, но внимание его привлек спор. Две пожилые, увешанные серебряными монистами казашки тянулись с пустой бутылкой к продавщице, священнодействовавшей краном, из которого, повинуясь ее крепкой руке, брызгала пенная струя. На пути женщин грудью встал здоровенный, лохматый мужик с яростно выкаченными красными глазами.

– Моя толка бутылка нальет, пить хотим! – бормотала одна из казашек, пытаясь протиснуться к продавщице, на что мужик орал, тыча ей в лицо огромный кукиш:

– Вот тебе, карга! Это из-за вас, баб дурных, сухой закон ввели! Вы, сучки, везде жаловались! Была бы водка, я б с утра стакан выпил, в норму пришел – и на работу! А теперь вот весь день тут сижу, не опохмелюсь никак... Пошли отсюда!

Заметив Самохина, указал на него пальцем:

– Вот майора пропущу без очереди, он человек служилый, не то что вы, дуры. А за это, когда в зоне встретимся, он меня замуткой чая угостит!

– Идет! И чаю дам, и шконку воровскую определю, – пообещал добродушно Самохин. – Только разреши этим бабенкам пивка отведать. Ты ж небось уже полбочки опростал!

– Скажешь тоже, командир... Ведра два, не больше... – Мужик довольно похлопал себя по животу и махнул женщинам: – Раз гражданин начальник приказал, налетай, бабы! Кильманда, или как там по-вашенски...

Самохин ушел, удивляясь про себя, как безошибочно узнают в нем бывшие зэки тюремного офицера, впрочем, забывая или не выказывая на свободе обид на прежнее лагерное начальство. Пробовал Самохин представляться в таких ситуациях пожарником, тем более что форма вроде бы одна и та же, но «спецконтингент» мгновенно распознавал в нем зоновского кума...

На перроне в ожидании поезда уже собирался народ. Рядком расположились старушки – торговки с пирожками, семечками, слегка замаскированными, но легко угадываемыми в сумках бутылками водки и местного самогона.

Среди ожидающих поезда Самохин обратил внимание на рослого, подтянутого, в синей парадной форме старшего лейтенанта-десантника. Он, видимо, приезжал домой на побывку, и теперь его провожала пожилая, седовласая, все еще красивая женщина. Отчего-то подумалось, что она наверняка всю жизнь проработала учительницей в этом городке, непременно одна, на скудную зарплату вырастила красавца-сына, доброго и отважного богатыря, и Самохин растрогался от этой своей догадки, представляя, как они с Валею, гордясь и тревожась, провожали бы своего сына, молодого офицера, на опасную, но почетную армейскую службу...

«Хорошо, хоть эта заваруха в Афганистане кончилась», – порадовался в мыслях майор. Армия опять стала мирной, ухоженной и любимой народом. Шел девяносто первый год, бездумная «перестройка» явно выдыхалась, еще немного, и в стране, может быть с помощью таких вот молодых, честных и отважных офицеров, восстановится порядок, и все пойдет по-прежнему, только гораздо лучше...

По радио объявили посадку, народ засуетился, заметался по перрону, подхватив сумки и чемоданы, и Самохин, поддавшись всеобщей веселой панике, тоже оторвался от размышлений, всполошился и зашагал быстро, удивляясь про себя, отчего кому-то пришло в голову нумеровать вагоны с хвоста поезда.

Молодая проводница с уставшим, обветренным лицом, равнодушно взглянув на билет, назвала номер купе, и Самохин, успокоившись сразу, отошел до поры в сторонку, покурил на перроне, а потом нырнул в теплое, слегка пахнущее кожей и угольной пылью, но чистенькое и уютное вагонное нутро. Отыскал свое купе и потянул в сторону мягко откатившуюся дверь. Давешний старший лейтенант возился с окном. Мельком оглянувшись на Самохина, он наконец открыл верхнюю фрамугу, и в купе ворвался легкий остужающий ветерок.

– Здрассьте... Значит, соседями будем! – благодушно сказал Самохин, протискиваясь за столик. – Из отпуска, небось? А теперь куда – на службу?

Самохин вовсе не был балагуром, с незнакомыми людьми сходилась неохотно, трудно и, зная за собой эту черту, перебарщивал порой, усиленно изображая такого веселого рубаху-парня.

Закончив с окном, десантник обернулся, медленно оглядел майора и, промывчав неопределенное «м-м... да...» принялся пристраивать на верхнюю полку новенький щеголеватый чемодан.

Молчаливое пренебрежение попутчика больно задело майора. В зонавской жизни, с ее обостренной реакцией на разного рода унижения, обиды, такое отношение к собеседнику расценивалось как оскорбление, прямой вызов и без особой нужды не позволялось ни зэкам, ни сотрудникам. Коль заговорили с тобой душевно, по-человечески, отвечай тем же, а не то... И Самохин не смог сдержаться, сказал резко:

– Что-то армия наша не там, где надо, гордость свою показывает. К вам, товарищ военный, между прочим, старший по званию офицер обращается!

Оторвавшись от своего чемодана, десантник сел, вольготно откинувшись, положил ногу на ногу и, покачивая остроносым лакированным ботинком, произнес внятно, глядя в глаза Самохину:

– Ты для меня, майор, не офицер, и на звание твое тюремное мне наплевать! Зэками будешь командывать!

Только сейчас Самохин понял, что десантник тяжело, агрессивно пьян, но по армейской привычке старается сохранить выправку, лоск, отсюда и неторопливые, лениво-сосредоточенные движения...

– Ишь ты какой... гонористый! – усмехнулся майор. – От тюрьмы грех зарекаться, она, парень, всех принимает, даже десант наш доблестный. Так что ложись-ка от греха подальше спать, это я тебе как... гм... старший товарищ советую!

– А может, в кабак махнем? Я угощаю! – оживился вдруг с пьяной непоследовательностью десантник.

– В стране, товарищ старший лейтенант, сухой закон, и спиртным в поезде не торгуют! – напомнил подчеркнуто-официально Самохин, но сосед, закусив удила, махнул рукой:

– В вагоне-ресторане, если из-под полы, всегда есть! Хлопнем по стаканчику-другому, все веселей ехать-то...

– Спасибо, не пью, – сухо отрезал майор, досадуя на вымученную общительность свою некстати, на попутчика пьяного, который, наверняка, будет куролесить всю ночь. Парень здоровый, такой не скоро уgomонится, и отдохнуть в дороге теперь не удастся.

– Ну и хрен с тобой. Тоже мне, в офицеры лезет! Офицер должен пить все, что горит.

Десантник встал, и его качнуло крепко, дернулся поезд, и старший лейтенант едва не упал, успев-таки схватиться за верхнюю полку.

– Внимание... Слушай мою команду... Пошел! – дурашливо, будто десантируясь из самолета, рванул он дверь купе и вывалился в коридор.

Оставшись один, Самохин посмотрел в окно, где мелькали в сгустившихся сумерках редкие огоньки степных селений. Вольный ветерок всплескивал казенные голубенькие занавесочки, но от хорошего настроения, навеянного ожиданием поезда, умиротворенным стуком вагонных колес, не осталось и следа.

В купе стемнело, но Самохин не зажигал света. Пристально и обиженно смотрел он в окно и видел сквозь блестящее холодной пустотой стекло темные на фоне тускнеющего неба лесопосадки, яркие звезды, повисшие над черными кронами деревьев, тут и там приткнувшиеся к железнодорожному пути безымянные разъезды и полустанки, мимо которых поезд мчался с грохотом и свистом, не устаивая ни селения эти, ни обитающих здесь людей даже мимолетным вниманием и остановкой.

Особенно обидным показалось Самохину то, что и его жизнь в маленьком приколониальском поселке тоже находится на такой вот обочине главной, скоростной магистрали, по которой несется, гремя и ликуя, основной поток человечества, и при этом им, целеустремленным в неведомую светлую даль, никакого дела нет до прозябающих на обочине. И десантный старлей-попутчик тоже из этого, основного потока жизни, не чета ему, старому майору – случайному здесь пассажиру. Десантник молод, здоров, его ждет впереди интересная и уважаемая

в народе служба, новые города и красивые женщины, а тюремный майор Самохин через пару дней вернется домой и отправится привычной дорожкой в постылую зону...

А еще вспомнилось вдруг Самохину, как его, выпускника-заочника юридического института, в начале шестидесятых годов пригласили в городской комитет партии и предложили поступать на службу в органы внутренних дел. Второй секретарь горкома, пожилой, седовласый, с модным в те годы среди номенклатуры «политзачесом», вещал Самохину, что система исправительно-трудовых учреждений нуждается в новых кадрах, не запятнавших себя репрессиями в годы культа личности, и что там, в зонах, находятся тоже наши, советские люди и каждый из них может и обязан встать на путь исправления, перевоспитаться, вернуться в ряды полноправных членов общества. А помогут им в этом такие, как Самохин, молодые, грамотные и честные комсомольцы...

Лейтенант Самохин стал начальником отряда численностью около двухсот мужиков с изломанными судьбами, не верящих уже никому и ни во что. Читал им лекции, проводил политинформации и беседы, рассказывал о достижениях родного социалистического государства, а эки хвастались друг перед другом прежними удачными кражами, дерзкими налетами, ссорились, устраивали разборки с поножовщиной и, чтобы уклониться от «общественно полезного труда», ломали себе руки и рубили топором пальцы...

Взвизгнула дверь купе, и Самохин вздрогнул от неожиданности. Ввалился десантник – огромный, широкоплечий, заполнивший собой сразу едва ли не все пространство.

– Темно... Ч-черт! Ты здесь, майор? Ишь, пришипился... – загремел старлей пьяно. – А я тебе гостей привел... Эй, пацаны, заходи! Я вас вот... с гражданином начальником познакомлю. Да где ж здесь свет включается, твою мать...

Самохин щелкнул выключателем, и в синеватом, неживом свете увидел, что в купе протискиваются два парня. По новеньким черным робам, тяжелым, с металлическими заклепками ботинкам безошибочно опознал эков, освободившихся только что, даже не переодевшихся еще в вольное.

Десантник торжественно водрузил на середину стола бутылку невероятно дорогого по нынешним временам коньяка, водки, а эки, один белобрысый, курносый, другой чернявый, с усиками, похоже, кавказец, оба сухие, тщедушные, молодые да верткие, принялись суетливо вытаскивать из карманов молескиновых, зоновского пошива штанов позвякивающие глухо бутылки с вином.

– Гуляй, нищая Россия! – широким жестом указал на заставленный спиртным стол десантник. – Садись, ребята!

– Да мы это... в натуре, насиделись уже, командир! – хихикнул белобрысый.

– Только майора не обижайте, – добродушно попросил старлей, открывая чемодан и извлекая оттуда бумажный сверток. – Он тоже погоны таскает, хоть и по тюремному ведомству...

Самохин тяжело, исподлобья оглядел присевших на вагонный диванчик гостей. Белобрысый ловко свернул пробку с горлышка коньячной бутылки, чернявый, ухмыляясь чему-то, шелестел газетным свертком, вынимая копченую колбасу, и Самохин видел, как порхают над столом, будто два голубя-сизаря, его ловкие татуированные руки карманника.

Старший лейтенант пошарил в кителе, достал нож Из коричневой эбонитовой рукоятки с легким щелчком выскочило обоюдоострое лезвие.

– Держи, Васо, это мой боевой товарищ, нож-стропорез называется. Почикай колбаски. А ты, Петя, разливай коньячок, да не забудь, майору плесни.

– Нам, командир, с красноперыми пить, конечно, запаadlo... Но ради такого случая – твое поступление в академию отметить, да то, что мы от хозяина откинулись наконец, – ладно! Хлопни стопку, начальничек. Авось к братве нашей, что в неволе томится, добрее будешь! – предложил белобрысый.

Самохин встал, неуклюже вылез из-за тесного купейного столика и прохрипел, с трудом выталкивая слова:

– Вы... Ну-ка, быстро хватайте свои бутылки... и за дверь! А ты, старший лейтенант, за каким чертом с шушерой этой связался?

Эки ступевались, белобрысый принялся растерянно закручивать пробку на коньячной бутылке, а чернявый согнулся над недорезанной колбасой, застыл, подрагивая лезвием ножа, и по-восточному неопределенно – то ли злобно, то ли испуганно – косясь на майора. Старлей вскинулся возмущенно:

– Сидеть! Сидите, ребята... Ах ты... Бериевец хренов... Это тебе не тридцать седьмой год, не напугаешь...

– Остынь! – усмехнулся Самохин. – Ты даже не знаешь, с кем связался! Они ж тебя без штанов и ботинок лакированных оставят, шакалы лагерные.

– Они прежде всего люди! – с пьяным надрывом выдохнул старлей и обнял за плечи потупившихся скорбно и обиженно парней. – А таких, как ты... мразь тюремную... народ скоро будет судить! За все зверства, за то, что вы в лагерях творили... И-эх!

– Ишь, расчувствовался... – хмыкнул Самохин. – Утри сопли-то, так по душе шаркает – смотреть не могу. Того и гляди тоже расплачусь! Интересно, вы в армии все такие чувствительные?

– Армия вам народ в обиду не даст! – пьяно завопил десантник. – И преступному режиму вашему служить не будет!

– Да уж вы наслужите, – горько усмехнулся Самохин. Он уже перестал злиться и смотрел теперь на старшего лейтенанта с грустной, обреченной улыбкой. – И народ под защиту себе ты, офицер, выбрал самый что ни есть подходящий. Они тоже небось невинные жертвы репрессий этого... как ты сказал? Преступного режима!

– А то нет, что ли? – ожил вдруг белобрысый.

– Закрой пасть! – пренебрежительно бросил ему майор, а потом, повернувшись к десантнику, нарочито спокойно, как малому ребенку, предложил: – Ну что ты уперся! Я ж этих отморозков насквозь вижу. Дай мне документы, деньги, я припрячу до утра. Оберут ведь тебя... Небось мать-учительница в дорогу последние собирала...

– П-почему учительница?! – пьяно возмутился старлей.

– А... разве нет? – в свою очередь удивился Самохин, который успел забыть, что это он придумал биографию парня и его мать-учительницу, воспитавшую сына в одинокой бедности.

– Буфетчица она у меня! Во, колбаса дефицитная, сырокопченая, оттуда. Довели страну социализмом своим, разве такую жратву в магазине достанешь? Налетай, пацаны! Выпьем за здоровье моей мамы, за то, чтоб все тюрьмы позакрывались к чертям и зажили мы, как в цивилизованном мире! А ты иди, иди, гнида тюремная, поищи себе другое место...

– Ну и хрен с тобой, – ругнулся Самохин, – тебе ж, дураку, свои мозги не вставишь... – Майор вышел, в сердцах закрыв за собой визгливую дверь.

По вагонному проходу гулял тугой степной ветер, и явственно чувствовалось, с какой скоростью мчится поезд, а за окнами уже совсем почернело, и казалось, что за пределами светлого и уютного вагона грохочет что-то яростное и злое, раскачивает поезд, подвывая в окна и щели. И было удивительно, как пробивается все-таки стремительный состав сквозь эту грозную черноту к невидимой пока, но непременно стоящей где-то в конце пути приветливой станции...

Самохин, покачиваясь на ходу вместе с вагоном, прошел в тамбур, закурил. Усилившийся грохот колес принес ему странное успокоение после досадной, бессмысленной в этих обстоятельствах перепалки со случайным попутчиком, даже имени которого майор не знал и, видимо, теперь никогда не узнает.

Самохин не сомневался, что застолье десантника с бывшими заключенными, в которых по сиротскому «прикиду» безошибочно угадывалась зоновская голытьба, добром не кончится. Скорее всего, оберут пьяного, вывернут карманы, прихватят часики, деньги, чемодан франтоватый и спрыгнут с поезда на ближайшей станции, радуясь удачно подвернувшемуся «лоху»...

Майор бросил окурок в приспособленную для этих целей консервную банку и отправился к проводнице. Постучался в служебное купе, обратился вежливо:

– Можно вас побеспокоить, гражданочка? Проводница в мятом форменном кителе устало и обреченно посмотрела на пассажира:

– Ну, что там у вас? – А потом, сообразив, вздохнула сочувствующе: – Попутчики-то веселые достались!

– Да... А эти парни, что к соседу моему пристроились, далеко едут?

– Сейчас гляну...

Проводница развернула брезентовый планшет с кармашками для билетов, отыскивала нужные.

– До конечной. Но у них другое купе. В принципе, мы можем их пересадить, но попутчик ваш... военный, я не разбираюсь, кто он там по званию... говорит, мол, пусть ребята здесь едут! А мне-то что? Места свободные есть, так что на здоровье. Лишь бы не хулиганили. Если хотите, я вас в другое купе устрою.

– Если можно, пожалуйста. Мне бы вздремнуть не мешало. Я по служебной надобности еду, в командировку... Кстати, наряд милиции поезд сопровождает?

– Не-ет... Ежели что – можем по связи на станцию передать. Ну, когда чепе какое, беспорядки... А вам зачем знать?

– Так, на всякий пожарный случай... Вы все-таки за этими парнями приглядывайте. Не помните, они с вещами в вагон садились?

– Да какие у них вещи? Они ж мне признались, что из лагеря, с зоны то есть, домой добираются. Откуда там вещи... Были у них в руках сумки, ну, вроде мешочка такие...

– «Сидоры»! – подсказал майор.

– Кто? – не поняла проводница.

– Да ладно... В общем, если увидите, что они с чемоданом выходят – поднимайте шум, милицию вызывайте, меня можете разбудить...

– Вы думаете... – Догадавшись, женщина всплеснула руками: – Вот стервецы! Что делают?!

– Да пока не сделали, – успокоил ее майор. – Но вы все-таки присмотрите. Спать не собираетесь?

– Не положено... Одна я нынче в поездке, напарница приболела. А уж теперь и вовсе не усну! А вы идите... вот, в пятое купе. Там всего один пассажир, спокойный такой старичок, тихий, вежливый. За всю поездку только кипяточку попросил, и все. Даже постель не взял – экономит, наверное...

Прихватив стопку предложенного кстати проводницей постельного белья, Самохин отправился в указанное купе. Постучался и, услышав приглушенное «да-да...», шагнул в привычный уже вагонный полумрак.

Благообразный, лысоватый, с коротко подстриженной бородкой пожилой пассажир приветливо взглянул на майора сквозь толстые линзы очков:

– Входите, гражданин начальник, чего стучать-то? Каморка общая, казенная. Я уж и нары верхние откинул – думаю, придет кто, так чтоб не маялся, не шарил в темноте...

– Что-то везет мне сегодня! – буркнул Самохин. – Куда ни ткнись – одни зэки кругом!

– А как же иначе?! – весело встрепенулся старик. – Одна половина России сидит, другая охраняет... Со мной давеча два «чекиста» конвойных на дембель ехали, так что ж теперь? Ссориться, что ли, будем? Там, за колючей проволокой, одна жизнь, здесь другая...

Самохин шлепнул белье на верхнюю полку, снял китель, пристроил на какой-го крючок, расстегнул удушливый галстук, устало присел напротив попутчика, поинтересовался миролюбиво:

– Откуда едешь-то, дед?

– А из Соликамска!

– «Особнячок» небось?

– Есть грех, товарищ майор... Против товарища, надеюсь, не возражаете? У меня соответствующие документки есть, насчет товарища-то...

– Товарищ так товарищ... – усмехнулся Самохин. – Одним товарищем больше в стране, одним меньше – какая разница! Мы с тобой и впрямь товарищи. По несчастью! Я уже четвертак отсидел, а ты?

– Тридцать восемь годков! – не без гордости отрапортовал старик. – От звонка до звонка. Ну, с небольшими перерывами, конечно.

– О пенсии-то не думал? Отдохнуть от трудов... хм... праведных...

– Как же! Вот, еду. Ребята перед освобождением малявку на зону кинули, приезжай, мол, Семеныч, встретим честь по чести, приютим, отопреем. Они ж сейчас как шальные – без понятий живут! Людей ни за понюх табаку режут, стреляют друг друга... Сила есть, крутые все – спасу нет, а как за детьми малыми – глаз да глаз нужен... Вот и подскажу кой-чего, чтоб не беспредельничали, понятия блюли... Эх, времена пошли! Где мои семнадцать лет?

– Да уж... – неопределенно хмыкнул Самохин. – И куда идем-катимся?! Зэки тоже... отмороженные какие-то. И главное, управы ведь на вашу братву нет! Чуть что – сразу защитнички находятся! Я вот попробовал сейчас двух чертей, ну, знаешь, из этих – пальцы веером, сопли пузырем, – в соседнем купе окоротить, так за них десантник вступился! Ну, думаю, и хрен с тобой, выпутывайся как знаешь...

– Это ты прав, майор, – поддакнул сосед. – У меня друган есть, вместе на «крытой» пятерик отмотали. Пришло ему время освобождаться. Ну, собрал он кентов, как водится, проводили, кто водочки выпил, кто ширнулся на прощание. А друган – его Колюней зовут – нам свои планы давай расписывать. Мол, на зону ни ногой больше! Отойду, кричит, от вашего преступного сообщества! На кооператорше какой-нибудь женюсь, буду пивко каждый день попивать и шашлык кушать! Раскатал губы! И что самое интересное, через полгода подогнал весточку: действительно, нашел на воле бабенку приличную, она самогонкой торговала. Устроился, сучонок, как у Христа за пазухой. А еще через полгода глядь – а он вот он, Колюня наш, в полосатом прикиде, обратно с этапом на зону пожаловал. Да еще сроку червонец на горбу приволок!

Ну, мы – что да как, а он рассказывает. Жил – не тужил, и впрямь шашлык каждый день хавал! Бабенка души в нем не чаяла – сурьезный мужик и, как говорится, при всех достоинствах. И вот пошел раз Колюня в шашлычную – дался ему этот шашлык! Ну а там пацаны местные – знаешь, какие они теперь? Слово за слово, обложили Колюню матюгами. А тому, естественно, такое обидное отношение со стороны каких-то сявок не канает! Колюня шашлык докушал, а потом шампур одному, самому борзому, в горло вбил. Чтобы, значит, за базаром следил... В итоге трупак, естественно. Вот тебе и свобода! А что делать?! Положение, как говорится, обязывает...

Самохин, спрятав усмешку, кивнул сочувственно, а потом сообщил попутчику:

– Я, дед, на верхней полке прилягу. Притомился чего-то. Сердечко, опять же, пошаливает...

– Ложись, начальник. У тебя, конечно, служба тоже не медом мазана. Сигаретки не будет? А то поискурился в дороге, а купить негде – ночь!

– Возьми там, в левом кармане кителя... Кстати, денег у меня немного, только командировочные... – застилая свежей простыней комковатый вагонный матрац, предупредил Самохин.

– Обижаешь, начальник, аль мы совсем без понятий?! – возмутился дед.

– Слышал такое слово – рефлекс? Он, брат, сам срабатывает. Еще и подумать не успел, а уже того... Шампуром! – устраиваясь на лавке и засыпая, назидательно пробормотал майор.

– Эт точно! – радостно подтвердил дед и успокоил приветливо: – Спи, майор, я в тамбур покурю, чтоб не дымить здесь.

Самохин уснул почти мгновенно, убаюканный глухим перестуком вагонных колес, будто провалился в темную яму.

Проснулся он внезапно, с каким-то тревожным чувством. С извечным опасением пассажира проспав свою станцию, глянул в окно. Светало. Поезд все так же целеустремленно грохотал по степным просторам, мимо зазеленевших обновленно полей, изрезанных кое-где красными глинистыми оврагами, исполосованных прямыми черными нитями пустынных в этот предутренний час дорог, запятнанных сбившимися в стайку человеческими селениями. Огромный окружающий мир под необъятным, хмурым, будто невыспавшимся еще, небом был несопоставимо велик в сравнении с самонадеянно пробиравшимся сквозь него поездом. Как бы со стороны, из необозримой выси, словно в перевернутый бинокль, Самохин увидел вдруг жалкий, похожий на бойкую гусеницу железнодорожный состав, пыльный вагон и себя в нем, в маленьком и затхлом купе. Поезд уже не казался ему неким средоточием жизни, олицетворением несущегося в неведомую, но непременно светлую даль прогресса, а превратился в то, чем и надлежало быть – горячую от натуги, заляпанную мазутом и копотью машину, испуганно и надрывно торопящуюся пересечь огромные, грозящие непредсказуемостью пустынные пространства...

Самохин встряхнулся, освобождаясь от мутных, беспокойных и мгновенно забытых с пробуждением снов, глянул на нижнюю полку. Попутчик спал полусидя, привалившись спиной к замызанной, без наволочки, подушке. В неясном утреннем свете он уже не казался благообразным старичком. Лицо его, будто впитавшее за много лет холодную серость прокуренных камерных стен, стало мертвенно-бледным, щеки ввалились, а очки, не снятые даже на ночь, были обмотаны на дужках для крепости пестрыми нитками. На спящем красовался темно-синий, из дорогой ткани, но изрядно помятый костюм давно вышедшего из моды покроя. Видимо, долгие годы, с момента ареста, ждал он своего владельца где-нибудь на дне вещмешка в зоновской каптерке...

Майор мягко, стараясь не разбудить попутчика, спустился с полки, закурил, попыхивая сизым дымком в приоткрытое окошко. В дверь постучали, заполошно задергали ручкой. Самохин потянулся было открывать, но запор скрежетнул, и в купе влетела проводница. Прикрыв за собой дверь, женщина оглянулась испуганно и зашептала сбивчиво, хватаясь за сердце:

– Ох, не знаю прямо, что делать-то, куда бежать! Вы, что ли, там побудьте пока, вы ж все-таки в органах служите, хоть и не милиционер... А я к бригадиру летаю. Пусть наряд вызывает, «Скорую помощь»... Ой, доктор-то, наверное, не нужен, если мертвый уже? Он точно мертвый, не дышит, прямо и не знаю, что делать...

Самохин сразу понял, что с прежними развеселыми попутчиками случилось что-то недоброе.

– Офицер-то, десантник, живой? – встревожено спросил он.

– Да живой. Я ж говорю – сидит, молчит, а рядом этот, ну, из лагеря который. Он, кажись, мертвый...

– Там еще третий был... – напомнил Самохин. От волнения он забыл, что стоит перед женщиной в свободных, «семейных» трусах, в старенькой вылинявшей майке, и, спохватившись, сдернул с полки простыню, прикрываясь по пояс.

– Ага! – подтвердила, не обращая внимания на его смущение, проводница. – Белобрысый такой... Убег он! Выскочил за дверь и убег вообще из вагона. А чернявенький, с усиками, лежит... Вы-то ушли, а я им постели занесла. Они уже сильно пьяные были, вас ругали.

Где, спрашивают у меня, этот майор красно... пузый, что ли? А, красноперый! Мы, говорят, его из поезда под откос выкинем. И еще про Сталина что-то, про Берию. Ну, я вроде смехом с ними, привыкла на этой работе пьяных-то урезонивать. Тихо, говорю, не шумите, ребята, сошел майор уже. Они долго куролесили, песни пели блатные. Потом вроде затихли, угомонились, думаю, слава те, Господи! А тут тебе, светать уже стало, слышу вдруг – грохот оттуда, крик. Я, видно, задремала, не сразу выскочила, глядь – а навстречу мне этот, белобрысый, чуть с ног не сбил. И в тамбур! Без чемодана... Дверь в ихнее купе нараспашку. Я смотрю – а чернявенький на нижней полке лежит, и кровь у него... на груди. А военный, десантник или шут его там разберет, сидит, на мертвого смотрит. Меня заметил, махнул вот так вот рукой и говорит: «Все, умер!» Ужас! Прямо не знаю, что делать-то...

– Сейчас решим, – пообещал Самохин. – Вы в коридорчике подождите пока, я быстро оденусь, и пойдем посмотрим, что там стряслось.

Проводница вышла, а Самохин стал торопливо натягивать брюки.

– Гражданин начальник... Слышите? Гражданин начальник! – шепнули за спиной. Оглянувшись, Самохин увидел, что старик проснулся и смотрит на него испуганно сквозь линзы очков. – Аль замочили кого?

– Доброе утро, товарищ! – наигранно-бодро приветствовал его Самохин.

Дед рывком сел, пригладил пятерней растрепавшиеся жидкие волосы на макушке, зашептал жалко:

– Да ладно, гражданин майор, какой уж я вам товарищ... Как говорится, тамбовский волк мне друг... Я ж особо опасный рецидивист! Меня ж с ходу, первым загребут! Пятнадцать лет из зоны не вылезал. Телевизора цветного не видел, слышал только, что бывают такие... И на самолете ни разу в жизни не летал! Ребята обещали на Кипр свозить самолетом-то... Щас отвезут в каталажку, мать их! И что ж за судьба такая...

– Не хнычь, старый, раньше времени. Будет у тебя телевизор цветной, и дача в Подмоскowie, и на Кипр отвезут... Ваше время идет! Не дрейфь. Главное, сиди и не дергайся, раз не при делах. А то мотанешь еще с перепугу, в бега ударишься, тогда точно припасут – хрен открутишься...

Наскоро одевшись и поправляя на ходу форменный галстук, Самохин вышел к нетерпеливо поджидавшей его проводнице, которая боязливо указала пальцем в просвет приоткрытой двери одного из купе:

– Там они...

Майор шагнул решительно внутрь, огляделся. Справа от него, на нижней полке, раскинув руки и свесив ноги до пола, наискось лежал чернявый. Куртка зоновского пошива была распахнута на груди, и на белой майке, как раз в области сердца, расплылось кровавое пятно. По тому, что в такой неудобной позе, вывернув неестественно голову, не смог бы лежать даже вусмерть пьяный, Самохин понял, что врач здесь действительно не нужен. Разве что судмедэксперт...

Старший лейтенант в мятой парадной рубашке сидел напротив, по детски послушно сложив крупные, жилистые кисти рук на коленях. От щеголеватой военной выправки не осталось и следа. Брюки будто изжеваны, а синий китель с золотыми погонами валялся на истоптанном полу. Только остроносые ботинки десантника сияли по-прежнему странным и вызывающим антрацитовым блеском среди растоптанных окурков, пустых бутылок и обрывков газет.

– Погуляли... – покачав головой, протянул Самохин. – И кто ж этого шустрячка ухайдокал?

Старлей поднял всклокоченную голову, и Самохин увидел, что голубые глаза бравого офицера стали какими-то мутными, почти белесыми.

– А... это ты, майор... – прохрипел десантник и, зябко поведя плечами, опять склонился, всматриваясь в свои нелепо сияющие ботинки. Его мелко трясло.

– Эк тебя колотит-то... – посочувствовал Самохин. Он без всякой надежды попытался нащупать пульс у лежащего, для чего пришлось повернуть холодеющую уже, разрисованную синей татуировкой руку. Прочитал вслух кривыми крупными буквами наколотое на кисти имя: «Васо».

– Как дело-то было? Кто его завалил? – обернулся майор к десантнику.

– Я... стропорезом...

Старший лейтенант глубоко, с всхлипом втянул в себя воздух, выдохнул шумно, заговорил сипло:

– Выпили крепко... Как отключился – не помню... Вдруг проснулся и вижу, что этот... Васо надо мною стоит. Одной рукой стропорез в горло упер, другой бумажник из кармана брюк тянет... Я глаза-то открыл, а он заметил и кольнул лезвием... вот сюда... – Десантник провел по шее ладонью, будто пытаясь потрогать невидимый порез. – А второй шепчет: мочи его и уходим! Ну, я спросонок-то не думая даже, левой рукой нож отбил, перехватил правой, вырвал... И, как учили... Наповал!

– Где нож? – деловито поинтересовался Самохин.

– Здесь где-то должен быть... Да вот он!

Под столом валялся уже знакомый Самохину десантный нож-стропорез.

– Тебя как зовут-то? – запоздало полюбопытствовал Самохин.

– Валера... Валерий Николаевич... – криво усмехнувшись, уточнил десантник.

– Дело дрянь, Валера. Срок тебе горит, и немалый. Попытку ограбления, самооборону ты не докажешь. Весь вагон слышал, как вы вместе водку пили да песни орали. Вот и выходит, Валера, что ты по пьяному делу собутыльника грохнул. А это совсем другая статья! Червонцем усиленного режима пахнет. На особое снисхождение не рассчитывай, получишь на всю катушку!

– Да что ты меня сроками пугаешь? – неожиданно вспыхнул десантник. – Не об этом сейчас думать надо. Я ведь человека... Господи! Человека убил! – И закрыл руками лицо, закачал головой, подвывая.

– Думать надо, как из этой дохлой ситуации выскочить... Заткнись и слушай меня! – прикрикнул Самохин. Он выглянул в коридор, где уже появились любопытствующие пассажиры, задвинул перед ними дверь купе. – Каждая минута дорога, вот-вот милиция появится. И нечего тут причитать. Если бы ты его не выхлестнул, он бы тебя ножом по горлу... Я-то знаю таких, насмотрелся... Вот, видишь? – Майор старательно наступил подошвой ботинка на рукоятку ножа, пошаркал о линолеум вагонного пола.

– Так... Теперь отпечатков твоих пальцев здесь нет. Затаптал кто-то нечаянно, за это не судят... А дело так было... Выпили вы, ты уснул. Проснулся от крика. Глядь – а эти двое между собою сцепились. Ты хотел было встать, разнять, да не успел. Тот, что убежал... белобрысый! Да, белобрысый, схватил вдруг со стола нож, пырнул усатого в грудь... Васо этого... И деру! А ты, как говорится, не при делах, и что там произошло между ними, из-за чего поссорились – знать не знаешь. Ну как, все понял? На-ка, хлопни стопку, глядишь, полегчает.

Самохин взял со стола недопитую бутылку, плеснул в мутный, захватанный жирными пальцами стакан, протянул десантнику. Тот с отвращением отстранился:

– Не надо... Значит, ты мне, офицеру, предлагаешь человека оговорить?

– Да брось... Для ээка тюрьма дом родной. А добрые люди только спасибо скажут, что преступника за колющую проволоку засадить помог. Он же тебя ограбить, а то и убить хотел!

– А когда его поймают, что я скажу?! – с надрывом воскликнул десантник. – Как я ему в глаза смотреть буду?!

– Да не хрен в его зенки пялиться. У тебя своя жизнь, у него – своя. Он эту дорожку сам выбрал, вот пусть и топает по ней за решетку. Все равно – не сейчас, так потом – убьет кого-нибудь, ограбит или изнасилует и зоной кончит. А тебе там делать нечего... Так что решай,

Валера. Другого выхода нет! Даже если этого, белобрысого, задержат, показания на следствии дашь, как я велел. Тебе больше поверят, чем бывшему ээку. Ты ж парень у нас геройский!

Кто-то рванул дверь, и в купе ввалились два милиционера. Впереди шел худощавый молодой лейтенант. Он был подтянут, застегнут на все пуговицы, с черной кожаной папкой под мышкой. За ним пыхтел сержант – пожилой, грузный, в замызганном кителе, с болтающейся спереди, под выпирающим животом, пистолетной кобурой.

– Так... – строго сказал милицейский лейтенант, оглядевшись. – Нам поступило сообщение о происшедшем здесь убийстве.

– Тут еще разбираться надо... – вступился было Самохин.

– Разберемся! – пообещал лейтенант. – Представьтесь, гражданин... – он строго посмотрел на десантника.

– Валерий Николаевич Анохин, гвардии старший лейтенант, воинская часть...

– Вы, гражданин Анохин, признаетесь, что убили этого человека? – прервал его милиционер, указывая на труп.

Десантник обреченно кивнул.

– Да или нет? – настойчиво повторил лейтенант.

– Да... да! – встряхнул головой десантник.

– Ну вот и разобрались. Вы задержаны, гражданин Анохин. Сержант, наручники!

Милиционер буднично, словно за пригоршней семечек, полез в карман брюк, звякнул металлом.

– Руки!

– Что? – непонимающе переспросил старший лейтенант.

– Руки, говорю, дай сюды... – раздраженно прикрикнул сержант.

– Ага... – Десантник вытянул перед собой трясущиеся руки. Милиционер ловко защелкнул на его запястьях стальные браслеты.

– Оце добрэ! – удовлетворенно выдохнул сержант и хлопнул арестованного по плечу: – Не журишь, хлопец!

Десантник диковато глянул на развеселившегося вдруг милицейского сержанта, а потом, поднеся близко к лицу, пристально принялся изучать сковавшие его наручники.

Лейтенант повернулся к Самохину:

– У вас удостоверение при себе? Та-ак... Спасибо. Вы, товарищ майор, можете дать пояснения по этому Делу?

– Нет. Я из другого купе, меня проводница попросила зайти... когда обнаружила, что случилось, – неохотно буркнул Самохин.

– Ну, тогда я вас больше не задерживаю. Если вдруг понадобится – найдем. Все-таки в одном ведомстве служим! – улыбнулся лейтенант на прощание.

Пробираясь сквозь толпу сгрудившихся в проходе вагона пассажиров с узлами и чемоданами, Самохин бормотал яростно, ни к кому, впрочем, не обращаясь:

– Ну и дураки-и... Господи, какие же вы все дур-р-раки!

Скрежеща и постанывая, поезд подходил к станции...

Изолятор

Повесть

1

Пятиэтажное здание областного управления внутренних дел приметно отличалось от окружающих построек старой части города, возведенных в конце прошлого века. По задумке архитектора, а возможно, благодаря смекалке нынешних строителей, норовящих сделать все побыстрее да подешевле, с облицовкой фасада главного милицейского дома не мудрили, а оштукатурили так, как принято в тюремных камерах, покрыв стены грубыми цементными нашлепками – «под шубу».

При этом управлению неожиданно повезло. Вопреки традиционной тюремной отделке здание смотрелось величественно, а серая цементная шероховатость рождала ощущение скалистой незыблемости стен. Так и должна была выглядеть отечественная правоохранительная система – тяжело, строго, несокруσιμο...

Вот какие мысли вызвал вид родного управления у старшего оперуполномоченного исправительно-трудовой колонии строгого режима майора Самохина. Прежде чем подняться по гранитному крыльцу к затейливым двустворчатым дверям, он остановился отдышаться от ранней, навалившейся в конце мая всерьез, по-летнему жары и укрылся в жиденькой тени молодых тополей, стороживших по обе стороны парадный вход. Майор закурил, стремясь не попадаться на глаза местному начальству, то и дело снующему по ступеням. Хотя всех этих шустрых, удивительно целеустремленных и удачливых в службе управленцев Самохину опасаться не следовало. По крайней мере, сегодня. Потому что его, колонийского опера, ни с того ни с сего затребовал к себе сам начальник УВД, генерал-майор милиции Дымов.

Майор терялся в догадках, пытаясь понять, чем привлек внимание столь недостижимо высокой для рядового тюремщика особы. Хотя некоторые подозрения все же имелись. Когда-то, в незапамятные времена, генерал Дымов был просто Генкой, малолеткой, проживавшим с родителями по соседству от дома Самохиных. В ту пору степенный четырнадцатилетний Вовка Самохин по кличке Пузырь, пристроенный вдовой-матерью в ученики к инвалиду-кустарю, шившему на продажу тапочки, считал себя вполне взрослым самостоятельным человеком. Не таясь, смолил папиросы «Север», учился среди взрослых парней в вечерней школе рабочей молодежи и не слишком обращал внимание на малышню, которая во множестве расплодилась в послевоенное время, с возвращением оголодавших в окопах по женской ласке отцов.

Осталось в памяти, как однажды на пыльной окраинной улице повстречался ему этот Генка Дымов, шестилетний карапуз, кативший по ухабам проезжей дороги велосипедное колесо. Был Генка толстым на удивление по скудным для желудков большинства временам, невероятно важным, будто не колесо дребезжащее, примастряченное к палке, толкал перед собой, перепрыгивая через мутные помойные лужи, а восседал за рулем новенькой «Победы».

Отшвырнув замусоленный «бычок» папиросы, Самохин лениво, не опасаясь ослушания, поманил пальцем возмутительно надменного пацана. И когда тот покорно приблизился, вмазал ему в лоб особый, ошеломляющий, как называли у них на окраине, «заводной» щелбан. Генка заверещал и, волоча за собой драгоценное колесо, помчался в свой двор – жаловаться матери.

И вот сейчас, едва ли не сорок лет спустя, Самохин вздыхал обреченно, вспоминая давний эпизод, и гадал, признает ли бравый генерал в седом, грузном майоре тогдашнего обидчика...

Дымов заступил «на хозяйство» недавно, сменив ушедшего на пенсию прежнего начальника управления. Тот был выходцем из партийных структур, до перехода в органы внутренних дел курировал в обкоме коммунальную сферу области и заметного следа в памяти сотрудников не оставил. Никакого понятия об оперативной работе он не имел и запомнился лишь участвовавшими при нем политинформациями, доводящими следователей и сыскарей до сонного одурения, да пристальным вниманием к длине волос и своевременной стрижке мужчин-сотрудников, а еще запретом на курение в служебных кабинетах и множеством сияющих чистотой плевательниц на всех этажах, в чем, несомненно, сказывалось его коммунальное прошлое.

То было время, когда опера-«урки» со смеху покатывались, увидев на экранах очередного кинофильма «про милицию» мудрого генерала, разрабатывающего с подчиненными хитроумную операцию по изобличению и задержанию опасных преступников. Бывшие партийные боссы, нацепив под старость милицейские погоны с полковничьими и генеральскими звездами, успешнее всего умели руководить строительством персональных дач и бань с только входящими тогда в моду саунами, гневно потрясая при этом перед сотрудниками сводками происшествий и преступлений за сутки да брошюрками с постановлениями ЦК об искоренении преступности. Так что плевательницы в коридорах УВД для задерганных ментов действительно оказывались не лишними.

Насколько успел узнать Самохин, генерал Дымов был не из таких. Волна «перестройки» вынесла его из начальников одного из райотделов милиции на должность заместителя начальника УВД по уголовному розыску, а чуть позже, после успешного раскрытия нескольких громких преступлений, Дымов возглавил областное управление внутренних дел, сменив ушедшего в отставку последнего из череды банно-прачечных генералов. Прежние начальники УВД посещали подведомственные им исправительно-трудовые учреждения не чаще одного раза в десять лет, в жилзону и режимные корпуса никогда не входили, видели зэков только издали и в основном интересовались производственным планом.

Дымов примчался на черной генеральской «Волге» через пару недель после своего назначения, прошел во всей жилой зоне, побывал в штрафном изоляторе и помещениях камерного типа, поздоровался с несколькими зэками, которых когда-то «брал» сам, а в конце краткого совещания, проведенного в колонийском штабе, предложил сотрудникам побывать у него на приеме по личным вопросам, поделиться соображениями по совершенствованию тюремного ремесла и перевоспитанию осужденных. На что начальник колонии, подполковник Дмитриев, украдкой показал своим подчиненным здоровенный кулак, и желающих пошептать наедине с генералом так и не нашлось...

Прячась за бледно-зеленым топольком-акселератором, Самохин докурил сигарету и, одернув китель, решительно зашагал на прием к Дымову. Кабинет генерала располагался на третьем этаже. Предъявив дежурившей в вестибюле дородной милиционерше служебное удостоверение, майор, побоявшись связываться с лифтом, – кто ее знает, эту технику, застрянешь еще, ори потом как дурак на всю «управу», – стал не спеша подниматься по лестнице. Красная ковровая дорожка, торжественная малолюдность чистого, ухоженного учреждения, так не похожего на гремящие коваными сапогами прапоров колонийский штаб и вахту, где пол для крепости выстлал скользящим листовым железом, смущали майора. Попадавшие навстречу сотрудники – все с папочками под мышкой, бумагами в руках – сновали быстро и совершенно бесшумно, напоминая активные, но недокучливые привидения.

Самохин вспомнил вдруг, что здание управления построили лет десять назад заключенные, не испытывавшие перед этим объектом ни малейшего трепета. И еще года два спустя местная хозяйственная служба время от времени обнаруживала сюрпризы, оставленные ненавистным ментам подневольными строителями. Где-то к батарее центрального отопления вместо трубы приварили и покрасили внешне не отличимый лом. В канализационной системе соорудили секретные заглушки, из-за чего туалеты и подвал периодически заливали нечистотами.

В роскошном кабинете одного из замов начальника УВД несколько месяцев после новоселья держался неистребимый запах падали. Пришлось расковырять полы и стены, прежде чем обнаружилась потайная ниша с коварно замурованной эками дохлой кошкой.

Оглядываясь вокруг, Самохин заметил, что из холлов между этажами исчезли огромные, в тяжелых золоченых рамах картины. На этих полотнах строгие, затянутые в португую милиционеры с одинаковыми квадратными лицами, присягая, целовали красные знамена, чего в органах внутренних дел, в отличие от армии, никогда не делали, переводили, трогательно держа за руку, детишек через улицы или шагали куда-то целеустремленно в сопровождении подобострастно семенящих рядом народных дружинников.

Странно, но исчезновение клонированных изображений милиционеров со стен УВД, над которыми, бывая здесь, он всякий раз подхихикивал, расстроило майора. Исчез еще один привычный штришок окружающей действительности, и то, что теперь шло на смену, проступало пока едва различимыми контурами нынешнего бытия, тревожило. Словно милиция становилась другой, и ей не нужны уже ни знамена, ни народные дружины, и за руку водить она никого больше не собирается... Вот и генерал ни с того ни с сего вызывает. Возьмет да и перевесит старого служаку, как надоевшие картины в золоченых багетах, куда-нибудь с глаз долой, в запасники каптенармуса...

Слегка запыхавшись, Самохин поднялся на третий этаж и, следуя заботливому указателю на табличке с надписью «Приемная», пошел по сумрачному, без окон, коридору. Кабинет генерала находился в самом конце и угадывался по массивным двустворчатым дверям. Поправив фуражку и проведя пальцами по пуговицам кителя – все ли застегнуты? – майор толкнул дверь. Створки распахнулись мягко, невесомо для своих размеров и толщины. В лицо повеяло прохладой от сонно гудящих кондиционеров. Самохин шагнул в просторную приемную, где из-за тяжелых портьер на окнах, отсекающих майскую жару, царил приятный для глаз успокаивающий полумрак. На мягких, покрытых витиеватой резьбой стульях чинно восседали два милицейских полковника с неперемными папками для бумаг. У входа непосредственно в кабинет начальника УВД, за канцелярским столом в окружении множества телефонов и последнего достижения электроники – компьютера, царствовал секретарь.

Самохину понравилось, что это был именно секретарь, мужчина пожилой, одетый «по гражданке» в легкий светлый костюм, а не смазливая девица, каких любило разводить в приемных прежде руководство.

Секретарь оторвался от бумаг, сдвинул очки на лоб и с легким недоумением уставился на майора. Самохин чувствовал, что, войдя сюда, пересек незримую границу, оказался, как принято выражаться в подобном учреждении, «не на своем уровне».

– Слушаю вас, товарищ майор, – вполголоса, холодно произнес секретарь.

– Да я... – замялся Самохин. – Здравствуйте! Меня к одиннадцати часам приглашали, сегодня.

– А-а... – вспомнив, оживился секретарь. Он открыл журнал, провел пальцем по странице. – Вот... Самохин Владимир Андреевич... майор внутренней службы... старший оперуполномоченный ИТК номер десять... Ждем, ждем!

Краем глаза Самохин заметил, что милицейские полковники, смотревшие до того настороженно-сердито, враз повеселели и тоже изобразили приветливое удивление. Мол, как же так? Жаждались уже, а вас, товарищ майор, все нет и нет...

– Присаживайтесь, Владимир Андреевич; – указал на свободный стул секретарь, – Геннадий Иванович освободится через минуту-другую и примет вас. Товарищ майор по неотложному делу, – сообщил секретарь полковникам, и те закивали согласно и озабоченно: понимаем, мол, какие же еще могут быть дела, естественно, неотложные...

Самохин присел на краешек стула, снял и уложил на колени фуражку, торопливо пригладил седые, влажные от пота волосы. Он по-прежнему чувствовал себя скованно от непривыч-

ного, вежливо-обходительного обращения, от соседства полковников, которые не иначе как на «Волгах» с мигалками мчались на прием к генералу, боялись опоздать, а теперь вынуждены пропускать вперед неизвестного колонийского майора.

Самохину представилось вдруг, что он служит здесь, в управлении, спует по коврам с легкой папочкой под мышкой, угодливо улыбаясь при встрече таким вот полковникам, а те иногда, под хорошее настроение, хлопают его по плечу, по-свойски угощают сигаретами, и от мыслей этих у Самохина свело судорогой пересохшие губы, а на лице и впрямь появилось что-то вроде вымученной, кривой ухмылки.

Вздвигнув, майор встал и решительно прошел в дальний конец приемной, где на приставном столике стоял тонкостенный графин с водой. Налил до половины стакан и большими глотками, едва не поперхнувшись, выпил. Потом остановился у большого, в человеческий рост, зеркала, взгляделся внимательно в свою грубую, покрасневшую от степного ветра и солнца физиономию, достал расческу, тщательно уложил редкие пегие волосы, шумно дунул на зубчики гребешка, спрятал в карман. Подошел к трехногой никелированной вешалке и пристроил неказистую, выдавшую виды защитного цвета фуражку рядом с щеголеватыми, сшитыми по спецзаказу полковничьими. Вернувшись на место, сел уже по-иному, вольготно закинув ногу на ногу и покачивая носком запыленного коричневого ботинка.

– Жарко, – сказал он секретарю.

– Палит как в пекле! – охотно подхватил тот. – Ранняя нынче весна. Говорят, прогноз на урожай неблагоприятный. Как там хлеба в вашем районе? Взошли?

Самохин понятия не имел, взошли ли хлеба в окрестных колхозах, никогда этим особо не интересовался, но сказал значительно:

– Да всходят... помаленьку. Куда ж им деваться-то?

И соседи-полковники опять закивали согласно, – куда ж хлебам-то деваться, действительно, как не всходить?

У Самохина вдруг улучшилось настроение. Он понял, что сейчас, через несколько минут, в его жизни случится что-то важное, необычное и, наверное, приятное. Ведь по пустякам к генералу тюремных майоров не вызывают. И если бы захотели наказать, выгнать из органов за неведомый, но вполне вероятный при непредсказуемой «кумовской» службе прокол, поручили бы сделать это какому-нибудь кадровику, мелкому клерку, а не тащили в срочном порядке к самому начальнику УВД.

«Может, орденом каким наградили – за долгую и безупречную службу, а я и не знаю? – осенило Самохина. – Или нет, не наградили еще, а только представили. А что? Очень даже возможно. Вон в газетах-то без конца печатают, то механизатора, то слесаря, то водилу-шоферу, а тюремщики чем хуже? Опять же, „перестройка“. Хотя нет. Начальник колонии ничего не сказал, не намекнул даже. С другой стороны, пока генерал решения не примет, и намекать, наверное, нельзя... А, хрен их разберет! Пусть будет, что будет!» – решил майор и окончательно успокоился.

Чуть слышно вздохнула, открывшись, дверь генеральского кабинета. Оттуда, осторожно затворив ее за собой, появился очередной милицейский полковник.

– Ну как? – поинтересовался у него секретарь.

– Разрешил! – радостно шепнул тот.

– А я что говорил? – улыбнулся секретарь, и Самохин поймал себя на том, что улыбается тоже и кивает удовлетворенно, будто знает, о чем идет речь, и с какого-то бока в этом участвует.

– Проходите, Владимир Андреевич, – пригласил секретарь, и Самохин, так и не стерев с лица улыбку, вошел в кабинет.

Генерал сидел за огромным столом. Глянув на вошедшего, встал и сразу оказался похож на того, прежнего Генку, – низенький, толстый и невероятно важный, только постаревший на сорок лет.

Самохин не слишком ловко вытянул руки по швам и, подобрав живот, доложил:

– Товарищ генерал, старший оперуполномоченный майор внутренней службы Самохин по вашему приказанию прибыл!

– Да ладно тебе, – шагнул навстречу Дымов, – мы ж с тобой старые опера, нам эти строевые прибабасы ни к чему. Проходи, Владимир Андреевич, садись вот сюда, разговор есть.

Самохин осторожно пожал протянутую генералом руку – мягкую, гладкую, пристально глянул в лицо, отметив про себя, что большая власть будто физически меняет людей, делая их свежее, моложе и ухоженней прочих. Включает в организме особый начальнический ген, что ли?

Подчеркивая неофициальный характер беседы, генерал усадил майора за маленький столик у окна просторного кабинета, с ядовито-зеленой пепельницей из яшмы на столешнице и пачкой американских сигарет «Мальборо». Самохин вздрогнул, неожиданно провалившись в мягкое, низковатое для него кресло, застыл неловко с высоко поднятыми коленями, выкарабкался, смущенно пыхтя, сел прямо и выжидательно уставился на Дымова.

– Да расслабься ты, майор, – усмехнулся тот. – Когда генерал отчитывать собирается, то в кресло сесть не предлагает.

– Неудобно как-то... Словно в самолете... – опасливо потрогал подлокотники Самохин. – Взлетел, а где приземлюсь – кто знает?

– Прилетишь туда, куда надо, – успокоил Дымов и предложил совсем уж по-свойски: – Закуривай, Андреич. Я тоже сигарку с тобой засмолю, за компанию. Все бросить пытаюсь – да где там. То одно, то другое. Не жизнь, а вред один!

– Сплошная нервотрепка, – согласился майор. Постеснявшись доставать свою плебейскую «Приму», он вытянул из предложенной пачки тонкую сигаретку, торопливо ткнул ее кончиком в подставленный генералом огонек зажигалки.

– Доктора курить запрещают, – пожаловался с усмешкой Дымов. – Инфарктом пугают. Действительно, обидно. Только-только до генерала дослужился, и на тебе – кондрашка!

При этом чувствовалось, что не верит Дымов ни в какие инфаркты и положением своим нынешним наслаждается осознанно, как может ценить выпавшую на его долю удачу побывавший на вторых ролях человек. А с учетом прошлого генерала, начинавшего службу с инспектора уголовного розыска, не приходилось сомневаться, что он вдосталь хлебнул пресловутой «милицейской специфики»...

«Черт знает что такое! – думал, затягиваясь легкой сигареткой, Самохин. – За кого он меня держит? Говорил бы прямо, что нужно...»

Опыт тюремной службы приучил майора к тому, что от такого вот ласкового обхождения и следует ждать самых больших неприятностей...

Самохин пыхнул дымком в сторону, чтобы не попасть ненароком на генерала, и насто-роженно покосился на приветливого начальника.

– А ведь мы с тобой, Андреич, старые приятели, – увлеченно вил вокруг него петли генерал, – росли-то вместе! Ну, ты меня постарше чуток... Я твое личное дело полистал наскоро. Дорожки у нас параллельные – школа, армия, институт заочный, потом органы славные. Только я по милицескому ведомству, а ты по тюремному... В угро, где я двадцать лет отпахал, тоже, скажу тебе, не сахар! Правильно нас легавыми кличут, как собак-ищеек. Я и был такой – на ногу легкий, верткий, это уж здесь, в управлении, раздобрел. – Дымов снисходительно похлопал себя по животу. – Да и ты, смотрю, тоже не отошал на тюремных харчах!

– Я теперь больше головой, а не ногами работаю, – пожал плечами Самохин. – Раньше, бывало, всю зону прочешешь, чтобы эковские штучки разведать. А сейчас только на вахту зайду – и уже знаю, где что творится.

– Правильно, – согласился Дымов, – опыт – великая вещь! И мне нынче беготня не требуется. А все же тянет порой на старое. Давеча выехал на разбойное нападение, тут неподалеку

сберкассе бомбанули. Так изматерился весь! Опергруппа ни к черту. Следователь как сомнамбула бродит, сыщики спят на ходу, мышей не ловят, с бодуна, что ли? Собака розыскная – и та зевает. А участкового тамошнего вообще не нашли. Позор! Все умные стали, академии позаканчивали, высшие школы, по каждому преступлению планы грандиозные разрабатывают, версии сложнейшие выдвигают, схемы чертят, в компьютеры пальцы тычут – а раскрываемости нет! По тяжким преступлениям – шестьдесят процентов, это как? Из десяти бандитов, убийц, как минимум, четверо на свободе гуляют, неуловимые, вишь ли... Ну, посмотрел я на эту хреновень и сам, в генеральской форме, по квартирам дома, где сберкасса эта находится, пошел.

И мигом надыбал бабку одну, пошептался с ней, она мне участника разбойного нападения и сдала. Сосед ее по коммуналке с дружками. Три дня пили, потом деньги кончились. Натянули мужики на головы чулки капроновые, спустились на первый этаж, вошли в сберкассе, показали обрез – руки вверх, деньги в сумку! Собрали кое-какую мелочишку и ходу похмеляться. Вот тебе и разбойники! Мы их в пять минут прихватили. А только подозреваю, что, не вмешайся я в это дело, до сих пор бы искали...

Генерал вздохнул, раздавил в пепельнице сигарету.

– И ведь бьют нас, милицию, за плохую раскрываемость, и правильно бьют! – продолжил он в сердцах. – На каждом совещании в обкоме, на сессиях облсовета костерят – а что возразишь? Надо, Андреич, нам так дело поставить, чтобы у сотрудников наших душа на работе горела, глаза блестели, кураж был – вот когда успехи начнутся! И в милиции, и во всей стране. Правильно я говорю?

– Да... уж, – кивнул Самохин, чтоб не молчать.

– Нет, ты мне честно скажи: можно ли в органах служить без энтузиазма, инициативы? – напирал генерал, и Самохин попробовал отшутиться:

– Инициатива у нас, как говорится, наказуема...

– Экий ты осторожный, – досадливо поморщился Дымов, – может, потому только до майора и дослужился?

– Не знаю... Не сложилось как-то, – пробормотал Самохин, который вовсе не собирался рассказывать генералу историю о том, как его несколько лет назад с треском вышибли с должности заместителя начальника колонии по режиму и оперработе, навсегда тем самым перчеркнув карьеру и оставив навечно майором.

– Я, кстати, твою историю знаю, – усмехнулся Дымов. – Тогда начальника колонии и еще кое-кого сажать надо было, а они тебя крайним пустили. Ну ничего. Начатая нашей партией перестройка расставит все по местам. Между прочим, ты как, в областной центр возвращаться не думаешь? – поинтересовался вдруг он. – Все-таки родной город. Небось надоело столько лет в медвежьем углу обитать?

– Волчьем, – поправил Самохин. – Медведи у нас не водятся, зато волков по степным оврагам хватает... Не знаю, товарищ генерал. Привык уже. Да и возвращаться некуда. В родительском домишке давно другие люди живут, а квартиру – кто ж мне ее даст?

– Ну, это мы порешаем, – заявил Дымов, – и на пенсию ты, Андреич, у меня подполковником, как минимум, уйдешь. Дело тебе хочу предложить важное. Справишься – не только звание и квартиру получишь. К правительственной награде представлю! Ты покури пока, я сейчас водички холодненькой принесу, лето не началось, а жара достала уже!

Дымов скрылся за неприметной дверцей в дальнем конце кабинета, где, наверное, находилась комната отдыха с запасами холодной воды, а Самохин решительно потянулся за генеральской сигаретой.

«Ну вот и началось, – кисло подумал он, неумело чиркая занятной зажигалкой, – а то заливает мне про партию да перестройку... Знаем мы эти ответственные партийные поручения, накалывались уже...»

И Самохин вспомнил, как в середине восьмидесятых его, только что назначенного заместителем начальника колонии по РОП – режимно-оперативной работе, вызвал к себе полковник Костерин, парторг управления исправительно-трудовых учреждений, и показал жалобу зэка, направленную в комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Самохин тогда еще удивился тому, что осужденные умудряются доставать точные адреса поднебесных партийных инстанций, о которых он, майор, понятия не имел, а зэки – надо же, строчат безошибочно, как в деревню дуре-«заочнице». В просторном, написанном бисерным почерком на тетрадных листах письме заключенный, работавший нарядчиком на кирпичном заводе в колонии, где надзирал за режимом и оперативной обстановкой Самохин, рассказывал о неучтенной, изготовленной сверх плана продукции. Краденый кирпич отгружался частным лицам, в том числе и руководителям УВД, список которых дотошный зэк обещал представить ревизорам по первому требованию. Взамен он просил с учетом осознания своей вины перед обществом и помощи в раскрытии крупных хищений социалистической собственности походатайствовать перед судом о досрочном освобождении.

Жалоба в Москву была отправлена нелегально, минуя цензора колонийской спецчасти, и перехвачена уже где-то на главпочтамте областного центра, в котором, видимо, конверты с адресами правительственных инстанции тоже отслеживали.

Костерин попросил Самохина тихо, без лишнего шума, пока дело не дошло до столицы, разобраться в случившемся по своим оперативным каналам и доложить в партком управления для принятия дальнейших мер.

Вернувшись в зону, майор вызвал на беседу сметливого зэка. Тот крутился то так, то эдак, но после пары затрещин раскололся и дал полный расклад: как укрывали от учета сверхплановый кирпич, кто оформлял накладные, номера машин, на которых вывозилась продукция, и даже назвал некоторых получателей, о чем поведали ему болтливые «вольные» шофера. В ту пору персональные дачки строили два заместителя начальника УВД и несколько сошек помельче из тюремного ведомства.

Изложив результаты своего расследования в виде докладной, Самохин первый экземпляр вручил Костерину, а второй – начальнику колонии, который и благословил в свое время незаконные поставки полковникам-«мичуринцам». В итоге разразился грандиозный скандал. Сняли всех – генеральских замов, и правдолюбца Костерина, и начальника колонии, а заодно, на всякий случай, Самохина. Даже зэка, виновника переполоха, вместо условно-досрочного освобождения этапировали куда-то к чертям на кулички, в лесные ИТУ... Так что опыт исполнения конфиденциальных просьб руководства у Самохина уже был, и от дружеского внимания генерала ничего хорошего для себя он теперь тоже не ждал.

Вернулся Дымов, поставил на столик пузатую бутылку коньяка, маленькие золоченые рюмки, тяжелые хрустальные бокалы, в которые щедро налил шипучей минеральной воды, и отдельно, на маленьком подносе, – вазочку с фруктами, блюдце с нарезанными тонко лимонными дольками.

«Эк его припекло-то», – думал тоскливо Самохин, глядя, как радушный генерал откупоривает коньяк, разливает по микроскопическим, вмещающим не больше глотка, рюмкам.

– Давай, Андреич, за встречу, – предложил Дымов. – Сколько лет мы не виделись? Тридцать? Нет, сорок! Стареем, брат... Ну, будь здоров. Закусывай лимончиком, не стесняйся.

Самохин поднес к губам рюмочку, не выпил даже, а слизнул коньяк языком, почувствовав ароматную горечь, потянулся к воде и, поперхнувшись от шибанувшего в небо газа, медленно выпил до дна. И не без злорадства вспомнил о двух милицейских полковниках, которые маются сейчас, ерзают на стульях в генеральской приемной, пока он, майор, попивает здесь коньячок.

«Дрянь дело... – подытожил первые впечатления от встречи с Дымовым Самохин. – Если уж до коньяка дошло – совсем дрянь. В шпионы он меня вербует, что ли? Сейчас еще сауну с дамочками предложит...»

– Тут, Андреич, такое дело, – приступил, наконец, к главному генерал, – времена, сам видишь, быстро меняются. Нет, я, конечно, не против гласности, этой, как ее... демократизации, да ради бога! И о той поре, когда энкавэдэшники в обкомы ногами двери открывали, не скучаю. Партийный, общественный контроль за всем должен быть, в том числе и за правоохранительными органами. Но, я скажу тебе, достали! На хрен послать некого – одни контролеры вокруг. Сейчас еще депутаты добавились, пресса... Стукачей наших разоблачают, агентура сама колется, к журналистам каяться бежит... Чистоплюи! Давай, я тебе еще коньячка плесну, мне-то работать, а ты вроде как в командировке, – предложил Дымов.

– Да нет, спасибо, я лучше водички, – поскромничал Самохин.

– Так вот, – игнорируя отказ, наполнил рюмку-наперсток генерал, – а тут еще кооперативы эти долбаные пооткрывали, и такое началось! В магазине товар с одного прилавка на другой перекладывают, цену в десять раз поднимают, и никакой спекуляции – бизнес! Ты, может, не знаешь, а нам сверху четкую команду спустили: спекулянтов этих, кооператоров то есть, не трогать! Мол, формируется класс предпринимателей, который прилавки наполнит и страну накормит. Мы и не трогали. А статью в уголовном кодексе, где за спекуляцию срок полагается, между прочим, никто не отменял. Но суды по этим делам оправдательные приговоры лепят, так что нам лучше и не дергаться.

Короче говоря, вышло так, что появились в области ребята богатенькие. Новые веяния, то да се... А на днях пришлось одного такого арестовать. Есть у нас народный депутат, Шпагин, слышал? Так вот он к самому Михаилу Сергеевичу обратился. Дескать, в городе мафия процветает, словечко новое появилось – коррупция, номенклатура партийно-хозяйственная жирует... Факты какие-то привел – ерунда, конечно, заметочки глупые из газет, но впечатляет. Ну а президент команду министру дал. И нагрянули сюда аж два генерала обэхаэсэсных.

Меня ночью из постели вытащили – давай, говорят, арестовывай Кречетова. Крути как хочешь, но чтоб он сел! И хорошо сел, надолго. Это, брат, политика. Боремся, дескать, с преступностью, невзирая на чины и богатство! Неприкасаемых у нас нет! Короче, хлопнули мы бизнесмена этого, Кречетова. Ты фамилию-то запоминай, пригодится. Арестовали, значит, водворили в следственный изолятор, раскручиваем потихоньку, за ниточки тянем. Коррупция не коррупция, мафия не мафия, а пошуровать есть где. Там партию оргтехники для госучреждения по коммерческой цене толкнул, в другом месте с автомобилями что-то намутил... В общем, есть за что зацепиться, и сидеть он обязательно будет. В суде с кем надо перетолковали, с их стороны понимание тоже есть. Кречетов этот уже всем глаза намозолил. Купил у цыган «кадиллак» белый и по городу раскатывает. Пришли домой к нему с обыском – а у него в квартире, ты не поверишь, на дверях ручки из чистого золота. Ну не наглость, а?

Самохин кивал, понимая, что втравливает его разлюбезный генерал в историю, в которой не только подполковника получить, дай бог капитаном на пенсию вырваться...

– Ты выпей, Андреич, на вот, лимончиком... молодец! Так вот. А на днях получаю я негласную информацию по этому богатею, что ему из следственного изолятора побег готовят! Будто бы целая группа на воле по его вызволению работает, и в самом СИЗО уже кого-то из сотрудников завербовали, и к помощи в подготовке побега склонили. Если это правда и Кречетов даст деру, – такой шум поднимется!

«И генеральство твое накроется», – злорадно добавил про себя Самохин, уже запросто, без стеснения вытаскивая из пачки стремительно тлеющую американскую сигарету.

– Твоя задача, Андреич, заключается в следующем. Нужен мне в СИЗО надежный, преданный человек, старый неподкупный служака, и никого другого, кроме тебя, я в этой роли не вижу. Положение в следственном изоляторе аховое. Опытные тюремщики разбежались –

кто на пенсию, кто в другие подразделения. Я уж и переводы запретил – так разве удержишь. Мы сейчас народ со всех подразделений туда загоняем, но сам понимаешь, что это за люди. Хорошего-то сотрудника никто не отдаст! Правда, оперативная часть в изоляторе сильная, раскрываемость высокую тамошние «кумовья» дают, следствию помогают, но... положиться ни на кого из них я тоже не могу. Так что выручай! – Дымов испытующе посмотрел на Самохина.

– Спасибо, конечно, за доверие... Ух, аж во рту пересохло, – сконфузился майор и, схватив тяжелый стакан, принялся глотать теплую уже, противно-солоную воду.

Он понимал, что отказывать генералу немислимо, проще сразу сдать удостоверение личности в отделение кадров и начинать оформляться на пенсию. С другой стороны, грех не выторговать в такой ситуации под конец службы какие-то, пусть минимальные, блага. Вполне законные, между прочим, ибо за все годы работы в колонии ничего, кроме зарплаты да форменной одежды, Самохин не имел, да и не требовал, разве что квартирешку двухкомнатную в приколониальском поселке, выходящую окнами в глухую степь, получил, так и она вроде как служебная...

Моральная сторона предстоящего дела, положение эдакого «засланного казачка», обязанного докладывать обо всем лично начальнику УВД, минуя непосредственное руководство, вовсе не волновала Самохина. Слишком хорошо знал он систему, в которой прослужил столько лет, и понимал, что держится она во многом благодаря тотальному контролю, постоянным гласным и негласным проверкам, сбором и накоплением оперативной информации, где доношительство и слежка считаются не пороком, достойным порицания и презрения, профессиональными качествами, кои всячески следует развивать и совершенствовать. Тем более, что генерал явно имел в виду не заурядное стукачество, а проведение контроперации по пресечению подготовки побега из мест лишения свободы опасного преступника.

– Что будет входить в мою задачу? – поставив бокал и утирая платком губы, буднично поинтересовался Самохин.

Генерал встал, похлопал успокаивающе по плечу дернувшегo было следом Самохина – сиди, мол, – сказал задумчиво:

– Да я и сам пока не знаю определенно. Может, информация о побеге – лажа. Но береженого бог бережет. Смотри там по сторонам, примечай, я твоему опыту доверяю. И если почувешь что-то неладное – сразу ко мне. Я тебе номер телефончика для связи дам. Он от прослушивания закрыт, так что сможешь докладывать обстановку без особой опаски. Знаю, по пустякам не побеспокоишь, но и скромничать слишком тоже не нужно. Все-таки престиж УВД, мой, в конце концов, на карту поставлен!

– А как я в следственном изоляторе появлюсь?

– Оформим твой перевод на основании рапорта, как положено. Своему колониальному начальству так скажешь: дескать, давно мечтал в город вернуться, да все с переводом не получалось. А тут был на совещании в управлении и в коридоре с генералом столкнулся. И надо же – генерал старым знакомым, с детских лет еще, оказался. Бывает ведь так? Ну и порешал в два счета все вопросы...

– И квартирный? – недоверчиво вставил Самохин.

– Естественно, – усмехнулся наивной хитрости майора Дымов, – к этому мы еще вернемся. А сейчас слушай инструкции. Да сиди ты, не вскакивай... Так вот, эту же историю, про дружка-генерала, можешь и начальнику изолятора, подполковнику Сергееву, подбросить. Если поинтересуется. Здесь, в областном центре, не то, что в твоей дыре, много таких служит. Куда ни плюнь, всюду чей-нибудь родственник сидит, особенно на местах тепленьких. Ты вот майор, и паспортисточка какая-нибудь тоже, и зарплату поболее твоей получает. Но это так, к слову. Главное, не переборщи. А то начнешь про друга закладычного в лампасах заливать – от тебя все сослуживцы шарахаться будут. Мол, помог походя, с барского плеча, блажь генеральская, и на том спасибо. Да так оно и есть, верно? Ну-ну, шучу. Мы с тобой еще встретимся...

в неофициальной обстановке, по рюмочке выпьем, детство вспомним, окраину нашу бандитскую... Должностенку тебе не шибко престижную дадим, так оно для дела лучше. Инспектор отдела режима и охраны, свой парень, пашет наравне со всеми... С тем поговоришь, с этим, глядишь, картинка-то и прорисуетя...

– С оперчастью изолятора в контакт вступить? – уточнил Самохин.

– Нет, в кумотдел местный не суйся, они по своей линии работать будут. Их в этом направлении... озадачат. – Генерал со вздохом вытянул сигарету из пачки, прикурил, неодобрительно глядя на колечки дыма, потом пояснил: – Оперов в изоляторе не любят, не открывают с ними, так что пусть тебя с этой службой на новом месте ничто не связывает. Ты – старый служака, которому нужно дотянуть ляжку до пенсии – год, другой. Этакий пофигист, все повидавший, с одной мечтой о тихой службе и пенсии. Ну а все блага обещанные – потом, когда мы это дело раскрутим, – пообещал Дымов.

– Да я, товарищ генерал, на особые блага-то и не рассчитываю. Мне бы только с жильем определиться. Тяжело в моем возрасте холостяковать, по общежитиям мотаться. Храплю по ночам, – извиняющимся тоном добавил майор, радуясь про себя своей находчивости. Не каждый на его месте догадался бы вот так, невзначай, ввинтить про квартиру!

– Сейчас и решим, время нас торопит, – кивнул генерал. Он безжалостно раздавил в пепельнице сигарету, прошел по кабинету, сел за рабочий стол, из чего Самохин сделал вывод, что неофициальная часть беседы закончилась.

– Возьми ручку, бумагу, – предложил Дымов, – и напиши пока рапорт на перевод к новому месту службы. Оставишь мне, я дам кадровикам команду, чтоб не манежили, и на следующей неделе включим в приказ по управлению. – Ткнув пальцем в кнопку на телефоне, сказал, не снимая трубки: – С Милохиным соедини... Привет, это Дымов. Что у тебя из жилья есть? Понятно, что ничего, я спрашиваю, что сможешь найти. Сейчас, в крайнем случае завтра. Так... А еще? Вот это подойдет...

Во время разговора генерал смотрел на Самохина, и тот, прислушиваясь напряженно, старательно выводил на бумаге текст рапорта, боялся сбиться, написать не так, но продолжал слушать.

– У тебя какая семья? – громко поинтересовался Дымов, и Самохин ответил торопливо:

– Двое нас, товарищ генерал, – я да жена, – и для убедительности показал два пальца.

– Ну, тогда хватит, – кивнул Дымов и опять сказал в телефон: – Зайдет к тебе майор Самохин. Да, для него. Это потом обсудим. Естественно, вне очереди. Это ж наша тюремная гвардия. Тридцать лет в глуши прослужил, кому ж тогда жилье давать, если не таким!

Генерал отключил телефон, предложил Самохину:

– Сейчас прямо от меня пойдешь к начальнику хозяйственной службы управления полковнику Милохину. Получишь ключи от двухкомнатной квартиры. «Хрущевка», зато почти в центре города, с общественным транспортом мороки не будет. Согласен?

– Еще бы! – засиял майор.

– Рапорт написал? Давай. Так... все правильно. С переездом не затягивай. На будущей неделе выходи на работу в изолятор, вещи пусть жена собирает. Она как у тебя, с пониманием женщина?

– А как же! Спасибо, товарищ генерал, – с чувством сказал Самохин, и Дымов, улыбнувшись, добродушно махнул рукой:

– Да ладно... Действуй, Андреич.

И когда Самохин, вытянув руки по швам, склонил, голову на прощанье, потом повернулся четко, через левое плечо и направился к выходу, окликнул вдруг:

– Майор!

Самохин обернулся.

– Майор, – повторил Дымов, пристально глядя ему в глаза, – смотри, не проколись...
Иначе, сам понимаешь...

Самохин кивнул, на этот раз вольно, не по уставу, и вышел из кабинета, прикрыв за собой
беззвучную дверь. Он больше не улыбался.

2

– Расскажи-ка нам, Чеграш, как ты вчера зэка вешал? – едва сдерживая гнев, поинтересовался вполголоса начальник следственного изолятора подполковник Сергеев.

Минуту-другую он прохаживался неторопливо по залу «красного уголка», где проводился утренний развод на службу, скрипел надраенными до антрацитового блеска хромовыми сапогами, а потом, сорвавшись, рявкнул:

– Вы что там, на продолах, совсем охренели?!

Майор Чеграш, угрюмый, цыганистый, стоял перед разгневанным начальником, усмехался, смотрел в потолок. С полсотни сотрудников, рассеявшихся чинно рядами, притихли, боясь нарушить скрежетом старых, расхлябанных стульев яростную тишину.

Самохин, благоразумно пристроившись на последнем ряду, с любопытством стороннего пока человека наблюдал эту сцену. Сегодня он впервые вышел на работу в изолятор, и крики, ругань и разносы с утра напомнили привычные «оперативки» в провинциальной колонии.

– Щас... Я щас все расскажу! – вскочила вдруг с первого ряда худенькая остроносая женщина с погонами старшины на форменном зеленом платье. – Никто, товарищ подполковник, этого козла не вешал. Он сам вздернуться хотел, а пока вешался, всю кровь выпил...

– Молчать! – гаркнул на нее Сергеев, а потом, взяв себя в руки, приказал: – Представьтесь, товарищ старшина, доложите, как положено. Не на базаре!

– Щас... Эта... Дежурный контролер первого поста второго корпуса старшина внутренней службы Квочкина.

– Докладывайте, старшина Квочкина, кто и почему вашу кровь выпил, – обреченно вздохнул Сергеев.

– Короче, товарищ подполковник, дело так было. Этот козел... ой, простите, подследственный Путятин весь день бесился. То прокурора ему подавай, то адвоката. А где я их возьму? Орал, мол, выпустите из клетки! Фашистами обзывался... Я уж и докторов на продол вызывала, а они объясняют: Путятин этот псих, и если его невменяемым признают, то в дурдом переведут, а пока, говорят, терпите. А этот... все орет. Рубашку на себе разорвал, связал из клочков петлю, привязал к верхней шконке, сунул башку и блажит: выпускайте, мол, а то щас повешусь! Я вызвала майора Чеграша, мы с ним в камеру вошли...

– Вдвоем? – прервал ее Сергеев.

– Ну... да. А чо? Их там всего-то шесть человек сидят. Хохочут, падлы, это для них как кино...

– А меры безопасности? – закипая, поинтересовался начальник изолятора. – Я сколько раз предупреждал, чтобы меньше трех сотрудников в камеру не входили.

Чеграш презрительно хмыкнул, глянул искоса на подполковника и вновь принялся изучать потолок.

– Зашли, значит, в камеру, – продолжила старшина, – отобрали у Путятина веревку, предупредили, чтоб не нарушал... А он через полчаса новую петлю сделал и опять орет. Даже сокамерникам надоело. Они ему говорят: ты, черт, или вешайся скорее, или спать ложись.

Квочкина замолчала, сосредоточенно глядя под ноги.

– Ну?! – поторопил ее Сергеев.

Самохина заинтриговала эта история, и он тоже с нетерпением ждал ее завершения.

– Тогда я продолжу, – вздохнул начальник изолятора. Он достал из кармана кителя мятую бумажку, расправил ее и, далеко отведя от глаз, как делают страдающие дальновзоркостью, принялся читать вслух.

– «Прокурору по надзору»... Где это? Вот. «После чего в камеру ворвался какой-то майор и со словами „Да подохни ты, тварь!“ ударил меня резиновой палкой по ногам. Я упал и повис

в петле. Что было дальше, не помню. Прошу разобраться и принять меры против процветающего в следственном изоляторе беспредела и беззакония... Это, между прочим, жалоба на тебя, Чеграш, а написал ее подследственный Пуятин!

– Ишь, косит под дурака, а жалобы строчить ума хватает, – ехидно подметил кто-то из сотрудников.

– Он не дурак, а психопат, – ворчливо буркнул толстый седой капитан с медицинскими эмблемами в петлицах, – а это большая разница! У нас половина сотрудников психопаты – и ничего, служат.

– Слышите, что доктор говорит? – указал на капитана Сергеев. – Вас, товарищи офицеры, прежде всего самих на предмет вменяемости освидетельствовать нужно... Ничего, скоро мы этим займемся. К нам в изолятор, наконец, врач-психиатр на работу устраивается.

– Сажают, что ли? По какой статье? – хихикнул кто-то.

Сергеев пристально глянул на шутника – маленького усатого капитана, пояснил строго:

– Офицер он, балбесы. Переводится к нам для дальнейшего прохождения службы.

– Значит, сам псих, – вздохнул веселый, похожий на Бармалея капитан и любовно закрутил вверх кончики роскошных, не по комплекции, будто с чужого лица, усов.

– Так что же дальше случилось, старшина? – допытывался Сергеев.

Та растерянно пожала плечами:

– А чо случилось? Да ничо. Вытащили мы этого... подследственного из петли, по щекам похлопали...

– Дубинкой! – вставил усатый капитан и прыснул смехом в кулак.

– Не-е... сапогом! – кровожадно уточнил кто-то.

– Да прям, скажете! Что мы, звери какие-то? – возмущенно покраснела Квочкина. – Ладонкой легонько, он и очухался. Ну, говорит, и дурные менты попались, так и вправду в ящик сыграешь... И спать лег.

– Вылечили! – подытожил Сергеев и обернулся к невозмутимому майору: – Так получается, Чеграш?

Тот оторвался от созерцания потолка, расправил на поясе туго затянутую портупею, пояснил снисходительно, с едва уловимым акцентом:

– Я, товарищ подполковник, двадцать лет в этой турме работаю. И еще ни один зэк, который суецыдом грозил, не сдох. По-настоящему те вешаются, кто молчит и никого не предупреждает.

– Ладно, садитесь на место, психологи хреновы, – остывая, предложил Сергеев, – объявляю вам обоим устный выговор!

Все вздохнули удовлетворенно, зашептались, задвигали стульями.

– А сейчас, – продолжил начальник изолятора, – слово для очередной политинформации предоставляется майору Барыбину. Чего загудели? Звереее тут, в тюремных стенах, послушайте хотя бы, что в стране, в мире творится.

Тщедушный, с реденькими прилизанными волосиками неопределенно-сивого цвета замполит изолятора майор Барыбин с достоинством прошествовал к низенькой импровизированной сцене «красного уголка» и устроился за обитым кумачом ящиком-трибуной. Раскрыл тонкую картонную папку, извлек ворох газетных вырезок, обвел притальным взором присутствующих.

– Гудите, товарищи, гудите... А перестройка между тем продолжается, набирает обороты и рано или поздно коснется каждого из вас!

Слова замполита прозвучали осуждающе-грозно. Самохин неуютно поежился на расшатанном стуле и облегченно вздохнул, когда Барыбин водрузил на нос очки, слепо блестящие на щедром солнце за окнами, зарылся в бумажки, забубнил что-то неразборчиво...

Самохин давно научился смиренно, без раздражения высидывать время, отведенное для подобных мероприятий, и отключился привычно, задумался о своем, анализируя первые впечатления от нового места службы.

Судя по тому, как проходил развод, скучать в изоляторе не придется. Вспышки гнева подполковника Сергеева не ввели в заблуждение старого опера. Он безошибочно распознал в начальнике СИЗО человека невредного и отходчивого, только, пожалуй, подрастерявшегося в тюремной неразберихе.

Отправившись в первый день на службу пораньше, чтобы, как заведено, представиться новому начальнику, Самохин в восемь утра не застал Сергеева в кабинете. Зевающий после бессонной ночи пожилой прапорщик на КПП сообщил майору, что подполковник уже с полчаса как ушел в режимные корпуса.

Самохин принялся бродить по этажам пустынного в этот утренний час штаба, рассматривая внутреннее убранство, которое не слишком отличалось от прочих заведений подобного типа. Крашенные в невзрачный серенький цвет стены, коричневый, кое-где в заплатках линолеум на полу, облупившийся дерматин на дверях служебных кабинетов, опечатанных нитками с пластилиновыми нашлепками – от честных людей, пыльные кубки, выцветшие вымпелы, полученные за спортивные достижения много лет назад и с тех пор забытые за мутными стеклами тяжелых учрежденческих шкафов.

Здание штаба изолятора отличало, пожалуй, лишь то, что все окна были забраны массивными, в два пальца толщиной, металлическими решетками, прочно вцементированными в оконные проемы, а по стеклам со стороны, выходящей на режимные корпуса, тянулись тонкие, едва различимые медные проводки тревожной сигнализации. Поднявшись на третий этаж штаба, Самохин глянул во двор, огороженный серым бетонным забором с рядами колючей проволоки, спиральями «егозы», клубками «путанки» и прочими способными стреножить беглеца препятствиями на пути к свободе. По углам забора торчали четыре вышки с невидимыми за темными стеклами обзорных окон часовыми.

Несмотря на щетинисто-грозную наружность, следственный изолятор компактно вписывался в старый квартал города и не слишком бросался в глаза. Похожие бетонные заборы в изобилии высились по кривым переулкам в этой части рабочей окраины, огораживая обособившиеся здесь с незапамятных времен заводишки, кочегарки и автобазы. Так что случайный прохожий мог и не догадаться, что за учреждение скрывается за высоким забором, лишенным с внешней стороны своей колючей атрибутики, с неприметной беленой будочкой проходной и визгливыми воротами ржаво-красного цвета. Тюрьма стояла на этом месте с конца прошлого века, и к основному трехэтажному корпусу, возведенному из прокопченного теперь временем кирпича, позже пристроили еще два, и весь изолятор напоминал собой гигантскую букву «П» с непонятным Самохину сооружением в центре узкого дворика. Вглядевшись внимательнее в этот ячеистый лабиринт, схожий с пчелиными сотами, с решетчатой крышей, щедро опутанной по тюремному обыкновению «колючкой», майор догадался о его назначении. Так выглядели сверху прогулочные дворики, в которые выводились ежедневно заключенные изолятора для того, чтобы подышать свежим воздухом. По узким железным мосткам, пересекавшим крышу двориков, во время таких прогулок расхаживали контролеры, надзирающие за поведением зэков.

От созерцания внешнего устройства СИЗО Самохина оторвали быстрые шаги, раздавшиеся в пустынных коридорах штаба. Оглянувшись, майор увидел высокого, голубоглазого, чем-то неуловимо напоминавшего большую добрую корову подполковника.

– Вы ко мне? – поинтересовался тот, и Самохин, догадавшись, приложил руку к козырьку:

– Прибыл для дальнейшего прохождения службы...

– Входите, – распахнув дверь кабинета, предложил Начальник изолятора и, в свою очередь, представился: – Сергеев.

Усадив Самохина, подполковник остался стоять, заняв собой едва ли не половину на удивление тесного кабинета.

– Вот, перебрался в эту комнатку, – не без гордости пояснил он, обведя рукой стандартно-казенную обстановку. – У прежнего руководства такие хоромы были... Я их режимникам уступил, а то ютились здесь вдесятером. Так что извините за тесноту. Так сказать, борьба с привилегиями в тюремном масштабе... Да и некогда нам по кабинетам расслаиваться, на проходах чаще бывать надо. Ваш рапорт о переводе, Владимир Андреевич, я с удовольствием подписал. Такие, как вы, старые тюремные волки, простите за выражение, нам здесь ой как нужны! Так что милости просим... В бытовом плане обустроились? Вот и хорошо. В курс дела подробно вводить вас не буду – некогда. Через пятнадцать минут утренний развод начинается, поприсутствуете, сами сообразите, что к чему. Сегодня осмотритесь, познакомьтесь с нашими порядками, а завтра, как говорится, с богом, впрягайтесь. Предупреждаю: тяжело будет. Очень тяжело. Готовы к этому?

– Да я, товарищ подполковник, к легкостям-то и не приучен. Негде было привыкать...

– Такого, как здесь, наверняка не видели. Нехватка личного состава, в том числе рядового и сержантского, более пятидесяти процентов. Вся служивая молодежь за легкими заработками в кооперативы подалась. Остались в основном женщины да капитаны с майорами, которые до пенсии по выслуге лет тянут. Они же, бывает, на проходах дежурят, часовыми на вышки заступают. Нас, в отличие от колоний, внутренние войска не охраняют... И все же комплектуемся помаленьку, хотя народ на работу в тюрьму не торопится. Обратили внимание? Здесь не то, что в корпусах, даже во дворе воздух другой. Входишь с улицы – и через несколько минут вроде как задыхаться начинаешь. Доктора говорят – нехватка кислорода от скученности людской, дыма из камер, черт его знает, от чего еще... Впрочем, все сами увидите. И еще. Трудовых подвигов от вас я не жду. Понимаю: возраст, обстоятельства... Если честно, сколько собираетесь еще поработать?

Самохин, который как-то не задумывался над этим, не устанавливал себе сроков, растерялся несколько, а потом пообещал твердо:

– Пару лет, пожалуй, оттопаю.

– Год, Владимир Андреевич. Продержитесь год – но без поблажек, больничных листов, ну... Вы меня понимаете. За это время мы положение поправим. Укомплектуем штаты личным составом, четко отладим службу и проводим вас на пенсию как полагается – с памятным адресом в красной папочке, с электрическим самоваром в подарок, – улыбнулся Сергеев, – договорились?

– Постараюсь, – кивнул Самохин сосредоточенно. Зазвонил телефон, подполковник снял трубку.

– Разрешите идти? – спросил Самохин. Начальник изолятора кивнул и принялся кричать в телефон:

– Вы когда должны были их этапировать?! Сколько?! Вы с ума сошли! Куда я шестьдесят человек расселю?!

Майор вышел из кабинета и, не зная, где будет проводиться развод, пошел на шум голосов и смех, доносившиеся из конца коридора. Открыв дверь с черной табличкой, на которой траурными золочеными буквами было написано «Красный уголок», Самохин оказался в небольшом зальчике, густо заставленном рядами потертых стульев, с низкой площадкой сцены перед ними, трибуной и нелепо смотрящимся здесь исцарапанным пианино.

Майор чувствовал себя отчужденным пока от собравшихся на развод сотрудников и, кивнув на всякий случай всем сразу, отошел в сторону, держась особняком. А чтобы это не слишком бросалось в глаза, принялся изучать развешанные по стенам плакаты и стенды. Среди них оказались занятные, совсем древние, виденные Самохиным еще на заре службы. На одном из выцветших плакатов изображались солдат и матрос, увлеченно беседующие за столиком

в купе поезда и не замечающие, что с верхней полки к их разговору, не иначе как секретному, прислушивается гнусная рожа. Сценку эту венчала назидательная подпись: «Болтун – находка для шпиона».

Внимание Самохина привлек стенд. К фанерному щиту были прикреплены зловещего вида самодельные ножи, заточенные черенки ложек, электроды, обрезки арматуры. Крупные буквы заголовка недвусмысленно предупреждали: «Контролер! Все это изъято из камер и было приготовлено для покушения на твою жизнь!»

...Самохин вздрогнул от грохота отодвигаемых стульев. Задумавшись, он пропустил окончание политинформации и теперь растерянно смотрел, как торопливо расходятся сотрудники по рабочим местам.

– Товарищ майор! Самохин! – окликнули его, и, оглянувшись, он увидел, что зовет его замполит Барыбин. – Виктор Иванович, заместитель начальника по политико-воспитательной работе, по совместительству – секретарь местной партийной организации, – протянул он вялую руку. – Вы член КПСС?

Самохин отрицательно мотнул головой.

– Как же так вышло? – искренне изумился Барыбин.

– Да так... Особо не звали, а я и не напрашивался, – неохотно пояснил майор.

Барыбин искоса, со значением оглядел новичка и поджал губы обиженно:

– Так вот и живем, на трудности не напрашиваемся, а страна катится неведомо куда при нашем равнодушии...

– Угу... – хмуро согласился Самохин. Он терпеть не мог таких, якобы «партийных» пронзительных взглядов – из-под прикрытых скорбно век, все понимающих и оценивающих с недостижимых для непосвященных высот идейных позиций. По этому взгляду, перенятому замполитом не иначе как у большого начальника, отрепетированному затем перед зеркалом, по движениям – порывистым, целеустремленным – Самохин заподозрил в Барыбине бездельника и болтуна. И уже обреченно вздохнул, добавив – И вообще, товарищ парторг, коммунист – это, знаете ли, ум, честь и совесть нашей эпохи. А я... С честью и совестью у нас, тюремщиков, нелады вечные, по части ума тоже...

– Не отдельно взятый коммунист – честь, ум и совесть эпохи, а вся партия в целом! – строго поправил его замполит. – И мы, рядовые коммунисты, стремимся стать ее достойными членами!

– А-а... – виновато протянул Самохин, – насчет членов я не сообразил как-то. У нас, в провинциальных подразделениях, где мне служить доводилось, политподготовка, между нами говоря, здорово хромает. У вас это дело, вижу, на высоте. Так что подтянусь...

Уловив издевку, Барыбин опять прищурился пронзительно, но майор смотрел на него простодушно, словно прямо сейчас готов был начинать «подтягиваться», и замполит, пожав плечами, – черт его знает, этого новичка, скорее всего и впрямь недалекий, простоватый майор из глухой провинции, – перевел разговор на другое:

– Подполковник Сергеев поручил мне по заведенной у нас традиции показать вам следственный изолятор, познакомить с людьми, условиями службы. Для начала зайдем в отдел режима и охраны. Здесь, в штабе, вам выдадут ключ. Без него вы в изоляторе шагу не сделаете. Замки все однотипные, ключ универсальный, ко всем подходит...

– Здорово! – восхитился Самохин и, поймав на себе недоуменный взгляд замполита, пояснил туманно, рискуя навсегда остаться в его глазах полным придурком: – Здорово, говорю, когда чик-чик – и всех одним ключиком!

– Удобно, – согласился Барыбин, видимо сделав окончательный вывод в отношении новичка, и потому разоткровенничался: – Я, когда из кадрового аппарата УВД на повышение сюда перешел, за день так с ключом намаялся, что даже дома дверь в туалет пытался им открывать. Ха-ха!

– Х-ха! – подхихикнул ему Самохин, думая между тем, что с учетом задания генерала дураков из числа руководства изолятора тоже следует держать до поры под подозрением...

Бывший кабинет Сергеева, пожертвованный им режимникам, еще хранил следы начальной роскоши, о чем напоминали деревянные панели по стенам, импортный, тисненый цветочками линолеум и непрременный выполненный из шпона мозаичный портрет Дзержинского под украшенным лепниной потолком. Впрочем, теперь кабинет был заставлен старой колченогой мебелью, громоздкими, выкрашенными коричневой половой краской сейфами и тремя железными, с налетом ржавчины кроватями, застланными колючими солдатскими одеялами. В углу комнаты высилась груда противогозов, рядом стоял фанерный ящик, доверху наполненный наручниками. Возле него на корточках сидел веселый капитан-«Бармалей» с пышными буденовскими усами. Он гремел наручниками, извлекая их поочередно из груди и швыряя обратно.

– Старший инспектор отдела режима и охраны капитан Федорин, – представил его замполит, – сейчас исполняет обязанности зама по режиму. Вместо майора Рубцова, который находится в очередном отпуске. Как дела, товарищ Федорин?

Вблизи капитан, несмотря на устрашающие усы, оказался довольно молодым человеком.

– Вы посмотрите, какую дрянь для тюрьмы выпускают, – не здороваясь, возмущенно выпалил он, поднимаясь и протягивая Самохину пару браслетов, позванивающих жалобно и виновато. – Зэки их рвут как нитки! А иной раз наоборот – открыть невозможно, ножовкой по металлу распиливать приходится. В прошлый раз хохма была. Одного жулика закоцали и в карцер сунули. Браслеты затянули на совесть, зэк аж в штаны наложил. Ну, ручонки-то через полчаса и посинели. Стали снимать – ни в какую! Один ключ попробовали, другой – ни фига! Зэк визжит уже. Я слесаря из хозобслужбы вызвал, тот давай пилить. Елозит по металлу, а дело это долгое. Я и пошутил. Мол, время упустили, застой крови, давай доктора, пусть руки поотрубают на хрен ради спасения жизни. Зэк – в слезы, спасите, кричит, граждане начальники, я, кричит, теперь ни одного чужого кармана не коснусь! Он вором-карманником оказался. Умора! – Маленький капитан захохотал искренне, до икоты, хлопая себя по толстым бокам и приседая.

– Ты, Федорин, со своими дурацкими шуточками до инфаркта меня доведешь, – мрачно произнес Барыбин. – Вы представляете? – обратился он к Самохину. – Зимой что отмочил? Пришел на службу – все чин по чину, в шапке, шинели. Влетел на развод, стал раздеваться. Сверху все как положено, китель, рубашка с галстуком, а внизу... кальсоны в сапоги заправлены!

– Да ладно... – надулся, смутившись, капитан.

– Не ладно! – строго прервал его замполит. Я предлагал за эту шутку, позорящую форму сотрудника органов внутренних дел, отдать Федорина под суд офицерской чести! К сожалению, в коллективе поддержки не нашел.

– То не шутка была, – покаянно пояснил Самохину капитан, – я на службу опаздывал, а тут еще дочку в детский сад отводить надо... Ну, собрался по-быстрому, оделся вроде, на улицу выскочил, дочку в охапку, и в троллейбус. А штаны натянуть забыл! Под шинелью-то не видно. Так и заявился. С кем не бывает?

– Ни с кем такого не бывает, Федорин, – назидательно возразил ему Барыбин, – только с тобой!

Самохин слушал серьезно, изо всех сил сжимая губы, чтобы не рассмеяться. Раскаяние маленького капитана вызывало симпатию, и майор поспешил на выручку:

– Не скажите, товарищ парторг, еще как бывает! У нас начальник колонии однажды в женской шапке в зону пришел, – врал напропалую Самохин, – тоже впопыхах по тревоге из дому выскочил, напялил в прихожей на голову то, что под руку попало... Так что бывает!

Барыбин с прежним сомнением глянул на майора и потребовал от Федорина:

– Дай новому инспектору ключ от продолов и камер. Мы сейчас пойдем на территорию, я покажу наше хозяйство, объясню, что к чему.

– А чо тут объяснять? – приветливо глядя на Самохина, удивился капитан. – Сразу видно – мужик с понятием. Дубинку в руки – и вперед, на прогулку. Там людей, как всегда, не хватает.

– А ты чего в штабе ошиваешься? – с укором спросил замполит.

– Инвентаризацию провожу. На весь изолятор пять пар наручников осталось. А новые не выдают, пока негодные не спишем.

– Давно пора! – попенял Барыбин. – Ключ-то дашь?

– Некогда мне списаниями заниматься, – опять обиделся капитан, – я из камер сутками не вылезаю. То эков прогуливаю, то шмонаю... А ключ сейчас дам, у меня этого добра навалом!

Федорин подошел к старинному, зеленым сукном обитому столу, выдвинул скрипучий ящик, принялся шарить там, гремя железом.

– У вас что, ключи не запираются? – не удержавшись, осторожно поинтересовался Самохин.

– Надо бы, – посетовал капитан, – положено, чтоб сотрудники их под расписку получали, после смены сдавали, да в нашем бардаке разве уследишь? Каждый к своему ключу привыкает и ни за что не отдаст! А заниматься учетом ключей, бухгалтерией этой некому. Да черт с ней! Сроду их никогда не считали, и обходилось...

Федорин наконец достал и протянул майору огромный, сантиметров двадцать в длину, ключ.

– Во, в самый раз. Ко всем замкам подойдет. А если где-то заест, крикнет дежурную с продола, она откроет.

Самохин скептически осмотрел ключ, оставляющий на ладонях следы ржавчины, сказал недоверчиво:

– Ржавый больно...

– Э-э, дня два замками пощелкаете – вот такой станет, – успокоил Федорин. Он нагнулся, пошарил за голенищем сапога, достал оттуда и показал блестящий ослепительно, будто никелированный, ключ.

Из штаба замполит провел Самохина через двор изолятора, заставленный к этому времени множеством «воронков»-автозакон, милицейскими «узиками», в которых по утрам развозили эков на следствие да в суды.

– Вход на режимную территорию осуществляется через КПП дежурной части, – пояснил Барыбин и, поднявшись по ступеням низенького крылечка первого тюремного корпуса, надавил кнопку звонка у металлической двери. Щелкнул электрозамок, и замполит пропустил вперед Самохина, бросив кому-то невидимому в зарешеченное окошечко проходной: – Это новый сотрудник, он со мной, – и объяснил майору: – Здесь расположена дежурная часть следственного изолятора. Утром, после развода, будете приходить сюда, получать спецсредства – резиновую палку, «черемуху», знакомиться с оперативной обстановкой на продолах и в камерах. Сегодня дежурит помощник начальника следственного изолятора, сокращенно ДПСИ, капитан Варавин, я потом вас представлю...

Тюрьма пахла сырым кирпичом и ржавым железом. Того и другого здесь было в избытке. Изнутри следственный изолятор показался Самохину гигантским лабиринтом с бесчисленными переходами, лестницами, пролеты которых тоже перекрыты были мелкоячеистой сеткой «рабица», длинными коридорами. Каждое ответвление их заканчивалось либо решетчатой калиткой либо тяжелыми, сваренными из листового металла дверями, замки на которых действительно не слишком охотно, со скрежетом, но все-таки открывались одним и тем же ключом. А дальше начинался очередной, с рядами камерных дверей продол.

Через несколько минут следующий за Барыбиным Самохин окончательно потерял ориентировку, запутался в многочисленных переходах и только крутил растеряно головой, как школяр на экскурсии в цехах гигантской фабрики или завода, чей производственный цикл невероятно сложен и недоступен пониманию стороннего человека. Даже тщедушный Барыбин на фоне этого неведомого процесса стал казаться выше, значительнее...

Замполит, и впрямь вполне освоившийся с ролью экскурсовода, вещал веско, знакомя майора с окружающей обстановкой:

– Следственный изолятор предназначен для содержания арестованных и находящихся под стражей граждан, которых мы именуем подследственными. После вынесения им приговора подследственные превращаются в осужденных и еще какое-то время находятся в СИЗО до вступления приговора в законную силу. Затем их этапируют в места лишения свободы. Ну, с этим контингентом вы хорошо знакомы... Кроме этого, через изолятор проходят транзитные заключенные, которых этапируют в исправительно-трудовые колонии, в колонии-поселения, на стройки народного хозяйства. Одновременно в этих стенах содержится около трех тысяч человек. Движение большое, кто-то убывает на этап, кто-то приходит, кого-то отправляют на суды, на следственные действия. Поэтому точное число содержащихся подсчитывается два раза в сутки – утром и вечером.

– И сколько человек в год таким образом... перерабатывается? – полюбопытствовал Самохин.

– Около сорока тысяч, – не без гордости ответил замполит, – и каждого из них мы должны принять, оформить необходимую документацию, обыскать, помыть, после осуждения переодеть в одежду установленного по виду режима образца, найти место в камере, выдать постель, а еще кормить, лечить и, естественно, охранять.

– Да уж... Нагрузочка – будь здоров, – посочувствовал Самохин. – И это только в одном следственном изоляторе! А в нашей области таких два, это сколько же по Союзу выходит?

– А я что говорю?! – охотно подхватил замполит. – Колоссальный труд! И не оценит никто. В прошлом году, между прочим, у нас всего пятеро умерло да один повесился. А в годы репрессий, как наши ветераны рассказывают, по утрам из камер покойников выносили и штабелями складывали. Это от болезней умерших, не считая, конечно, расстрелянных.

– Да нет, жить мы стали лучше, это без всяких сомнений, – убежденно поддержал его Самохин. – А тут еще гуманизация исполнения наказания...

– Перестройка! – со значением произнес замполит. – У нас недавно, недели две назад, впервые в истории России выборы президента прошли. Подследственным голосовать разрешили. Я лично с урной по камерам ходил. Так все заключенные – за Ельцина. Сотрудники, между прочим, в большинстве – тоже. Невиданное сплочение и единство!

– И с чего бы это? – засомневался Самохин. – Вы, если не секрет, за кого голосовали?

– За Бориса Николаевича, а вы?

– Я? – замялся Самохин. – Я, честно говоря, с переездом этим... Не прописался еще... Так что без меня выбирали. Только ведь Ельцин, насколько мне известно, против КПСС выступает. А вы – коммунист...

– Ну и что? – поджал губы Барыбин. – Мы – люди служилые. Будет команда партбилеты сдать – сдадим. А Может быть, название партии поменяем.

– Лихо... – удивился Самохин. – А я уж к политзанятиям вашим приготовился. Что ж мы, если не марксизм-ленинизм, конспектировать будем?

– Что потребуется стране, то и законспектируем, – строго сказал Барыбин. – А вот то, что вы от голосования уклонились, – плохо. У нас тоже тут один нашелся... оригинал. За Жириновского агитировал. Пришлось проработать, на комитет вызвать.

Тем временем, спустившись по одной из бесчисленных лестниц, они оказались в подвальном помещении, по сторонам которого тянулись два ряда камер.

– Здесь находятся боксы, где содержатся заключенные, прибывающие в изолятор, – пояснил замполит, – отсюда они идут в обыскную, а затем распределяются по камерам. В другом крыле этого подвала расположен карцер для нарушителей режима.

Барыбин подошел к ближайшей двери, глянул в смотровой глазок, потом, ковырнув ключом замок, распахнул:

– Откуда этап?

Самохин в тусклом свете утопленной в нишу и зарешеченной лампочки увидел просторное помещение, оштукатуренное по здешнему обыкновению «под шубу». Вдоль шероховатых стен тянулись длинные деревянные скамьи. Посреди камеры стоял ржавый бак – параша. На одной из лавок притулились три пожилых зэка в полосатых робах особо опасных рецидивистов.

– Транзитные, на тубзону, командир, – охотно пояснил один, тощий, с лицом серо-землистого цвета, ввалившимися щеками беззубого рта и короткой щетиной седых волос на макушке. Зэк жадно смолил самокрутку, глубоко затягиваясь едким дымом. Досасывая сигарку, спросил безнадежно: – Сигареткой, гражданин майор, не побалуете?

– Так ведь куришь же! – укоризненно покачал головой Барыбин. – К тому же туберкулезник. Вредно. Я вот не курю!

– Жаль! – осклабился зэк и цыкнул в сторону желтой слюной. Его попутчики молча, исподлобья глядели на офицеров.

– На, – протянул Самохин три сигареты, – тебе и корешам.

Зэк шустро вскочил, подбежал к двери, цапнул грязной рукой курево, кивнул благодарно:

– Спасибо, командир, чтоб тебе Бог еще одну звезду на погоны послал! На этапе поискурились, сейчас вот по карманам табачные крошки стрясли... А конвой вологодский попался, ну чистые псы – злые, ничем от них не разживешься...

Барыбин захлопнул бокс, попенял ехидно:

– Эдак вам, товарищ майор, никаких сигарет не хватит, если кому ни попадя раздавать. Здесь такие «стрелки» в каждой камере.

– Да ладно, – добродушно отмахнулся Самохин, – сам лет сорок смолю, знаю, каково без табака оставаться.

– Зайдем в обыскную, – предложил замполит и указал на следующую, в отличие от камерных, простую деревянную дверь.

В обыскной Самохину прежде всего бросился в глаза длинный стол, на котором кучкой лежали вытряхнутые из мешка вещи. Их быстро перебирал, ощупывая и рассматривая, старшина.

Раздетый до трусов владелец жался рядом, зябко охватив себя руками за татуированные плечи. Он озабоченно наблюдал за «шмоном», давая старшине короткие пояснения:

– Да зубной порошок это, командир, чо его нюхать? Я, штоль, совсем двинутый, штоб наркоту банками по этапу возить? «Приму» не ломай, а? Я ж с зоны еду, чо там запрещенного найдешь? Уже пятый раз шмонают. Чистый я, как дитя, только время зря тратите...

– А это что за «колеса»? – мельком глянув на вошедших, допытывался обыскник, пересыпая в руках горсть грязных, с налипшими табачными крошками таблеток.

– Да то ж аспирин, от простуды! – жалобно убеждал зэк, но старшина безжалостно швырнул таблетки в мусорный ящик:

– Не положено!

– Ну, как дела? – бодро поинтересовался замполит, и обыскник, подвинув заключенному кучку вещей, – забирай! – обернулся к Барыбину:

– Шмонаем, товарищ майор. Человек двадцать уже обыскал, еще столько же осталось. Опять тубики в этапе, пока их шмотки перетряхивал, наверняка палочек нахватался. Вы ж молоко нам обещали за вредность. Так до сих пор ни разу не выдали.

– Это мы решим, – пренебрежительно отмахнулся замполит. – Запрещенные предметы изымаете?

– Да так, по мелочи... Бритвенные лезвия, ножички, кипятивники самодельные. Транзитные бузят, не хотят ремни брючные отдавать, говорят, штаны сваливаются. А если, мол, повеситься надумаем, так найдем на чем!

– Положено по инструкции изымать, вот и изымай, – распорядился Барыбин. – А сигареты почему не разламываешь? Заключенным положен табак, вот и кроши, досматривай.

– Инструкции... – обиженно возразил старшина. – По инструкции мне молоко положено – где оно? А сигарет некоторые эচারы-куркули по сто пачек с этапа прут, пока я их переломаяю, раскрошу полдня пройдет!

– Ладно, работайте, – холодно бросил Барыбин и пожаловался Самохину, выйдя из обыскной: – Ну что за народ! Тысячу оправданий найдут, лишь бы не выполнять то, что по инструкции надлежит.

– Точно! – поддакнул Самохин. – А с молоком-то как?

– Да будет им молоко! – раздраженно фыркнул замполит. – Они думают, что это так просто! Его ж надо получить, разлить по емкостям, каждому сотруднику выдать. А оно, между прочим, скисает. Да и не нужно им никакого молока. Это так, отговорка. Туберкулез... Профилактика... После службы водки выпьют, вот и вся профилактика! – весело заключил Барыбин, и Самохин опять согласился:

– Вы, товарищ парторг, правы. Водка русского человека от всех напастей спасает, а от туберкулеза тем более.

– Если в меру, конечно, – поспешил уточнить замполит, и Самохину опять осталось лишь согласиться.

Следуя за Барыбиным, Самохин оказался неожиданно, шагнув за очередную дверь, в тесном тюремном дворе между корпусами изолятора, которые выглядели отсюда особенно мрачными и приземистыми.

– Вот это первый корпус, – указывал на здания замполит, – мы с вами только что отсюда вышли, вот это второй, а тот – третий. Пойдемте во второй, там самые оторвяги сидят. Мы ведь не только осужденных, но и подследственных по видам режима, тяжести преступления сортируем. В первом и третьем корпусе мелочовка разная содержится, малолетки, женщины, жулье да хулиганье. А во втором публика серьезная: убийцы, разбойники, неоднократно судимые, рецидивисты особо опасные. С этой братвой ухо остро держать надо, поэтому контролеров сюда стараемся из тех, кто понадежнее, в наряд ставить.

– А... приговоренные к высшей мере тоже здесь?

– «Вышаки»? Нет, этих ребят мы специально подальше от сложного контингента убрали. Они в одном корпусе с малолетками, только на другом этаже. – Заметив недоуменный взгляд Самохина, пояснил: – Там особо оборудованный проход для смертников. Потолки, стены и полы в их камерах железные, окошки малюсенькие, двери, кроме замков, сигнализацией заблокированы, так что не выскочат. Кроме «вышаков», мы на том проходе самых опасных эсков держим. Сейчас Кречетова туда поселили. Слыхали про такого? Бизнесмен, кооператор. Денег нахапал столько, что даже ручки дверные у себя в квартире золотые поставил! Теперь в одиночке парится.

– А там дежурный наряд... надежный? – не удержался Самохин.

– Стараемся таких подбирать. Да где их, надежных-то, взять, – вздохнул замполит. – С кадрами напряженка. Изолятор вроде штрафбата. Сюда что эсков, что сотрудников – на исправление посылают. Вот вас, к примеру, за что?

– Ну, для меня эта служба вроде как для вас, повышение, – усмехнулся Самохин. – В колонию, где я работал, в глухомань, даже на исправление не посылали...

Барыбин показал Самохину комнату, где обосновался старший дежурный по корпусу. Протиснувшись следом и поздоровавшись, майор с удивлением услышал в ответ лениво-томное:

– Приве-е-тик, товарищи офицеры.

Оглядевшись, Самохин увидел сидящую вполоборота за обшарпанным канцелярским столом сияющую, будто солнечный зайчик на мрачной тюремной стене, блондинку. Форменный китель не сходил с ее груди и был расстегнут. В изящно отставленной белокожей, холеной руке с перламутровым маникюром дымилась грубая «Прима». Пепел дама стряхивала в пустую консервную банку.

– Вот. Привел к вам нового сотрудника. Познакомиться, – явно смущаясь, обратился к блондинке Барыбин.

– Оч-чень приятно, – хрипло проворковала дама, протягивая Самохину не занятую сигаретой руку словно для поцелуя, – старшина внутренней службы Эльза Яковлевна Герцег. Не в смысле герцогини, к сожалению, а всего лишь старшая по корпусу в этом гадючнике. Ээки и некоторые несознательные сослуживцы зовут меня Эльзой Кох, оскорбительно намекая на мою национальную принадлежность. А я, к вашему сведению, русская патриотка немецкого происхождения. Хотя менталитет, должно быть, дает себя знать, иначе бы я здесь не работала...

Немного ошарашенный Самохин осторожно пожал пухлую, теплую руку, представился смущенно:

– Владимир Андреевич... майор, то есть, Самохин.

– Эль... товарищ старшина, – утер вспотевший лоб Барыбин, – майор Самохин у нас человек новый. А вы один из самых опытных сотрудников... сотрудниц... В общем, расскажите ему, как ведется покамерный учет заключенных, – наконец стряхнул с себя наваждение и закончил на одном дыхании замполит.

– О-чень приятно, Владимир Андреевич, – с нажимом проворковала старшина, – я вас, как опытный сотрудница... Так, кажется, меня отрекомендовал замполит? Так вот, мой есть оч-чень опытный сотрудница, который может научить вас чему угодно. Но не здесь. А в этом гадючнике оч-очень опытный сотрудница ничему особенному такого симпатичного мужчину, к тому же старшего офицера, научить не может. К сожалению.

Самохин крякнул на манер замполита, нащупал в кармане изрядно помятый носовой платок, утер лицо, сдвинул на затылок фуражку, пошутил неуклюже:

– Если и есть во мне что симпатичного, Эльза Яковлевна, так это душа. Спасибо, что разглядели. Теперь бы еще узнать, как вы эков по камерам учитываете да считаете, так и помирать не страшно...

– Живите, – вздохнула старшина, – всегда вы так, мужики. Только осчастливишь вас – уже помереть норовите... А эков считать – проще простого. Вот они, козлы, все здесь.

Она указала на деревянный ящик с ячейками.

– Они у меня по камерам в картотеке разложены. Вот, к примеру, сто пятидесятая хата, – неторопливо, растягивая слова, пояснила старшина. Вытащив из ячейки стопку картонных карточек размером с почтовый конверт, она веером развернула их перед майором. – Считаем. Видите? Двадцать одна карточка. Очко! А на ячейке стоит цифра – двадцать два. Стало быть, в камере, рассчитанной на двадцать два козла, сидит двадцать один. Еще для одного место есть. Поступает с этапа зэк – я его в эту хату селю и карточку сюда кладу. Уходит – карточку вынимаю и передаю в дежурку, ДПНСИ, если совсем выбывает из изолятора, или корпусному в тот корпус, куда его переводят.

– А как вы решаете, кого в какую камеру сажать? Вдруг там поделники окажутся?

– Оч-очень просто. Возьмем вот этого... Ух и рожа, – показала Эльза фотографию, наклеенную на карточке, – видите? Карточка красным карандашом наискось перечеркнута. Это значит – склонный к нападению на конвой, к побегу, вообще опасен. А здесь его данные: Милютин

Иван Захарович, арестован по статье сто второй, убийство... Подследственный. А вот написано: содержать отдельно от подельников Цибизова, Рахимова. Мы и содержим отдельно. Все это в дежурной части по личным делам выверяют.

– Могут и ошибиться? – догадался Самохин.

– Запросто! У меня в прошлом году случай был. Привели зэка на корпус. Смотрю – по делу вроде один проходит. Ну, я его в камеру, где свободное место было, и сунула. Не успела дверь закрыть – крик, грохот. Зэки орут: Эльза, трупика забери! Я в кормушку смотрю – а новенький уже вверх воронкой с разбитой башкой лежит. Оказывается, в дежурке подельника указать забыли, в карточку не вписали. А он в аккурат в этой хате сидел. И в ходе следствия у них между собой конфликт вышел, кто-то кого-то сдал. Этот-то в камеру только вошел, а кент бывший его признал, соскочил со шконки и без разговоров чайником ему по башке. А у нас чайники литые, тяжелые, если им дербалызнуть – мало не покажется. Такая вот неприятность.

Старшина вздохнула, потом, перевернув карточку, показала надписи на обороте:

– Здесь взыскания записываются. Вот. Этот переговаривался через окно с другой камерой – лишен ларька, то есть права на закупку продуктов питания, сроком на один месяц. Нецензурно обругал дежурного контролера – пять суток карцера...

– Не вас? – сочувственно поинтересовался Самохин.

– Меня? – удивленно подняла тонкие, ниточкой брови старшая по корпусу.

– Обругал нецензурно – не вас? – в замешательстве уточнил майор.

– Если бы он меня обругал, товарищ начальник, – хладнокровно заявила, укладывая карточки в ячейку, старшина, – я бы ему, козлу, яйца оторвала...

И Самохин понял, почему зэки прозвали ее Эльзой Кох.

3

Первый, ознакомительный день так и не сложился для Самохина в четкую картину предстоящего места службы. С утра и до вечера в следственном изоляторе визжали и оглушительно хлопали стальные двери продолов и камер. Усталые, с красными злыми лицами контролеры, поигрывая раздраженно дубинками, вели куда-то бесконечные вереницы заключенных – с вещмешками, скатанными матрацами и налегке, со сцепленными за спиной руками. Сновали облаченные в черную униформу с бирками на груди зэки из хозобслужбы, драили швабрами бетонные выщербленные полы, тут и там трещали, ослепляя, электросваркой, наваривая, где только можно, новые пласты железа, волокни по продолом термосы с горячей баландой, катили, дребезжа на все лады, тележки, доверху наполненные пустыми алюминиевыми мисками.

Во дворе изолятора, у входа на КПП, сатанея от ярости, хрипели и рвались с поводков конвойные псы, и хмурые солдаты-«вэвэшники», выставив перед собой стволы автоматов, следили пристально, как суетливо, подгоняемая лаем собак, поочередно ныряет в темное нутро «воронков» партия заключенных, этапируемых в неведомые края, а молоденький лейтенант-начкар, положив правую руку на кобуру с пистолетом, командовал громко и монотонно: «Первый пошел... второй пошел...»

Впрочем, непонятным до поры казался Самохину не только следственный изолятор. Прожив много лет в провинции, он давно отвык от большого города и растерялся, оказавшись в областном центре. С квартирой дело решилось на удивление быстро. Все нажитые майором за три десятка лет службы вещи легко уместились в грузовик, выделенный начальником колонии под перевозку имущества семьи Самохиных. Правда, старье вроде кухонных шкафов, продавленного дивана и шатких стульев решили в город не тащить, раздали по соседям, и все равно вещей получилось как-то до обидного мало.

После переезда жена, Валентина, затеялась на новом месте с ремонтом, освободив Самохина от этого нелюбимого им занятия.

– Давай служи, – без упрека, обреченно вздохнула она после того, как Самохин удовлетворенно заявил, что квартирка чистенькая и никаких побелок-покрасок, по его мнению, вовсе не требует.

То, что Самохина перевели наконец-то в город, как-то извиняло равнодушного к бытовым хлопотам мужа, показывало, что служил он вроде бы не зря, раз уже перед пенсией потребовался начальству на новом месте, и Валентина, безропотно прожившая много лет в маленьком, грязном и неблагоустроенном по-деревенски, продуваемом насквозь злыми степными ветрами колонийском поселке, воспряла теперь, даже помолодела и светилась радостью от перемен к лучшему. Покупала и демонстрировала мужу новые кофточки, платья, туфли, и Самохин, никогда не обращавший особого внимания, во что одета жена, да и сам, по сути, всю жизнь не вылезавший из формы, тоже радовался и притворно-восхищенно цокал языком при виде очередной обновки: – А ты, мать, у меня еще... ничего! И все-таки он чувствовал себя потерянным в этом огромном, переполненном чужими людьми городе. Опасливо вклинивался в безнадежную толчею общественного транспорта, где напирали со всех сторон. Ощущение того, что кто-то незнакомый плотно стоит позади, дышит жарко в затылок, казалось невыносимым для старого тюремщика, привыкшего не подставлять спину коварному «спецконтингенту». И потому майор чаще ходил пешком, выбирая маршрут, пролегающий по малолюдным улочкам и переулкам. Оказываясь в магазинах, вечно заполненных гудящими толпами, Самохин не пытался пробиться к прилавку, нелепо мучился, стесняясь выяснить крайнего в очереди, злился на себя за эту дурацкую, неуместную для пятидесятилетнего мужика застенчивость и чаще всего уходил, оставаясь то без сигарет, то без хлеба.

Как-то, заблудившись в кварталах старого города, он долго не мог отыскать нужной улицы, и, хотя мимо плыл поток деловито спешащих прохожих, респектабельных и надежных, Самохин обратился за помощью к двум парням, сидевшим на корточках в заплыванной тени чахлой акации. Сперва в недоумении они воззрились на подошедшего к ним тюремного майора, а потом с воодушевлением, растопырив татуированные пальцы, принялись показывать дорогу. Эти, побывавшие, по всем приметам, в зоне, пацаны оказались в какой-то мере более близкими майору, чем благопристойные горожане. Парни были понятны ему, он знал, на каком языке следует разговаривать с ними, когда и чего от них ожидать...

Однажды Валентина купила билеты в кино. Самохин не бывал там уже, кажется, лет двадцать. В колониjsком поселке кинотеатра не было, обходились телевизором, по которому с треском и рябью транслировали с грехом пополам единственную программу, и новые фильмы майор смотрел спустя несколько лет после выхода на экраны, когда по воскресеньям их крутили в затемненной наспех дырявыми шторами зоновской столовой, да и видел с пятого на десятое, отвлекаясь по делам службы. И в этот раз, не посмея отказать Валентине в такой малости, он, скрепя сердце, отправился в культпоход, даже не поинтересовавшись названием кинофильма. Самым невыносимым оказалось для него пятнадцатиминутное пребывание в фойе кинотеатра, среди празднo ожидающей начала сеанса публики. Самохин то снимал, то нахлобучивал на голову жаркую форменную фуражку, раздраженно отвергая робкие попытки Валентины пригладить его слипшиеся от пота волосы, мялся, не зная, куда девать руки, и попеременно прятал их то в карманы брюк, то кителя, пока жена не вручила ему, отлучившись в туалет, свою дамскую сумочку, с которой майор и вовсе выглядел нелепо. В зале свирепо захотелось курить, а киношная жизнь на экране казалась фальшивой и неинтересной...

Самохин понимал, что его нелюдимость становится уже ненормальной, и не без основания винил в ней долгие годы службы, не оставлявшей времени ни на что, кроме зоны.

Даже в редкие часы досуга она не отпускала, напоминая о себе завыванием системы тревожной сигнализации с поэтическим названием «Ночь», отблесками огней периметра колониjsкого забора, озаряющими во тьме потолок спальни в квартире Самохина, топотом кованых сапог под окнами и бесцеремонным стуком в дверь посыльных-«чекистов» при объявлении внеурочного вызова на работу...

Теперь он плохо спал по ночам, греша то на летнюю жару, то на нескончаемый уличный шум, доносящийся из распахнутого настежь от духоты окна, то на запах краски после ремонта. Вставал, уходил на кухню, курил, не зажигая света и глядя на странный от неоновых фонарей город. Возбужденно гремя музыкальными аккордами в салонах, проносились мимо дома Самохина блестящие автомобили неведомых марок, цокали каблучками по тротуару припоздавшие девушки непривычной внешности, высокие, длинноногие, обескураживающе красивые, и майор чувствовал себя кем-то вроде инопланетянина, наблюдающего чужую непонятную жизнь и без особой надежды на успех пробующего подладиться под нее, мимикрировать...

В отчужденности своей Самохину вовсе не приходило в голову смотреть на окружающих свысока, тем более обвиняюще, ибо, всю жизнь прослужив в правоохранительных органах, он давно понял относительность разграничения людей на «честных» и «нечестных», оценил зыбкость, размытость границ между этими людскими понятиями, когда народ в массе своей довольно легко, не угрызаясь особо совестью, в зависимости от обстоятельств, плавно перетекал из одной категории в другую, представляя поочередно то обидчиком, то потерпевшим. И судить, по мнению майора, кто прав, а кто виноват в той или иной жизненной ситуации, достоверно не мог никто. А потому Самохин просто смотрел вокруг, удивляясь, не понимая многого и смиряясь со своей отстраненностью.

В субботу Самохина не занарядили на службу, и он, непривычный к двум выходным дням подряд, промаялся все утро без дела, расставляя по углам скудную мебель и вбивая в новенькие

обои на стенах гвоздики для любимых Вале́й картин, написанных в разные годы коротавшими срок зэками-художниками, тоскующими все больше по сельским пейзажам, и все эти лесные полянки, деревенские околицы прилились теперь как нельзя кстати заскучавшему в городских кварталах майору.

А чуть позже, к полудню, жена огорошила, заявив, что вечером ожидает гостей – свою двоюродную сестру с мужем.

– Что ж мы с тобой, отец, живем будто два сыча? – виновато, зная, что Самохин не любит застолий, оправдывалась Валентина. – Гости у нас не бывает, сами никуда не ходим, не родимся ни с кем. А я сегодня на базаре Наташку встретила, она с мужем была. Еле узнала – сколько лет не виделись! Ну, разговорились, что да как. Они, когда узнали, что мы теперь здесь живем, прямо вцепились – мол, или вы к нам, или мы к вам. Ну я и решила – вроде как новоселье справить. Скромненько, пельменей наделаю, водочки куплю. Посидим, поболтаем – что плохого-то?

– Да черт с ними, пусть приходят, – буркнул Самохин, но от подготовки праздничного стола устранился напрочь.

Он уединился в кабинете, оборудованном в отгороженном от спальни закутке, прежде кладовой, главным достоинством которой было узкое, в одно звено, окошко, выходящее на шумный проспект. Послеобеденное солнце, описав крутую кривую над городом, затерялось за высотными домами на противоположной стороне улицы, не так яростно калило асфальт, и в набежавшей тени, стряхнув душную жару с крыльев, заметались, посвистывая, стремительные ласточки, а на тротуаре завистливо чирикали им вслед, довольствуясь малым, вездесущие воробьи.

Самохин устроился за столиком, водрузил на него тощую ученическую тетрадь, приبلудную пепельницу каслинского литья, мелкую и тяжелую, приготовил початую пачку «Примы». Отыскал в ящичке ручку, закурил первую сигарету и, выдохнув клуб дыма в распахнутое настежь окно, задумался, глядя на трассирующих в поднебесье ласточек.

Несколько лет назад Самохин побывал в Подмоскowie на курсах переподготовки оперативного состава исправительно-трудовых учреждений МВД. Читавший там лекции отставной кэгебист учил «кумовьев» анализировать сложные ситуации с помощью оперативных схем. Вспомнив ту науку, майор приступил решительно к составлению плана операции, которой придумал хищное название «Ястреб», написав это слово крупными буквами в верхней части клетчатого, похожего на густо зарешеченное камерное окно тетрадного листа. Чуть ниже и мельче, но так же старательно вывел: «Цели и задачи операции – предотвращение побега заключенного из следственного изолятора». Еще ниже добавил: «Силы и средства». Задумался на мгновение, затянулся сигаретой и пометил, усмехнувшись: «Майор Самохин». Выпустив облачко дыма в окно, обозначил через черточку: «← один».

Следующий пункт плана он озаглавил так: «Предположительные пути и способы побега лиц, содержащихся под стражей в следственном изоляторе». Здесь майор надолго задумался, поймав себя на том, что, едва загасив одну сигарету, потянул из пачки другую. Поморщившись, сунул обратно и стал размышлять, покусывая зубами пластиковый колпачок авторучки.

Способов побега из мест лишения свободы он знал и перевидал на своем веку множество. Однако после поверхностного пока знакомства с устройством следственного изолятора Самохин отверг большинство из них. Например, с помощью автотранспорта – на таран, когда зэки, захватив на территории зоны автомашину, разогнавшись, вышибают ею ворота или забор, прорываясь таким образом на свободу. На режимную территорию СИЗО машины не въезжают, потому исключается и другой способ побега – спрятавшись среди груза в кузове, на крыше фургона или под днищем автомобиля.

Майор исключил из своего списка и такие экзотические способы побега, как попытки стартовать из зоны на дельтаплане или с помощью мини-вертолета, изготовленного на базе бен-

зопилы «Дружба». Среди заключенных встречается немало умельцев-чудиков, которые пытаются обмануть конвой и тюремщиков самыми экстравагантными приемами, ставя перед собой цель любыми путями вырваться за пределы колонии и не очень представляя, что дальше, на свободе, они будут делать, куда подадутся...

Если Кречетов надумает «рвать когти», резонно рассудил Самохин, то сделает это наверняка, максимально рассчитывая на успех, а не для самоутверждения и восторга в глазах зонной «братвы». А значит, без помпы, стрельбы и беготни по тюремным коридорам и крышам.

Не стал рассматривать майор возможности побега во время проведения следственных действий из зала суда. Там за охрану арестованных отвечала милицейская конвойная служба, и Самохин был уверен, что по приказу генерала за пределами СИЗО Кречетова будут опекать так же плотно, как и в его стенах. А вот обратить внимание на порядок выдачи заключенных из следственного изолятора конвоем следовало особо. Внутренние войска забирали эков этапами, по два-три десятка человек, в определенные дни недели, совпадавшие с расписанием поездов, на которых затем развозили осужденных в места лишения свободы. Зато милиция ныряет в изолятор за подследственными с утра и до вечера. Потому следовало поинтересоваться, возможно ли, хотя бы теоретически, по поддельным документам получить зэка и вывести его с территории СИЗО?

Майор вписал этот пункт в план и опять закурил, рассеянно дунув на спичку.

Нередки побеги из стационаров больниц, куда врачи колоний направляют внезапно и тяжело заболевших эков. Существуют специальные тюремные больницы, бежать из которых так же сложно, как и из зоны. Но туда заключенных этапируют по разрядке, когда не требуется экстренного лечения. А вот «остро» заболевший зэк может попасть в обыкновенную городскую больницу, «вольную», где доктора, заботливо хлопоча над арестантом, презрительно косятся на его конвоиров, не пускают их в свои кабинеты, процедурные, и майор знал много случаев, когда заключенные ударили едва ли не с операционного стола. Самохин пометил в плане такой способ побега и решил непременно познакомиться ближе с докторами, работающими в санчасти СИЗО.

И все-таки вероятнее всего Кречетов попытается выбраться из следственного изолятора при помощи кого-то из местных сотрудников. Чтобы принудить тюремщика к такому содействию, его можно подкупить, шантажировать, заставить пойти на сотрудничество угрозами. Тем более, что о чем-то в этом роде и говорил генерал, предлагая майору «присматривать» за сослуживцами.

Побег с перепиливанием оконных решеток, разбором стены камеры, подкопом гораздо меньше подходил для сорокалетнего бизнесмена. Его шансы на успех и вовсе таяли, если вспомнить опутанный колючей проволокой и сигнализацией четырехметровый забор, через который предстоит сигать беглецу. Тем не менее Самохин вписал его в схему. Он еще не видел Кречетова, и вполне вероятно, что при ближайшем рассмотрении тот окажется способным на все ухарем, эдаким суперменом...

В последние годы все чаще встречался еще один, немислимый в прежние времена, способ вырваться за решетку – побег с захватом заложников. Когда-то в системе МВД действовала негласная установка на безусловное уничтожение решившихся на такой шаг преступников, при этом судьба заложников на ход операции не влияла. Тем более, если в их числе оказывались сотрудники мест лишения свободы. Такие ситуации входили в сферу их профессионального риска, и сохранения жизни в некоторых экстраординарных случаях им никто не гарантировал. Однако с недавних пор органы внутренних дел как-то подрастерялись, начали вступать с террористами в длительные и бессмысленные переговоры, в результате чего захваты заложников участились, превратясь для эков в смертельно опасную, но все-таки не безнадежную игру.

Год назад подобный случай произошел в колонии, где служил в ту пору Самохин. Два зэка, не сумевшие рассчитаться за карточный проигрыш, решили «выломиться» из колонии

и не додумались ни до чего лучшего, чем захватить в заложницы продавщицу ларька на территории жилой зоны. Торговавшую там глупую, скандальную бабенку, которую не раз подлавливали на продаже заключенным товаров за наличные деньги, что было строжайше запрещено, обычно на территории жилзоны сопровождал прапорщик-контролер. Затем продавщица закрывалась изнутри в магазинчике, отоваривала эков через узкое окошечко, а в конце рабочего дня по внутреннему телефону вновь вызывала с вахты сопровождающего и отправлялась за ворота колонии, домой. Однако в тот день ей приспичило переставить в подсобке какие-то ящики. Возиться самой с ними было лень, и она, открыв дверь магазинчика, попросила подсобить двух крутившихся поблизости эков, посулив им за труды пачку сигарет. Те как раз ждали такого случая. Оказавшись в ларьке, эки заперлись на тяжелый, надежный засов и, пригрозив продавщице заточкой, сообщили по телефону на вахту о захвате заложницы. Потребовали легковой автомобиль с полным баком горючего, автомат с патронами и две бутылки водки.

Начальник колонии полковник Дмитриев доложил о случившемся в областное УВД. Оттуда посоветовали начать переговоры, тянуть время и пообещали прислать специально подготовленную команду спецназа, которая должна была прибыть через несколько часов.

Переговорив коротко через окошко ларька с запершимися там эками, Самохин предложил Дмитриеву справиться своими силами. Террористы, по мнению опера, были людьми несерьезными, «быковатыми». Поэтому майор для начала предложил передать им водку. С помощью колонийского врача, который сперва категорически отказывался «травить заключенных», в бутылки сквозь сталеолевые пробки закачали шприцем лошадиную дозу снотворного.

Главным исполнителем сценария освобождения заложницы, опять же с подачи Самохина, назначили молодого оперуполномоченного режимной части старшего лейтенанта Николая Смолинского. Колька переделся в эковскую робу с биркой на груди, сунул за пояс под куртку пистолет «Макаров» со взведенным курком, нахлобучил на лоб козырек зоновской кепки-«пидорки» и принялся с дебильным выражением лица шаркать метлой, гоняя пыль по дорожке неподалеку от ларька.

Операцию решили провести молниеносно, не будоража зону. Эки, свободные от работы, сидели по отрядам, ничего не зная о случившемся, а вблизи места происшествия находился только Самохин и два прапорщика, тоже вооруженные пистолетами для подстраховки. Полковник Дмитриев намеревался руководить освобождением заложницы с вахты, по рации, но батарейки мгновенно сдохли, так что Самохин действовал по собственному усмотрению.

Для выполнения требований террористов Дмитриев пожертвовал свой персональный «уазик», предупредив, что, если с машиной что-то случится, деньги на ее восстановление и ремонт вычтут из жалованья майора. В конвойном батальоне нашелся неисправный автомат, который, показав экам издали, положили в салон подогнанного к выходу из магазинчика «уазика».

В принципе, заключенных можно было взять живыми. Но Самохин решил надолго пресечь подобные эксперименты со стороны зоновской «братвы». И когда из дверей ларька сначала шагнула притихшая, с остекленевшим взором продавщица, а следом, оперев ей в спину заточку, вываливались, нетвердо ступая, обалдевшие от подмешанного в водку люминала эки, Коля Смолинский зачистил метлой, подбираясь потихоньку к сбившейся тесно троице.

На пороге магазина эки принялись крутить головами, пытаясь разглядеть несуществующих снайперов. За это время косящий под придурка из хозобслуги старший лейтенант подошел к ним почти вплотную. Отшвырнув метлу, он выхватил пистолет и поочередно расстрелял обоих. Бабенка стояла столбом, на удивление хладнокровно смотря на корчащихся у нее под ногами в агонии террористов. Позже выяснилось, что заключенные радушно угостили заложницу, влив в нее стакан составленного Самохиным и доктором пойла, и в происходящем вокруг продавщица ориентировалась смутно.

Смолинский стрелял хорошо, наповал, так что вмешательства медиков уже не понадобилось. Продавщица – не пострадала, но из магазинчика, придравшись к чему-то, ее уволили, о чем ни сотрудники, ни зэки впоследствии не жалели.

Прокуратура по надзору долго занималась этим делом, оценивая правомерность применения оружия. В конце концов за решительность и мужество, проявленные при освобождении заложника, начальника колонии поощрили приказом по УВД, Кольку Смолинского представили к медали, с малоподходящей для тюремщика формулировкой «За отличие в охране общественного порядка», а Самохину объявили строгий выговор. И между прочим, как считал сам майор, поступили совершенно справедливо. Ибо он, старший оперуполномоченный, действительно проморгал готовящееся преступление, не предотвратил его, как предписывали должностные инструкции, «на стадии замысла», а ведь зоновские «кумовья» существуют как раз для этого...

Самохин вдавил очередную сигарету в наполнившуюся незаметно до краев пепельницу.

– Только потолки побелила! – услышал он голос незаметно подошедшей жены. – Вмиг прокоптишь все своим куревом! А ведь обещал бросить. Говорил: вот исполнится полста лет, и все!

– Бросишь тут... То одно, то другое, – смущенно разгоняя рукой дым, оправдывался Самохин. И вспомнил вдруг, что то же самое говорил, угощая его легкой дорогой сигареткой, генерал.

– Что, и здесь планы строишь, операции разрабатываешь? – проницательно, едва глянув на исписанный листок бумаги, укорила жена. – Хвастался, что работа у тебя теперь легкая, ходи себе туда-сюда по тюрьме и спи на ходу...

Самохин кашлянул, с досадой перевернул листок чистой стороной вверх, сказал неопределенно:

– Тюрьма, мать, она и в Африке тюрьма... Ты лучше дай мне монетку двухкопеечную, позвонить нужно.

– Куда это ты названивать собрался? – удивилась жена и добавила добродушно: – Может, девушку какую на новом месте службы завел?

– Там еще те... мадамы! – усмехнулся, представив на мгновение томную красавицу Эльзу, Самохин. – Их даже особо опасные рецидивисты боятся.

– Так то рецидивисты! А ты у меня еще хоть куда. Красивый, не пьющий, к тому же майор! Любая набросится – не оторвешь!

– Нахвалишь себе на голову, – хмыкнул польщенный Самохин.

– Вначале кинется, а как начнешь в ее квартире курить, так сразу и выпрет, – мстительно закончила Валентина и напомнила, уходя: – Ты особенно-то не любезничай там, по телефону, через полчаса гости должны подойти. Я уже стол накрываю.

Самохин еще раз пробежал глазами свой план и, чтобы завершить его, отметил последним пунктом уж совсем невероятное – вооруженное нападение на следственный изолятор извне с целью вызволения Кречетова. Потом достал из шифоньера и неторопливо натянул хлопчатобумажные нежаркие брюки, веселенькую, в цветочках, рубашку, водрузил на голову старую, но вполне приличную, в мелких дырочках летнюю шляпу и, прихватив приготовленные женой монетки, отправился на улицу. Там, через два дома, находился телефон-автомат. Номер, который дал ему генерал, майор помнил наизусть. Позвонив, Самохин будничным голосом доложил о начале операции «Ястреб».

Вернувшись через четверть часа, Самохин еще в подъезде, сквозь запертую дверь услышал громкие голоса, доносившиеся из его квартиры, сочные чмокающие поцелуи – пожаловали родственники. Настроение, навеянное праздным летним деньком, сразу испортилось. Майор действительно с трудом терпел всяческие застолья с выпивкой, бессвязными, похожими на птичье чириканье разговорами, когда вначале натужно поддерживается веселье не слишком зна-

комых и дружных между собой людей, переходящее позже в пьяное и еще более фальшивое всеобщее братание.

Сестра Валентины оказалась толстой самодовольной бабой, часто увешанной золотыми цепочками, серьгами и красноглазыми перстнями на розовых пальцах-сосисках. Ее муж, напротив, был плюгавенький курносый мужичонка неопределенного возраста. Он сразу по-свойски стал «тыкать» Самохину, полез целоваться, не замечая, как с негодованием отшатнулся от него майор, дотошно, по-бабьи осмотрел обстановку в квартире, поскреб пальцем новые обои, завел длинный, непонятный для Самохина разговор о побелке, циклевке полов, о ремонте, который тоже, оказывается, сделал недавно в своей квартире. Рассказывал азартно, взалхлеб, и майор, поджав губы, терпеливо ждал, когда гость доберется до конца подробнейшего повествования о приобретении за полцены дефицитной кафельной плитки.

Валентина увела сестру на кухню, оставив мужа с юрким и легким, как теннисный мячик, родственником. Тот сообщил, что приходится Самохину двоюродным свояком, и катался по квартире, подпрыгивал, балаболит без устали. И майор был даже доволен этим, потому что, будь свояк посдержаннее, пришлось бы развлекать его беседой, развеивая тягостное молчание, в которое в таких ситуациях норовил погрузиться Самохин.

Потом все чинно расселись за стол, и свояк принялся разливать водку по рюмкам, произнес тост – что-то длинное о родственных отношениях, которые, оказывается, важнее всего на свете, на них мир держится, и что ближе и дороже Володи и Валентины у него до сих пор никого не было, а теперь будет, потому что они нашлись, наконец... И что-то еще в этом роде.

Самохин, ловя на себе тревожные взгляды жены, вымученно растягивал губы в улыбку, поднял рюмку, чокнулся с гостями, выпил, подцепил вилкой горячий пельмень, стал есть, обжигаясь и не глядя по сторонам.

Сваяк по-хозяйски налил по второй, потом, без перерыва почти, по третьей. Самохин и поесть-то не успел толком, а родственник уже завел разговоры о том о сем, и надо было слушать его, кивать, а пельмени остывали, и это тоже злило майора.

В довершение ко всему оказалось, что свояка зовут Валентином, и он то и дело шутил по этому поводу, обращаясь к хозяйке:

– Валентина! Положи-ка Валентину салатика. Да не себе, а мне, ха-ха-ха! Спать сегодня будем одинаково. Кто с Валентиной, а кто с Валентином, х-хи!

Самохин кричал досадливо, вытирал рот салфеткой и свирепел.

– Нет, живете вы так себе, не по-людски! – неожиданно веско изрек свояк. – Вот даже рюмки у вас не хрустальные, стеклянные какие-то, дрековские. Ну ничего, это мы исправим. Есть кое-какие связи в магазине хозяйственном. Хрусталь – он нынче в цене. Но достать можно... А у меня этой весной хохма случилась. И смех и грех! Аккурат на Девятое мая. Встал я утром, честь по чести, к праздничку готовимся, естественно. Ну, естественно, пропустил рюмочку. И так у меня на душе хорошо стало! Гуляю по квартире – все чистенько, в комнатах прибрано, вещи разные, мебель красивая, как в музее каком-нибудь! За окном солнышко сияет, на деревьях листочки первые зазеленели, по радио – музыка, по улице ветераны туда-сюда с медальками шныряют – благодать! И тут, откуда ни возьмись, муха. Первая в этом году. Влетела, тварь, и давай по залу жужжать. Здоровенная такая, натуральный бомбовоз. И на мебельную стенку пристроилась. Сначала на полировку, потом гляжу – она, гадина, на сервант, прямо на дверцы стеклянные перебралась. Ну, думаю, шас всю импортную вещь мне загадит! Взял я полотенце, сложил вдвое, прицелился и – бац! Две полки, хрусталем под завязку заставленные, сорвались и хлоп друг на дружку! Посуда – вдребезги. Баба моя, естественно, в крик. Ну, слезы, рыдания, естественно. Натуральная истерика. Еще бы – два ведра битого хрусталя на помойку вынесли. Пробовал я кое-что склеить – да где там! Вид, конечно, уже не тот... Вот ты бы на моем месте после такой беды что сделал? – неожиданно упер он зубцы вилки в грудь Самохина.

Тому аж смешно стало от ярости, которую за короткое знакомство умудрился вызвать в нем этот человек.

– Повесился! – пристально глядя в глаза свояку, серьезно сказал Самохин.

– Во! А я – хоть бы хны. Ну, попереживал немного, естественно, не без того. Но, в отличие от вас, офицера, я ж рабочий человек!

– Да ну? – удивился майор.

– А то! В моем лице, можно сказать, наглядно воплотился союз пролетариата и колхозного крестьянства. Рос и развивался в деревне. Там и закалку трудовую получил. Теперь вот живу и работаю в городе. И мне убыток этот, если разобраться, – тьфу! Я своей бабе так и сказал, правда, Натаха? Не плачь, говорю, жена, руки у меня есть – заработаем, наверстаем! И точно! Как-нибудь зайдете к нам, посмотрите. Не квартира, а Лувр! э

– Куда там Лувру! Я давеча в Эрмитаже была, – вставила сестра Валентины, – так у нас не хуже. Зайдете?

– Обязательно, – кивнула Валентина, со значением глянув на мужа.

– Угу, – филином отозвался Самохин.

– Щас деньгу зашибить – раз плюнуть, – продолжил неугомонный свояк. – Наш завод, ну, на котором я работаю, раньше чисто оборонный был. Для ракет стратегических что-то там собирали. Секретное все... А на хрена нам, спрашивается, столько ракет? Мне они, к примеру, нужны?

– Тебе – нет, – кивнул Самохин.

– Во-от. А сейчас мы с ребятами знаешь что придумали?

– Что? – насторожился майор.

– Мыльницы делать! Создали кооператив и штампуют из пластмассы. У нас на заводских складах этой пластмассы навалом. Она ведь не простая – стратегическая! То ли несгораемая, то ли пуленепробиваемая... Нынче вся дребедень оборонная побоку – конверсия! Станочек поставили, секунда, и – бздынь -мыльница! Три рубля пятьдесят копеек за штуку.

– И кто же у вас на заводе таким... сообразительным оказался? – поинтересовался Самохин.

– Пролетариат в союзе с научно-технической интеллигенцией! – с гордостью заявил свояк. – Наш генеральный директор даже диплом получил – международный, за переориентацию оборонной промышленности. А все мозги инженерные да золотые руки рабочих. Умеем, когда захотим.

– А когда все в городе мыльницами запасутся – чем займетесь?

– Ну, во-первых, зарубежные рынки освоим. За доллары станем продукцию продавать. Во-вторых, таким макаром не только мыльницы, а что угодно штамповать можно, надо мозгами хорошенько пошевелить...

Сваяк опять взялся за бутылку, разлил. Женщины отказались выпить, ушли на кухню. Гость с рюмкой в руках пододвинулся ближе к Самохину:

– У нас теперь на заводе заработки – ого-го! Не у всех, конечно. Только у тех, кто в кооперативе работает. А мы туда любого, с бухты-баракты не возьмем. Шалишь! Это тебе не гос-предприятие.

– А как же классовая солидарность? – Самохин, кажется, впервые заинтересовался разговором.

– Эх вы, служивые! Так ведь в этом-то классовая солидарность и заключается! Создали предприятие, работаем дружно, деньгу заколачиваем и чужого к себе не пустим. Хватит, наэксплуатировали нашего брата-пролетария! Рабочий-то человек, он ведь, если разобраться, по-настоящему на себя никогда не работал. То капиталист прибавочную стоимость отбирал, то государство. Вот у тебя, к примеру, какая зарплата?

– Около трехсот.

– Х-ха! У меня тыща – тыща двести спокойно в месяц выходит. Кстати, есть возможность и тебе заработать.

– Ну да? – удивился Самохин. – Мыльницы делать? В подсобники к вам... кооператорам?

– Не-е, там без тебя желающих полно. У тебя и на своем месте – столько возможностей!

Правильно говорят – не человек красит место, а место человека!

– По-моему, наоборот говорят... – покачал головой майор.

– Да какая, к черту, разница! Ты ведь в следственном изоляторе работаешь? Валька говорила. Ну вот. Я как услышал, так скумекал сразу. Есть у меня знакомый. У него родственник туда попал, за что – я не вникал. Короче, я с мужиком этим, знакомым своим, перетер – у нас гаражи рядом, кстати, сегодня и свиделись. И он просит родственнику своему записочку в камеру передать. Тыщу рублей обещает. Всего и делов – а штука в кармане!

– Как фамилия мужика? – сухо, больше по привычке «кума», чем из любопытства, спросил Самохин.

– Приятеля мово?

– Да нет, того, который сидит.

– Эта, как его... Кажись, Климов... Да я уточню! Ты, главное, сделай!

– Нет, – мотнул головой Самохин.

– Да тебе что, тысяча рублей не нужна? – изумился свояк.

– Нет.

– Ну ты даешь... Ты ж всю жизнь в сельской местности прожил, вроде как нашенским, деревенским, стал. А у нас оставлять в беде земляков не принято. Нам здесь, в городе, надо кучкой держаться, выручать друг друга. Город, он знаешь какой? Коварный! Разрушает личность. Об этом и в газетах пишут. Мы, сельские, которые от земли, влиянием этим, слава богу, не испорчены. А ты отделяешься... Зря! У меня, например, везде друзья. В торговле – земляк, в медицине – земляк, в милиции – земляк. Теперь еще ты, в изоляторе. Эх, и заживем людски! Нам с тобой никакие тюрьмы не страшны! А то ты – хе-хе – из рюмок стеклянных водку пьешь. Стыдоба!

Самохин молча отодвинул рюмку, которую заботливо налил и подсовывал ему свояк, вновь отрицательно качнул головой. Свояк возмущенно всплеснул руками:

– Нет, вы посмотрите на него! Тыща рублей ему не нужна! Вот ведь кость белая! Да мне, пролетарию, за эту тысячу месяц в цеху отстоять надо! А там технология такая, что сырость кругом. К вечеру ноги в резиновых сапогах аж горят, носки от пота хоть выжимай, пальцы преют. Вот как рабочему-то человеку копеечка достается!

Самохин смотрел в тарелку перед собой, и остывшие пельмени показались ему похожими на разопревшие пальцы ног свояка после смены... Майор осторожно положил вилку на стол.

– Говно ты, а не рабочий класс, – сказал он, вставая. А потом добавил, вздохнув: – И весь твой кооперативный пролетариат – говно. Пошел вон.

Чуть позже, когда гости, вздернув возмущенно подбородки и остекленело глядя перед собой, ушли, Валентина сказала мужу:

– Ну что, опять?

– Да нормально все! – удрученно отмахнулся Самохин.

– Что ж нормального-то? – всхлипнула Валентина. – Нормально, когда люди семьями дружат, рождаются между собой...

– Может, и надо бы так, – обреченно пожал плечами Самохин, – но я уже болею от дураков. Видеть их не могу...

4

Через неделю Самохин уже не плутал в коридорах и переходах следственного изолятора, лихо шелкал, открывая бесчисленные замки ключом, который и впрямь от частого употребления засиял первозданно-серебристым металлом.

Майора определили в группу режимников, занимающихся проведением прогулок заключенных, обысков, осмотром технического состояния камер. Кроме того, им надлежало осуществлять водворение проштрафившихся эков в карцер, утихомиривать выходившие из подчинения «хаты» и целые продолы, решительно орудуя при этом резиновыми дубинками, за что они в шутку именовались прочими сотрудниками СИЗО «группой здоровья».

Командовал режимниками хмурый, неразговорчивый майор Чеграш. В отличие от подчиненных, собранных в изолятор из разных подразделений – были тут и проштрафившиеся на прежнем месте службы гаишники, пожарные и даже снятый за какую-то провинность бывший начальник ЛТП, – Чеграш начинал работу в следственном изоляторе еще младшим лейтенантом и к разношерстной команде своей относился равнодушно-презрительно. Словно нехотя, сквозь зубы отдавал приказания, чаще жестами, чем словами, показывал, кому из офицеров где находиться в данный момент, чем заниматься. С заключенными он вовсе не разговаривал, объясняясь с ними с помощью резиновой палки. Манипулировал ею виртуозно, словно регулировщик на перекрестке, давая экам четкий сигнал двигаться в ту или иную сторону, стоять, подойти к нему и ловко, с оттяжкой опоясывая по спине провинившихся. От его удара те падали как подкошенные, и потому, зная норы угрюмого цыганистого майора, который улыбался, скаля золотые зубы, только когда хотел наказать, эки вели себя в его присутствии особенно смиренно и предупредительно-вежливо.

На представленного ему Самохина Чеграш посмотрел недовольно, буркнул что-то невразумительное, указал палкой на середину продола – мол, встань там, – и майор понял, что знакомство состоялось, инструктаж закончен и он зачислен в команду.

В трех корпусах следственного изолятора насчитывалось около двухсот пятидесяти камер. Точное число их назвать было сложно, потому что какая-то часть из них постоянно находилась в ремонте и потому была не задействована. Латали, штукатурили и цементировали стены, полы, наваривали дополнительные решетки, укрепляли двери, меняли сантехнику, наращивали «шконки» – металлические кровати – до третьего яруса, увеличивая тем самым количество мест.

На всех обитателей изолятора приходилось сорок прогулочных двориков. Заключенных покамерно загоняли в тесный бетонный квадрат под зарешеченным небом, где они «гуляли», топчась в замкнутом пространстве площадью три на пять метров в течение часа. Таким образом, прогулка всех, содержащихся в СИЗО, за исключением водворенных в карцер и лишенных этого права «вышаков», занимала весь день. В случае заминки какая-то камера могла не успеть «прогуляться», что вызывало справедливые нарекания эков. Поэтому режимникам приходилось действовать споро, по четкой, годами отработанной схеме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.